Камиль Гижицкий

ЧЕРЕЗ УРЯНХАЙ И МОНГОЛИЮ

Воспоминания из 1920–1921 гг.

DirectMEDIA

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Камиля Гижицкого «Через Урянхай и Монголию», впервые изданная в Польше в 1927 году, то есть вскоре после описанных в ней событий, позволит любознательному читателю с полной достоверностью окунуться в историю Белого движения на территории Монголии и в приграничных районах Сибири.

Гижицкий был непосредственным участником военных действий, развёрнутых «белыми», в составе Азиатской Конной Дивизии под командованием барона Унгерна. Кроме того, по своей природе Гижицкий был прекрасным наблюдателем, а по своей склонности — принадлежал к увлечённым исследователям культуры, языка, обычаев, верований и религий монголов и населяющих Монголию племён. Таким образом, перед нами великолепное этнографическое исследование, проведённое в уникальный исторический период.

Книга будет интересна и познавательна широкому кругу читателей.

- Камиль Гижицкий
  -
  - I. В РУКАХ БОЛЬШЕВИКОВ
  - II. ТЮРЬМА И ПОБЕГ
  - III. ТАЙГА
  - IV. В ДОРОГЕ ДО УРЯНХАЯ
  - V. УРЯНХАЙ — ПЕРВЫЕ БОИ С БОЛЬШЕВИКАМИ
  - VI. ТЯГОСТНЫЕ МГНОВЕНИЯ
  - VII. В РЕЗИДЕНЦИИ ЯН-ЧУ-ЧАО
  - VIII. НА ЗАПАДЕ МОНГОЛИИ
  - IX. НАРОД ЧИНГИС-ХАНА
  - X. ВОЛНЕНИЯ В МОНГОЛИИ
  - XI. ЧЕРЕЗ ПЕСКИ ДЖУНГАРИИ
  - XII. В СТОЛИЦЕ КОБДОССКОГО ОКРУГА
  - XIII. ЧЕРЕЗ БАЙТ И ХОШУН АЧИТУ-ВАНА
  - XIV. В УЛЯСУТАЕ
  - XV. КРЕПОСТЬ И ГОРОД
  - XVI. АВТОМОБИЛЕМ ДО САМГАЛТАЙ-ХУРЭ
  - XVII. ПОСЛЕ ПЕРВОЙ СТЫЧКИ
  - XVIII. ВОЗВРАЩЕНИЕ В УЛЯСУТАЙ
  - XIX. ТРАКТОМ УЛЯСУТАЙ — УРГА (ДА-ХУРЭ)
  - XX. В ДЗАИН-ШАБИ, РЕЗИДЕНЦИИ ВОИНСТВЕННОГО ПАНДИТА
  - XXI. ВАН-ХУРЭ

- XXII. В ЛАГЕРЕ «КРОВАВОГО ГЕНЕРАЛА»
- XXIII. БАРОН УНГЕРН ФОН ШТЕРНБЕРГ
- XXIV. ЗАХВАТ УРГИ
- XXV. ПОХОД НА ТРОИЦКОСАВСК
- XXVI. АЗИАТСКАЯ КАВАЛЕРИЙСКАЯ ДИВИЗИЯ
- XXVII. ДА-ХУРЭ
- XXVIII. У БОГДО-ГЕГЕНА — ВОЗВРАЩЕНИЕ В ВАН-ХУРЭ
- XXIX. В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ
- XXX. БОИ ОКОЛО ГУСИНОГО ОЗЕРА И ВОЗВРАЩЕНИЕ
- XXXI. ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОНГОЛИЮ
- XXXII. БУНТ В ДИВИЗИИ
- XXXIII. НА ВОСТОК!
- XXXIV. ВХОД В ДОЛИНУ КЕРУЛЕНА
- XXXV. ЧЕРЕЗ ПЕСКИ ПУСТЫНИ ШАБАРТАЙ-ГОБИ
- XXXVI. ЧЕРЕЗ БАРГУ ДО МАНЬЧЖУРИИ
- XXXVII. ЗАВЕРШЕНИЕ
- НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МОНГОЛИИ И УРЯНХАЕ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25

- ○ 26
- ○ 27

Камиль Гижицкий
ЧЕРЕЗ УРЯНХАЙ И МОНГОЛИЮ
Воспоминания из 1920–1921 гг.

Камиль Гижицкий

ЧЕРЕЗ УРЯНХАЙ И МОНГОЛИЮ

Воспоминания из 1920–1921 гг.

Перевод Ю. И. Перцовского

DirectMEDIA
Москва
Берлин
2018

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ КАВАЛЕР ЗОЛОТОГО КРЕСТА

Я с интересом и нетерпением возвращаюсь к страницам уже давно переведённой мною, но до сих пор не изданной книги Витольда Ширина Михаловского «Папки сарматов», которая ввела

меня в мир удивительных людей первой половины XX века, до сих пор являющихся символами достижений поляков в мировом прогрессе, стоящих рядом на вершине цивилизаторской миссии, обследовавших и изучивших самые потаённые уголки планеты Земля, прошедших сложными и запутанными дорогами к становлению своего писательского таланта.

Антоний Фердинанд Оссендовский и Камиль Гижицкий — эти два человека начали новый и необычный отрезок своей жизни почти в одно и то же время в объятой гражданской войной России, где они оказались чужими и ненужными в стране, озарённой пожаром братоубийственной бойни, и вынуждены были отдать свои предпочтения Белому движению, как и многие другие жители России, не принявшие лозунги пролетарской революции, но оставшиеся по-своему патриотами России (и Польши).

Камиль Гижицкий относился к тем, кого в годы большевистской революции судьба бросила на просторы Великой Степи. Воевали они зачастую на обеих сторонах, что не было чем-то новым в истории.

В момент вспышки Первой мировой войны он был свежеиспечённым выпускником Иезуитской Гимназии в Хырове. Уже в качестве студента Политехнического университета в Мюнхене его мобилизовали в Австрийскую армию.

Фронт, неволя, лагерь военнопленных, Чешский корпус, V Польская Сибирская Дивизия под командованием генерала Чумы, будущего защитника Варшавы в 1939 г.

Это более далёкие эпизоды из биографии молодого подпоручика сапёров К. Гижицкого. После капитуляции V Дивизии он укрылся в Минусинске, где руководил фабрикой по изготовлению сельскохозяйственных орудий.

Всяческие попытки как-то жить в «Красной России», честно зарабатывая на кусок хлеба, используя свои профессиональные знания (Оссендовский и Гижицкий получили достойное образование и могли применять его успешно в жизни), были тщетными. Клеймо представителя другого класса становилось в «Красной России» поводом преследования по политическим мотивам.

Видя заинтересованность чекистов его особой, он сбежал в тайгу Урянхайского края и через горы Танну-Ола пробирался в Монголию. Как затравленный зверь бежал он из России по дикой, никогда не хоженой людьми тайге, в каменных теснинах гигантских гор, где встреча с диким зверем была предпочтительней встречи с людьми, охотящимися на беглецов.

В группе таких же, преследуемых «красными» людей, держал

он путь в Монголию, где формировалась сила, какое-то время способная противостоять Красной Армии, а именно Азиатская Конная Дивизия, которой командовал «Кровавый Барон» Роман Унгерн, чрезвычайно нуждающийся в людях с техническим образованием. Служба под началом «Дедушки», как называли командующего (несмотря на то, что в то время Унгерну было всего 35 лет), добавила Гижицкому сильных впечатлений.

Свои впечатления Камиль Гижицкий описал в изданных в 1927 г. во Львове воспоминаниях «Через Урянхай и Монголию», однако такой же популярности, как профессор Оссендовский, так и не приобрёл.

Оссендовский и Гижицкий встречались в Урге, когда профессор должен был передать поручику Гижицкому технологию производства гранат с удушающими газами.

Карательная экспедиция дивизии Унгерна по российскому пограничью, бунт офицеров Унгерна, выполнение поручения Унгерна и крах дивизии превратились для Гижицкого в череду событий на грани возможностей. Опасность гибели во время переправы через Селенгу, потеря почти всего награбленного добра и походной казны дивизии, не считая личного имущества поручика Гижицкого, состоящего из дневников, ценных клише, фотографий, старых монастырских пергаментных книг, включая бесценную золотую статуэтку Будды, подаренную Богдо-гэгэном — всё это описано в воспоминаниях Камиля Гижицкого.

Бегство в отряде «белых» в Китай к спасительным океанским портам, а затем морское путешествие с посещением стран Востока растянулось для Гижицкого на несколько лет, прежде чем он попал на родину.

Участие в организованном Оссендовским фильмовом сафари позволило ему забыть о кошмаре, пережитом в Азиатской Конной Дивизии. Отличный кавалерист и охотник, а прежде всего — увлечённый естествоиспытатель, препаратор и замечательный мастер репортажа, Гижицкий дебютировал в 1927 г., издав во Львове «Экзотические охоты». Уже после возвращения из Африки, он посылает Оссендовскому перечень библиографических изданий, касающихся Монголии, и информирует о собственных проблемах. В письме от 20 февраля 1927 г. он просит совета, куда лучше эмигрировать. В Конго? Во Французскую Западную Африку? Или может быть в Новую Гвинею. По линии почётного звания за «Экзотические охоты» и «Монголию» Гижицкий получил только тысячу сто золотых.

В очередном письме Оссендовскому Гижицкий писал:

«Мой монгольский прорицатель, который предсказал, что в возрасте сорока лет встретится мне что-то опасное, был прав. В

сочельник Рождества Христова наехал на меня локомотив, но так счастливо отбросил плугом в снег, что только кости пересчитал. Во второй раз при побелке квартиры взорвалось ведро с негашёной известью, и я только чудом сохранил глаза».

В тридцатых годах Камиль Гижицкий становится консульским агентом в Марселе, и вскоре после этого — плантатором в Либерии. Помощь и поддержка Оссендовского оказались действенными.

С первыми слухами о приближающейся войне, Гижицкий возвращается в Польшу, привезя ценную коллекцию африканского оружия. Он принимает активное участие в Движении Сопротивления оккупантам. Выполняя самые трудные задания в Отделе Пропаганды BIP Главного Командования АК (Армии Крайова), он часто появляется в мундире офицера Верхмата. Игра в этой роли была возможной, благодаря безупречному знанию Гижицким немецкого языка. В конспирации он пользовался псевдонимом «Батоли». Перевалив за пятьдесят лет, он не растерял кавалерийской удали, как и не забыл также о Змеиной Горе.

После освобождения Польши, Гижицкий с женой окончательно поселился во Вроцлаве. Там появляются его книги «Змеиная Гора», «Письма из Архипелага Соломоновых Островов», «На одиноком атолле», «В погоне за Мве», «Эбеновая любовь», «Львица Уанга», а также «Нил — река Большого Приключения».

Писатель Витольд Ш. Михаловский в 60-х гг. XX в. в Секретариате Литературного Общества, расположенного в Краковском Предместье, получил адрес лауреата литературной награды Западных Земель за 1955 г., сотрудника редакции «Новых Сигналов» и «Одры» Камиля Гижицкого. Жена лауреата была немногословной: престарелый писатель и путешественник был в больнице. Умер он в апреле 1968 года.

Так оборвался последний след. Остались только домыслы, анализ данных и часто, на первый взгляд, ничем не связанные между собой обрывки сведений. Его псевдоним, Цаган Тологой, возможно, заимствован из монгольских названий местности, где проходили остатки Унгерновской Дивизии в 20-х гг. XX века. «Цаган-Тологой» — «Белая Голова» или «Белая вершина». Впрочем, так мог бы подписываться человек, подошедший по возрасту к восьмидесяти годам. Почему Гижицкий использовал этот псевдоним при отправлении анонимных писем в редакции газет, как бы намеренно указывая след тем, кто искал спрятанные сокровища барона Унгерна? Цаган Тологой утверждал, что сокровища были спрятаны в Восточной Монголии, на китайском пограничье, недалеко от озера Bujr-nuur, или, может быть, в том

самом районе, о котором вспоминал Оссендовский.

Я снова с благодарностью обращаюсь к воспоминаниям моего старого знакомого Витольда Михаловского, отдавшего много сил и желания делу исследования жизни и творчества Камиля Гижицкого:

«В утопающий в зелени двухэтажный дом, расположенный в районе вилл Вроцлава, я попал не случайно. Стильная мебель, обитое чёрной кожей кресло. На стенах — африканские маски, щиты, луки из-под Замбези, довольно обширная библиотека. Пани Алина Гижицкая, в небольшом уголке, размещённом рядом с кухней, показывает мне неплохо оснащённую слесарную мастерскую, в которой царит образцовый порядок. Это одно из хобби недавно умершего мужа. Последние издания переведённых на немецкий язык „Писем Архипелага Соломоновых Островов“, альбомы фотографий из Африки: господа в пробковых шлемах с ружьями в руках, загонщики и носильщики, застреленные антилопы, крокодилы и слоны.

Незадолго до Второй мировой войны Камиль Гижицкий был польским дипломатическим агентом в Либерии и хозяином плантации, много охотился. Вёл жизнь, полную приключений, и всегда тянуло его на Чёрный Континент.

О пребывании мужа в Сибири и Монголии вдова знает не много — ведь он предпочитал рассказывать об Африке и Океании. О том, что он испытал в 20-х годах на Дальнем Востоке, он вспоминал, скорее, неохотно».

В завершение повествования В. Михаловский сообщает, что всё же получил копию документа о присвоении 22 июля 1955 г. Камилю Гижицкому постановлением Правительства Государства ПНР Золотого Креста Заслуги, а также наград Архитектурного Вроцлава и Заслуженного деятеля Doluego Śląska.

Переводчик с польского языка,
Ю. И. Перцовский.

* * *

1918 год прошёл у меня в боях с большевиками на Уральском фронте в составе чешских формирований.

При первом известии о создании Польской Сибирской Дивизии, я перевёлся в неё. Исполнились мои детские мечты, я стал польским солдатом, борющимся за дело моей Родины.

Не суждено мне было, однако, погибнуть, как многим коллегам, в безбрежных степях Сибири. Распределили меня в инженерный батальон, и здесь вскоре стал я начальником

мастерских технической компании.

Не буду описывать эвакуацию Пятой Польской Сибирской Дивизии из Новониколаевска в Клюквенную, потому что, думаю, что найдутся люди, которые эту нашу «Голгофу» опишут в свете фактов и документов, не скрывая вины отдельных индивидуумов, которые привели дивизию к капитуляции и сдаче оружия большевикам, малодушно рассчитывая на обещания комиссаров. Остаётся фактом, что если бы мы под Красноярском разбили большевиков так, как это имело место быть на станции Тайга, дивизия в полном составе последовала бы до Владивостока, а потом в Польшу. Тысячи польских добровольцев расплатились за капитуляцию смертью, сотни погибли в пытках большевистских тюрем, сотни же полегли где-то в степях и тайге от предательских большевистских пуль или также умерли от изнурения и голода в дороге к Той, которая была их путеводной мыслью, к свободной Польше.

I. В РУКАХ БОЛЬШЕВИКОВ

В течение нескольких дней после сдачи оружия и выезда нашей делегации, которая должна была заключить договор с многими, находящимися здесь большевиками, командующий Пятой Советской Армии издал приказ о переводе в тюрьму всех польских офицеров, из добровольцев же дивизии начали создавать рабочие дружины, которые должны были работать в тайге, строить новую железную дорогу и т. п.

Слишком хорошо я знал большевиков и их систему, чтобы спокойно ожидать того, как со мной поступят, и поэтому при первой предоставленной мне возможности, добрался я до Красноярска, откуда намеревался выехать на север, до Енисейска, куда временами приходят шведские суда, или на юг до Минусинска, откуда можно было добраться в Монголию и Китай.

Несмотря на то, что не было у меня средств на жизнь, решил в настоящий момент искать работу и знакомства, которые бы помогли осуществить мои планы.

Бродя по городу, заметил я в одном доме надпись «Контора инженерных работ». Вошёл без раздумья, надеясь, что удастся мне получить здесь какое-то занятие. После долгой беседы с начальником канцелярии, обещали мне место техника на фабрике сельскохозяйственных орудий в Томске.

Судьбе было угодно, что в это самое время в помещении конторы находились большевистский комиссар, который распознал во мне помощника коменданта поезда № 104. Приглядевшись ко мне внимательно, он спросил:

— Сдаётся мне, Вы были в Польской дивизии, если я не ошибаюсь?

Когда я хотел ему возразить, он прервал меня словами:

— Знаю Вас хорошо, потому что в форме военного офицера приходил в Ваш эшелон. Вы были в ту пору помощником коменданта поезда № 104. Ваша фамилия Гижицкий.

На такое решительное и бесспорное доказательство мне оставалось только молчать. Что же было делать? По приказу комиссара я был арестован и посажен на гауптвахту. Всё же, благодаря знанию венгерского языка, мне удалось обмануть бдительность стерегущих меня венгров-большевиков и сбежать. И снова начал я слоняться по городу в поисках какой-нибудь работы. Прячась от большевиков, многократно едва не попадал в их руки. Однажды пошёл к знакомым, намереваясь переночевать у них. Перед тем как лечь спать, услышали мы громкий топот ног и стук в дверь. Проверка! Бежать уже было поздно. По совету

самой младшей представительницы этого дома я спрятался в горячем поде огромной печи, из которой только что, собственно, вынули хлеб. Трудно описать, какую муку испытывал я, находясь в такой тюрьме. Горячие кирпичи обжигали мне ноги и руки, пот заливал лицо и глаза, а нехватка воздуха мешала дыханию. Вдобавок каждое мгновение я подвергался опасности, что кто-то из наиболее голодных «товарищей» сунет руку в печь и вместо хлеба вытянет оттуда мою ногу. Не знаю, как долго продолжалась проверка, потому что каждая минута моих мучений показалась мне вечностью. К счастью, всё закончилось благополучно. После безрезультатных поисков большевики покинули квартиру. Никогда не забуду того блаженного мгновения, когда разрешили мне вылезти из печи на Божий свет.

Благодаря случайной встрече с одним из знакомых, получил я место заведующего фабрикой сельскохозяйственных орудий в Минусинске.

Немедленно отправился я в дорогу в компании нескольких польских солдат, которым удалось сбежать из рабочих дружин. Это были: Тадеуш Лукашевич, Павел Палюх, Радера и Люциан Котновские. Пятьсот вёрст от Красноярска до Минусинска прошли мы пешком по замёрзшему Енисею, сопровождая несколько саней, гружёных железом и инструментом. В целях снятия подозрений — при каждой встрече с людьми — выдавали мы себя за немцев.

Минусинск, маленький городишко на Енисее, является пунктом средоточия торговли и промыслов продуктов Минусинской земли, Урянхая и таёжных мест. Речные суда вывозят отсюда миллионы пудов зерна, шкур, мёда и мяса. Каждую весну плывут в Красноярск целые флотилии плотов, унося уходящие вершинами в небо кедры, сосны, ели и лиственницы. В момент моего прибытия в Минусинск господствовал здесь совершенный застой в промышленности и торговле, вызванный постоянными битвами белых с партизанскими отрядами Щетинкина.

Фабрика, руководителем которой я должен был стать, в результате хаотичного и неумелого хозяйствования, представляла собой настоящие руины. Работники были недисциплинированными, относились ко мне недоверчиво, и нужно было много усилий, такта и настойчивости, чтобы запустить в движение эту машину и довести до нормального состояния. Строгий порядок, который я налаживал с момента занятия своей должности, вначале был причиной недовольства многих работников. Однако постепенно наиболее упорные начали втягиваться в новый режим. Благодаря исключительно выгодным

материальным условиям (деньги на проведение работ обеспечивал Союз Банков, под управлением которого находилась фабрика), удалось мне провести целый ряд запрещённых советской властью торговых операций, что очень положительно повлияло на развитие фабрики. Работа подвигалась вперёд в быстром темпе.

Неожиданное расположение в Минусинске 27 Дивизии Пятой Советской Армии повлияло отрицательно на течение жизни этого, до сих пор относительно спокойного, города. Для меня лично, как для управляющего фабрики, начался период целого ряда неприятностей и недоразумений, связанных с положением, которое я занимал. Постоянные заказы большевиков, за которые они не платили ни гроша, и которые должны были, как «срочные», быть выполнены с просто небывалой пунктуальностью, вели фабрику к упадку, меня же — к последней степени расстройства.

Случилось даже, что когда однажды я отказался принять заказ, оправдываясь тем, что не могу его выполнить без разрешения вышестоящей власти, рыцарский представитель большевистской армии вытащил из-за пояса револьвер и, приставив его к моему виску, крикнул:

— Контрреволюционер! Убью на месте!

Если бы не активное вмешательство моих рабочих, которые неожиданно для меня самого вырвали у храброго «защитника пролетариата» револьвер и отвели его в «Революционный Трибунал», всё это дело могло бы принять значительно более неприятный для меня оборот. Несмотря на благожелательную позицию, какую заняли по отношению ко мне рабочие и фабричные власти, был два раза арестован большевиками на основании обвинения в спекуляции и два раза выпустили меня из Чека по поручительству фабричного комитета. Но в таких условиях работать в дальнейшем было невозможно.

Я начал хлопотать с целью перевода меня в другую местность, но как дирекция, так и работники не хотели об этом слышать.

Случилось, однако же, нечто, что заставило меня бежать. Однажды появился на фабрике комиссар 27 Большевистской дивизии, который распознал во мне контрреволюционера. Напрасно старался я его убедить, что я не тот, за кого меня принимают.

Прощаясь со мной, комиссар предупредил, что вскоре явится снова для тщательного выяснения всего этого дела.

Я немедленно сообщил о грозящей мне опасности дирекции, прося о моём немедленном переводе или освобождении от

обязанностей. В этот же самый день меня послали в деревню Ермаковскую, находящуюся в 70 км южнее, куда также приехал со мной Лукасевич. Однако вскоре после прибытия в Ермаковскую я был арестован и препровождён в Чека.

II. ТЮРЬМА И ПОБЕГ

Теперь начался для меня один из наиболее тяжёлых периодов моей жизни.

Ужасная грязь и зловоние, господствующие в большевистских тюрьмах, происходящие каждую ночь следствия, исключающие возможность сна и отдыха и доводящие нервную систему заключённых до крайнего напряжения, депрессии, используются большевиками в целях вырывания у заключённых нужных им показаний — всё это складывалось в совокупность, смертоносную для тела и духа несчастных жертв большевистской системы.

Следствия проводились почти исключительно ночью, что ещё более усиливало ужас положения.

Происходили же они следующим образом. Вызванного заключённого под эскортом двоих чекистов вводили в следственное помещение. Окна помещения были закрыты тёмными портьерами. Посреди комнаты, у длинного стола с разбросанными бумагами, сидели председатель суда, секретарь и машинистка. Вокруг — на стульях, полках и окнах бесчисленное количество револьверов и разбросанных патронов. Стены увешаны карикатурами истязаемых «буржуев», генералов и духовенства. На центральной стене — огромное красное полотнище с надписью: «Да здравствует революция и пролетариат», несколько ниже — портреты Ленина и Троцкого, у дверей — солдат, вооружённый винтовкой, саблей, револьвером и несколькими ручными гранатами. Рядом с заключённым находится шкаф с готовыми для выстрела револьверами. Полумрак, висящий в помещении по причине слабого освещения, мрачные лица судей — всё это вместе создаёт неправдоподобное ощущение инквизиции.

Внезапно с шумом распахиваются двери, и входит следственный судья. Это 18-летний молодой человек, с характерными не арийскими чертами лица. Он весело и пренебрежительно здоровается со всеми присутствующими, посылает машинистке воздушный поцелуй и наконец садится у стола, на кресло, небрежно закидывая ногу на ногу. Спустя мгновение вынимает из кармана револьвер, кладёт его перед собой на стол и начинает рассказывать циничные анекдоты, которые сопровождает смех и писк машинистки, которую он заигрывающе щиплет. После исчерпания репертуара судья взглядывает наконец на часы (всегда золотые и всегда отнятые у кого-то) и говорит:

— Ну, начинаем.

Следуют стандартные вопросы:

— Имя и фамилия? Откуда? Род занятий? Сколько лет? За что арестован?

Дальнейший ряд вопросов носит сугубо личный характер, обусловленный личностью заключённого, в сущности однако они касаются подробностей жизни обвиняемого, и прежде всего — в период революции. Где был в 1917/1918 и 1919 годах, что делал во время первой революции? В каком ранге и в каких войсках служил? Был ли в «карательных отрядах»? Вешал ли и расстреливал красноармейцев?

Вопросы валятся один за другим с молниеносной быстротой и нужно быть неимоверно внимательным и хорошо помнить, что говорилось на предыдущем следствии, чтобы не запутаться в показаниях. Так как во время каждого расследования секретарь пишет протокол. Очень часто судья, разозлённый самообладанием заключённого и уклончивыми ответами, срывается со стула, хватает револьвер и, направив его на обвиняемого, кричит:

— Врёшь! Ты враг революции! Я знаю тебя! Ты служил у Красильникова! Расстреливал заключённых защитников революции!

Потом в приступе бешенства, с пеной на губах бросает приказ:

— На лёд мерзавца!

Ледовые пытки заключаются в том, что раздетого донага заключённого бросают в подвал, наполненный льдом. Какие мучения переносятся там в это время — знают только те, кто лично прошёл через эти страдания. Спустя несколько часов содержания несчастных жертв на льду, чекисты вытаскивают полузамёрзшего заключённого, который настолько окоченел, что самостоятельно не может одеться. Теперь большевистские изверги «разогревают» его ударами прикладов или ножами сабель, после чего узник возвращается в русло дальнейшего хода следствия, а оттуда — в камеру. Сотоварищи недоли, которых в будущем ожидают подобные истязания, растирают ноги и тело несчастного, таким образом взаимно выручая друг друга. Те же, кто сидят поодиночке, в отдельных камерах, после многоразовых ледяных пыток утрачивают главную функцию нижних конечностей, не могут ходить, ползают на четвереньках, и наконец умирают от изнурения.

Поручик Рачинский из Пятой Польской Дивизии был таким образом замучен в Красноярске.

Бывают спокойные ночи, без следствий. Но тишина этих ночей, не нарушаемая никаким звуком снаружи, приводила

заключённых к окончательной степени нервного расстройства. Потому что была эта тишина — перед бурей. На рассвете обычно раздавались тяжёлые шаги солдат, открывались двери камер, и в смертельной тишине тюрьмы, прерываемой только отчаянным стуком человеческих сердец, произносились фамилии. Вызванных окружал усиленный патруль конвоиров и вёл на расстрел.

Происходили всё же такие случаи, когда смерть от пули была действительно спасением от мучений. Сколько же этих несчастных жертв убили большевики таким зверским образом, что от самого воспоминания об этом кровь стынет в жилах. Обычно около полуночи чекисты вели некоторое число заключённых в глубокий подвал. При слабом свете едва горящей лампы на стенах были видны потёки крови и следы человеческих мозгов, отвратительный запах гнили просто задерживает дыхание. Немного погодя входит комиссар в сопровождении нескольких солдат с обнажёнными саблями, на которых отчётливо видно запёкшуюся кровь и пучки человеческих волос. Комиссар вынимает список фамилий и среди присутствующих заключённых выкрикивает некоторых, после чего ставит их в шеренгу; остальные в стороне ждут своей очереди. По данному знаку палачи бросаются на беззащитные жертвы и начинают их рубить саблями. Свист сабель, ужасные крики и стоны убиваемых заглушает тарахтение специально для этой цели запущенного двигателя — немного погодя всё затихает. Комиссар, обращаясь к палачам, говорит:

— Ну, хлопцы, отдыхать, с остальными закончим позже.

По данному знаку чекисты в поспешности, как если бы убегали с места преступления, начинают тесниться к дверям, таща за собой свежие трупы. И снова всё как раньше, только терпкий запах крови, белеющие следы человеческих мозгов и красные медленно запекающиеся лужи свидетельствуют, что это был не сон, но страшная омерзительная действительность. Остальные узники в смертельной тиши ждут своей очереди, и каждая такая минута ожидания кажется вечностью. Внезапно стихает шум мотора, в подвал входит комиссар и отправляет под конвоем остальных, избежавших казни узников, в отдельные камеры.

На прощание комиссар обращается к своим жертвам с предостережением:

— Если не признаетесь в своей вине, совершённой против «священной революции», то Чека сделает с вами то самое, свидетелями чего вы только что были.

Этот род пытки назывался на большевистском языке «моральным воздействием».

Я также был обвинён в преступной поддержке контрреволюции. Однажды ночью вызвали меня и четырёх других заключённых и известили, что мы отправляемся в тюрьму, находящуюся на другом берегу Енисея. Под конвоем патруля, среди тёмной ночи, двинулись мы в дорогу. По приходу к реке, солдаты приказали нам отцепить лодку, а сами занялись изготовлением «самокруток» для курения. Этот момент решил нашу дальнейшую судьбу. В одно мгновение ока, как по команде, опрокинули мы патруль и, оглушив солдат несколькими ударами кулаков между глаз, кинулись в побег. Тёмная ночь облегчила нам задачу. Добравшись до какого-то забора, я перепрыгнул его в мгновение ока и влез в воду, между плотов, оставив только голову на поверхности реки. С другой стороны забора были слышны выстрелы, гомон беспорядочных голосов, крик и шум, вызываемый лихорадочной беготнёй солдат. Услышал также рапорт одного из красноармейцев, из которого узнал, что двоим моим товарищам удалось убежать, двоих, однако, к сожалению, убили. Переждав мгновение, выкарабкался я из воды и направился в сторону леса, а оттуда — в тайгу. Оказавшись в какой-то деревне, расположенной на опушке бора, я был спасён.

Благодаря дружеским отношениям с многочисленными охотниками, я был снабжён оружием и сухарями, и тотчас же отослан вглубь тайги. После трёх дней прятания, получил я через старого казака Григория записку от Лукасевича, из которой узнал, что Лукасевич ещё живёт в Ермаковской, но находится под надзором большевиков и намеревается вместе с Палюхом скрыться в тайге, чтобы потом вместе со мной бежать в Урянхай, а оттуда через Монголию на Восток.

Для совместного обсуждения плана побега, ночью я добрался до Ермаковской. Здесь я узнал, что в тайгу собираются ещё трое казаков, то есть братья В.[1] Андрей и Семён, а также третий казак, Мишка, все отличные охотники и проводники. Братья В. искали в тайге укрытия от мобилизации, объявленной большевиками против генерала Врангеля.

Той же самой ночью, вооружённые карабинами, отправились мы в путь. По дороге заехали на хутор, где нам дали верховых лошадей. После раннего, но сытного обеда, обеспечили самыми необходимыми вещами, такими как плотничий инструмент и т. п., и отправили нас в дальнейшую дорогу. Ранним утром были мы на берегу реки Оки, которая берёт своё начало в Таскыле, протекает поперёк тайги и впадает под Минусинском в Енисей. Здесь встретились мы с Мишкой, который привёл двух коней, навьюченных сухарями и рыбачьей сетью. После внимательного осмотра коней и запасов, наш караван сформировался таким

образом, что первым шёл Мишка, за ним Лукасевич и Палюх — каждый из них вёл по два коня. За ними Семён вёл троих верховых коней. Я с Андреем, находясь в самом конце, составляли что-то вроде арьергарда. Все участники путешествия были вооружены карабинами, топорами и ножами.

III. ТАЙГА

Минусинская тайга является наиболее далёкой полосой Алтайских боров, Кузнецкой тайги и соединяется с непроходимыми Верхнеангарскими лесами. Пространства, покрытые лесом, насчитывают сотни тысяч квадратных километров. Часть тайги, называемая Минусинской, имеет ширину около 300 км, считая от Григорьевки до речки Хемчик. Несколько самых значительных горных цепей, называемых Таскылами, пересекают тайгу. Среди этих гор имеют свои истоки реки: Оя, Тола, Ус, а также многочисленные речушки, которые, протекая между скалами, создают водопады. Растительный мир тайги восхищает красотой сосновых, кедровых и еловых деревьев, импонирующих прямо-таки недосягаемой высотой и громадной толщиной. Поляны и долины речек покрыты травами, высотой в рост человека, а также всяческого рода кустарниками ягод: малины, смородины и многих других. Находясь в течение нескольких месяцев в тайге, убедился я, какие неистощимые богатства скрываются в её глубине. Во время охотничьих вылазок, зачастую находил я оловянную руду, медь, железо, пласты слюды, а также аметисты и рубины. Золото имеется здесь почти в каждом ручье и речке. Прельщённые богатством тайги корейцы, многократно проникали в её глубины, но завистливые туземцы истребили искателей «золотого руна».

Тайга имеет свои налаженные законы и обычаи. Один из них состоит в том, что при встрече двух незнакомых между собой людей, обе стороны прежде всего должны отложить в сторону оружие и поднять вверх руки, чтобы показать отсутствие оружия в руках и на одежде. Тот, кто не имеет этой привычки или не хочет соблюдать этот обычай, идёт на верную смерть. Впрочем, в тайге убийство человека равносильно убийству волка или медведя, потому что не влечёт за собой никаких неприятных последствий. Но местность эта безлюдна. В течение нескольких месяцев не встретил я в глубинах тайги ни одной живой души.

Первый период нашего путешествия через тайгу происходил в очень ускоренном темпе с точки зрения на возможность встречи с большевистскими патрульными отрядами, заброшенными некогда в глубь тайги. Одним из самых тяжёлых моментов этого периода был переход через горную цепь, называемую Красным Таскылом. Прекрасный лес, покрывающий склоны этих гор, был почти весь повален ураганом, что неизмеримо затрудняло нам путь. Дойдя до долины «Чёрной речки», задержались мы на более долгий привал, который, к сожалению, был нарушен близким

соседством медведей, населяющих эту долину просто в небывалом количестве.

В общем, путешествие наше проходило очень медленно по причине трудных для переправы болот и исключительно густых лесных чащ, через которые пробивались мы с топорами в руках. Но все эти неприятности нашего путешествия оказались незначительными в сравнении с ужасными трудностями, которые ожидали нас при переходе через горы, называемые Снежным Таскылом.

Взбираясь на вершины этих гор, мы должны были вытягивать наверх и наш багаж, и коней с помощью арканов. Более или менее таким же образом (то есть при помощи чего-то вроде «лифта», по правде сказать, очень примитивного, но безмерно хорошо и отлично работающего) спускали мы при сходе с горных вершин весь наш скарб, то есть коней и вещи. Вся эта горная переправа происходила в условиях, серьёзно угрожающих нашей жизни и стоила нам больших затрат времени и сил. Тем более славным показался нам отдых после трудов в долине золотоносного ручья Курумистого. После вкусного ужина и купания в ручье, с настоящей роскошью легли мы спать. К сожалению, наш отдых продолжался не долго. В полночь мы были разбужены угрожающим рычанием медведей. В присутствии такого соседства трудно было отдыхать беспечно. Всё же один из медведей поплатился жизнью за свою смелость. Влезши на скалу, находящуюся на высоте каких-то ста метров над нашими головами, он скатил оттуда огромный камень, который упал в ручей. Видя это, я схватил карабин и, не колеблясь, выстрелил. Медведь, ужасно зарычав, поднялся на задние лапы, но в тот же самый момент рухнул на скале, поражённый несколько раз выстрелами братьев В. и Мишки. Был это огромный экземпляр, занявший своей тушей весь скальный выступ. После сдирания шкуры и развешивания на ветвях высокого кедра мяса убитого медведя, двинулись мы в дальнейший путь.

Вскоре, двигаясь берегом Ои, мы добрались до места, называемого Шедаковой Ямой, которое было концом первого этапа нашего путешествия. Трудно описать нашу радость, когда Мишка, показывая нам маленькую мазанку, прилепившуюся наподобие ласточкиного гнезда к огромным скалистым стенам правого берега реки, объяснил, что это одна из его охотничьих избушек, и что здесь мы проведём несколько недель, необходимых для полной подготовки к дальнейшему путешествию в Урянхай. После раздачи указаний, относительно рабочих обязанностей каждого участника путешествия, я и Мишка — так как на нашу долю выпала хозяйственная часть —

отправились на место, где мы оставили мясо убитого недавно медведя. Вытопив сало, мы слили его в кожаные мешки и с этой ценной добычей возвратились в хату.

Несколько первых дней нашего пребывания в долине Ои пробежали в напряжённой работе около дома, строительство которого оказалось необходимым, потому что мазанка Мишки не могла вместить в себя всех людей. Спустя неделю наш дом был уже готов. Правда не было в нём пола, крыша же была сделана временной из ветвей, но зато в камине и печи пылали беспрерывно огромные деревянные щепки, на стенах мы развесили оружие, оленьи рога и немного птичьих чучел, что придавало нашему хозяйству видимость жилья. Вечера проводили мы в основном на рыбалке, при помощи сети или трезубца (остроги). Мы выплывали на середину улова на небольших плотах, с зажжёнными на обеих сторонах плота смоляными щепками. Каждый из нас держал в руке длинный прямой шест, завершённый металлическим трезубцем. Рыбалка заключалась в ударе рыбы упоминаемым орудием. Это не было слишком затруднительным, тем более, что находили мы очень много хариусов (форелей), неподвижно стоящих под водой. Я всё же не имел сноровки в метании трезубца и почти всегда не попадал в цель, тогда как Мишка с удивительной меткостью пронзал несчастную рыбу.

Спустя несколько дней по завершению строительства дома, наш товарищ Мишка выехал назад в деревню за запасом продуктов. Так как у нас заканчивалось свежее мясо, собрались мы с Андреем за новыми трофеями. Нам удалось убить хорошего марала (Cevus maral ogilby). Вырезав окорок и седло, остальное мы закопали в снег на вершине горы, отметив это место рогами убитого самца. Когда спустя несколько дней мы вернулись туда, надеясь забрать остатки добычи, мяса уже не было, рядом лежали отброшенные рога. А на снегу остались следы медвежьих лап. При помощи собак удалось нам, однако, отыскать украденные запасы, спрятанные под грудой ветвей в нескольких верстах от места, где было оно закопано перед этим нами. Медведи часто таким образом воруют охотничью добычу, но так как не едят свежее мясо, прячут его до времени, пока не испортится. Тогда они соблаговолят наесться им досыта.

Пребывая в течение долгого времени в тайге, я имел возможность внимательно приглядеться к жизни её диких обитателей. Тёмно-бурые медведи являются в тайге обычным явлением. Порою в течение дня можно встретить здесь несколько этих прекрасных зверей. Они, однако, спокойны и не агрессивны — редко нападают на людей. Ужасным при встрече бывает только

тот вид медведей, который имеет на шее полосу белых волос, что-то в форме воротничка. Недалеко от нашей стоянки находилось большое пространство зарослей малины, излюбленного лакомства медведей. Часто встречали мы там наших грозных соседей, сидящих на задних лапах и вкушающих сладкую ягоду. Ни один из этих мишек жизнью расплатился за свою ненасытность. Раз разъярённый медведь, бросившись с неописуемой злобой на двоих участников нашей группы, неизбежно бы разорвал их на куски, если бы не присутствие духа Андрея, который метким выстрелом закончил жизнь хищника. В другой раз, выйдя с Андреем на охоту, заметили мы в каких-то ста шагах перед собой лежащую на небольшой поляне огромную медведицу, рядом с которой играли двое её малышей, тянущих за уши более крупного годовалого медвежонка, исполняющего в этом кругу как бы роль опекуна. Неожиданный выстрел Андрея положил конец этой сладкой идиллии. Медведица со страшным рёвом пыталась подняться, но после второго выстрела упала на землю, издавая хрипящие стоны. Два маленьких медвежонка, напуганные тем, что происходит, с кошачьей ловкостью вскарабкались на высокую сосну, а старший их опекун, вместо того, чтобы убегать, бросился на меня. Несколькими выстрелами остановил я его на месте, не много, однако, не хватило, чтобы я познакомился с его когтями и силой. Срубили мы сосну, на которой укрылись маленькие медвежата, и, связав оглушённых падением зверей, унесли их домой. Таким образом наше скромное хозяйство обогатилось живым домашним инвентарём.

В какой-то день отыскал я следы оленей, и таким образом решили мы с Андреем поохотиться на них. Так как поляна, в направлении которой вели эти следы, находилась очень близко от реки Он и нужно было идти до неё целый день, поэтому тронулись мы из дому ранним утром, чтобы вечером быть уже на месте. Целую ночь просидели мы во мху, а на рассвете были уже на позиции. После часа ожидания увидели мы стадо оленей, состоящее из 12 особей, которое перешло реку и начало пастись на поляне. Определив направление ветра, я начал осторожно пробираться вперёд. Выбрал себе целью красивого рогача и уже собрался стрелять в него, как удержало меня удивительное поведение зверя. Сторожащий олень, вместо того, чтобы оглядываться вокруг, как обычно это делает, заботясь о безопасности целого стада, постоянно поднимал свою огромную голову высоко вверх, как бы искал что-то на скалах, расположенных на берегу реки. То же самое делало всё стадо. Бросив взгляд в направлении, которое так заинтересовало оленей, я заметил на скале, имеющей около 200 метров высоты и

образующей строго перпендикулярную стену противоположного берега Он, огромного медведя, забавляющегося бросанием камней и ветвей на оленей. Однако все его усилия были бесцельными, потому что камни, бросаемые со скалы, падали прямо в реку. Медведь, видимо заметив тщетность своих стараний, остановился через мгновение спокойно, как бы размышляя, что делать дальше, и наконец исчез среди скал. Спустя какое-то время он показался снова, пихая перед собой огромную колоду, толстый конец которой свисал уже над пропастью. Работа была, очевидно, тяжёлой, даже для медвежьих сил, так как зверь с видимым трудом толкал дерево. Внезапно колода потеряла равновесие и накренилась, таща за собой медведя. Через секунду увидел я, как огромная туша повисла в воздухе, услышал страшный рёв, после чего всё с грохотом рухнуло в пропасть. Испуганные олени убежали в панике. Подходя к месту, где лежал в реке среди камней погибший медведь, я встретил Андрея; он так же был свидетелем неудачного медвежьего «сальто-мортале». При снятии шкуры с нашей неожиданной добычи, заметили мы, что бедная жертва собственной безрассудности имела полностью переломанные кости.

Большую часть дня посвятили мы сооружению так называемого заграждения на реке для ловли рыбы. Заграждение строили таким образом, что к переброшенным через реку кедровым стволам прикрепляли мы корыто, из которого были опущены до дна реки доски под пологим уклоном. Над корытом делали из молодых сосен и вербы решётку, такую частую, что нельзя было просунуть через неё ладонь. Стена заграждения, очень прочная, хорошо сопротивлялась напору воды, которая поднимаясь над досками до высоты корыта, переливалась через решётку, оставляя в корыте рыбу. Достаточно было только войти в корыто и собирать готовую добычу, которой более всего было осенью, во время, когда хариус спускается с горных ручьёв и речек в Енисей.

Кроме того, ходили мы также делать «засеки», т. е. заграждения на кабаргу (Moschus moschiferus war siberica). Этот зверь, похожий на европейскую «гемзу», но несколько меньше её, имеет тёмно-коричневую жёсткую шерсть. Кабарга необычайно осторожна и бдительна, таким образом, охота на неё является делом неимоверно трудным. Наибольшим спросом пользуется самец кабарги, который имеет около пупка мешочек со студенистой массой, масса эта, смешанная с мельчайшими комочками земли, а затем высушенная, становится мускусом, очень охотно покупаемым за большие деньги китайцами, и

используемым для приготовления лекарств. Так как охота на кабаргу с ружьём является вещью почти невозможной, охотятся на неё, делая так называемые «засеки», т. е. сооружение в виде высокого забора снабжённого узкими проходами, в которых устанавливаются петли из скрученного конского волоса или шнурка. Устройство засек является очень тяжёлой работой, потому что растягивают их часто на протяжении нескольких вёрст, а порой даже десятков вёрст, но работа эта всегда даёт большой эффект, потому что кабарга, не имея другой дороги, протискивается через проходы в засеках и погибает в петлях. Шкуры кабарги используются только для обшивки охотничьих лыж.

Бродя по тайге, встретили и убили мы несколько маралов. Этот, так называемый, благородный олень, нечто более высшее, чем обычный. Он имеет длинную «лебединую» шею и чрезвычайно ценные рога, используемые китайцами также для приготовления лекарств. Из шкуры марала делают арканы или, после специальной выделки, шьют охотничьи штаны и куртки. Из шкуры, взятой с ног, изготавливают «унты», т. е. мягкую обувь мехом наружу, что является гарантом сохранения тепла внутри в холодную зимняя пору. Маралье мясо исключительно вкусное, особенно седло или корейка.

Кто хочет с выгодой продать рога марала[2], тот должен убить его в июне, потому что в этом месяце его рога наиболее ценны. Чтобы получить от марала как можно большую пользу, охотники ловят его живьём. Делают это зимой, по большому снегу, следующим образом. Двое или трое охотников на лыжах отыскивают в тайге следы маралов. Отыскав такое стадо, они стараются отделить от стада единственного марала, которого загоняют в глубокий снег. Преследование зверя порой продолжается несколько часов и требует от охотников много упорства и ловкости, Марал, убегая, то и дело проваливается в глубокие снежные заносы, что затрудняет его движение. Наконец, измученный погоней, он ложится на снег, не имея сил бежать дальше. Тотчас же охотники окружают свою жертву и при помощи арканов связывают оленю задние ноги, после чего укладывают на сани и отвозят до так называемого маральника. Это специально ограждённое место, занимающее несколько десятин земли, покрытых подлеском, через которое течёт ручей или речка. Ограда представляет из себя забор из жердей высотой до двух саженей (польская сажень равна 1,9 м).

Пойманных маралов кормят сеном. К весне у маралов вырастают новые рога, которые подрезают небольшой пилой на высоту двух пальцев над головой. Через несколько дней рога

отпадают. Таким образом, не убивая марала, имеют ежегодно изрядный доход. Перед Европейской войной самец марала стоил от 70 до 100 рублей, самка же от 50 до 80 рублей. Маралы живут в горах Алтая и Саяна, по всему таёжному Урянхаю и в Северо-Западной Монголии. Во время спаривания маралов охотники привлекают самца специально для этих целей сделанными манками, подражающими голосу самки. В этот период, однако, самец бывает очень опасен и часто без причины бросается на людей.

Однажды я был свидетелем поединка двух самцов, причиной которого была самка. Услышав крик самки, я двинулся в этом направлении и вскоре увидел на поляне лань, а также прекрасного шестилетнего самца. Внезапно из ближайшей чащи выбежал огромный марал и остановился на краю поляны. Спустя мгновение оба самца обменялись взглядами, наконец грозный рёв — как бы боевой клич — раздался в воздухе, и два противника с опущенными головами бросились друг на друга, ударяясь, сколько хватало сил, рогами. Через некоторое время звери прервали поединок, чтобы через мгновение начать его снова с ещё большей силой. Спустя несколько минут боя, более старый самец опрокинул молодого, затоптал копытами и несколькими ударами в голову добил полностью, после чего, подняв вверх свою голову, издал протяжный горловой звук, как бы желая всей тайге объявить о своей победе. Затем подошёл к лани, которая в продолжение всего боя безучастно наблюдала смертельное состязание соперников. Победило право сильнейшего.

Спустя два месяца, проведённых в работе около дома и на охоте, начали мы подумывать о дальнейшем путешествии до Урянхая. Проводить зиму в тайге было бы напрасной тратой времени, и таким образом решили мы не ждать Мишку, а втроём, то есть Лукасевич, Палюх и я, двинуться в верховья Ои, а затем по шоссе добраться до Урянхая и далее на Восток. Братья В. дали нам хорошие подсказки, к кому мы можем обратиться в Турайе, сами же решили ожидать Мишку, охотиться зимой на соболя и белку, а весной двинуться нашим следом.

Мы начали готовиться к дороге, ремонтировали одежду и обувь, чистили оружие, накапливали запасы мяса, соли, сухарей и многих вещей, необходимых в таком долгом путешествии. Наконец, в одно прекрасное утро, после сердечного прощания с товарищами, двинулись мы в путешествие.

IV. В ДОРОГЕ ДО УРЯНХАЯ

Несколько первых дней прошли спокойно и без всяких приключений. Прекрасные берега реки Ои, которая в своём беге среди громадных скал и камней создавала многочисленные грохочущие и пенящиеся водопады, восхищали мой взгляд и приковывали внимание. Суровая красота тайги выступала здесь в целом своём великолепии. Малая Оя, впадая в Большую, создаёт на слиянии водопад 25-метровой высоты. Огромные камни и обломки скал, принесённые водами Малой Ои, попадают к водопаду и здесь, подхваченные течением, летят вниз, как мячи, разбиваясь на мелкие куски. Из этих кусочков формируется как будто вал, в который с бешенством ударяют воды Большой и Малой Ои. Является эта картина страшной, но захватывающей своей дикой красотой. К счастью, до настоящего времени человеческая цивилизация не внесла никаких новшеств и улучшений в царство девственной, роскошной природы тайги.

В следующий день наших странствий выпал снег и прикрыл толстым слоем ветки кедров и сосен. Вечером добрались мы до шоссе, пересекающем тайгу и связывающем Минусинск, Ермаковскую и Григорьевку с селом Усинское.

С точки зрения на присутствие в Григорьевке и Усинском большевистской кавалерии, не хотели мы выходить из тайги на шоссе днём. И таким образом забрались вглубь леса, а когда наступила ночь, двинулись по шоссе в дальнейшую дорогу.

Первым серьёзнейшим препятствием в нашем странствии был сожжённый мост на Ое. Мы были вынуждены вброд переходить воду, очень холодную и достигающую нам почти до колен. Замёрзли мы при этой переправе немилосердно. Дойдя до самой высокой точки шоссе, находящейся на 126 версте, заметили мы маленький домик проезжей станции.

При виде освещённых окон я решил, не взирая на возможную опасность, зайти внутрь дома, чтобы высушить одежду и обувь, отдал карабин Палюху, сам же, с заряженным револьвером в кармане, вошёл в избу. У огня сидели несколько сонных мужиков, которые начали у меня выпытывать, кто такой и что делаю в тайге один без оружия. Сделав глупую мину на лице, начал объяснять, что я батрак из соседней деревни и служу у одного из хозяев, который также завтра сюда приедет.

Несмотря на то, что мой акцент, жесты, как и оборванный внешний вид, в полной мере соответствовали сказанному мною, однако взгляды моих ночных собеседников очень выразительно говорили, что не верят они ни одному моему слову. К тому же,

забыв совершенно о местных обычаях, я вытер нос не пальцами, а платком. После этого факта, выдающего в известной степени моё инкогнито, собравшиеся начали о чём-то шептаться между собой. Не знаю, чем бы это закончилось, если бы не внезапное вторжение какого-то мужика, который крикнул:

— Похоже, что идут белые с карабинами!

Моментально вся изба опустела. Мужики вскочили на коней, а я втихомолку побежал к тому самому месту, где оставил Палюха и Лукасевича. Однако не застал здесь никого из них. Побежал, следовательно, вниз, в направлении, параллельном дороге.

Внезапно услышал тихий голос:

— Это ты, Камиль?

Увидел двоих своих друзей, вооружённых карабином и топором. Узнал, что тревога, поднятая крестьянином, была вызвана видом Лукасевича и Палюха, которые не успели вовремя скрыться в лесу при виде проезжающего крестьянина.

В течение следующих нескольких дней наше путешествие проходило без серьёзных помех. Ночами шли по шоссе, дни же посвящали отдыху, скрываясь в глубине тайги. Постоянная смена окружающих ландшафтов разнообразила путешествие. Шоссе вилось, как змея, среди горных круч, то сваливаясь внезапно в долины речек, то поднимаясь высоко над уровнем тайги. Однажды ранним утром находились мы в большом посёлке, населённом некогда осуждёнными. В настоящее время это поселение было совершенно пустым, потому что его обитатели, то есть «каторжники», бежали отсюда ещё в 1917 году. Ни один из них, вероятно, в настоящее время в Советской России занимает высокую должность государственного чиновника. Бараки осуждённых создавали впечатление, как если бы только вчера были они покинуты. Постоянно встречали мы то тачки, нагруженные землёй или камнями, то бревно, приготовленное для разделывания. Одним словом, было видно, что работу прервали здесь внезапно, не беспокоясь о судьбе брошенного поселения. В одном из бараков нашли мы груду человеческих скелетов. По разбитым черепам догадались мы, что, вероятно, это были тюремные стражники, первые жертвы «бескровной российской революции». Мы покидали лагерь с тяжёлым сердцем. Вид почерневших изрубленных скелетов вызывал у нас мрачные размышления. Подумали мы, что все наши усилия с целью добраться до любимой далёкой Родины могут закончиться такой же могилой в тайге.

Перед достижением реки Ус, притока Енисея, мы снова столкнулись с не очень приятным ощущением. Мы проходили

через сгоревший лес. Печальным было это лесное кладбище, лишённое мельчайших признаков травы или мха, и ужасающее взгляд чёрными скелетами деревьев, тянущихся на протяжении десятков вёрст.

Этой же самой ночью, когда мы проходили через пожарище, мы случайно встретили давних знакомых по Минусинской фабрике. Сидели все у разожжённого костра. Угостили они нас ужином, во время которого, ведя непринуждённую беседу, узнали мы разные новости. Наши товарищи жаловались на произвол большевиков, постоянные аресты, реквизиции зерна и скота. От них же узнали мы о польско-советской войне и о том, что большевики создают большие запасы муки и зерна в Урянхае. О войне ходили самые разнообразные слухи. Большевистские газеты долго и широко расписывали о «проснувшемся польском пролетариате» и об ожидаемом скором захвате Варшавы коммунистами. Между местным населением всё же ходили слухи, что большевики плохо преуспевают на польском фронте. Одновременно с началом войны с Польшей в тайге начали создаваться противобольшевистские партизанские отряды, которые нападали на небольшие отряды красных войск и истребляли их поголовно. Большевики же за это без милосердия мстили многочисленным «белым» беглецам, которые хорошо не зная дорог в тайге, попадали в руки «красных» и расстреливались ими без суда. Узнали мы также, что большевистские патрули заботятся по ночам о безопасности окрестностей, но только на расстоянии пяти вёрст от Усинского. Таёжные чащи, где один человек может безопасно противостоять десятку, не привлекали коммунистов удаляться от значительно более населённых мест. Наши случайные приятели одарили нас перед расставанием хлебом и маслом, а также сушёным мясом. Они порекомендовали нам также маршрут, которого следовало придерживаться, если мы не хотим попасть в руки большевиков. Наконец, один из мужиков назвал нам фамилию человека, который должен был указать нам «казачью тропу», или тропинку, минующую Усинское тут же у второй переправы через реку Ус. За эти советы и указания отблагодарил я их подаренным карабином, который теперь мог быть для нас небезопасным. Идя большаком, обратил я внимание на обломки скал, оторванных динамитом, палеонтологические оттиски папоротников, цветов и даже рыб.

Характер тайги изменился здесь до неузнаваемости. Склоны гор уже были покрыты не сосной и кедром, а лиственницей. Изнурённые жарой, шли мы обочиной шоссе, укрываясь в тени деревьев. При первой переправе через реку перевозчик допытывался с любопытством, кто мы такие, зачем и куда идём?

Так как нас предупредили, что перевозчик этот дружит с большевиками, — таким образом, не вступая с ним в разговор, отделались мы от него коротким ответом, что едем в Усинское, где собираемся строить кузницу и мастерскую для ремонта сельскохозяйственных машин.

В нескольких километрах дальше перебрались мы через реку во второй раз и, заночевав среди скал, двинулись «казачьей тропинкой».

Со времени существования шоссе между Усинским и Тураном, так называемые тропы совершенно утратили своё связующее значение, тем более, что ездить по ним можно было только верхом на лошадях. К тому же много тропинок заросло полностью, некоторые из них используются лишь охотниками или подобными им скитальцами. Для нас эта тропинка была в данный момент наиболее удобной и безопасной дорогой с точки зрения того, что большевики обходили её далеко, так как на ней из-за одного камня можно было перестрелять целый отряд. На «казачьей тропе» погибло уже так много «красных», что среди большевиков называли её «тропой смерти». Несмотря всё же на видимую безопасность, наше путешествие и здесь не обошлось без приключений. В первый день мы заблудились, что по причине недостатка продуктовых запасов (от которых мы быстро избавились, рассчитывая на близость Турана), создавалась незавидная ситуация. Измученный, злой и голодный, улёгся я спать недалеко от костра, разложенного Палюхом. К счастью, однако, Спаситель бодрствовал над нами. Во время моего сна Палюх и Лукасевич нашли в ближайшем ручье куски мяса, спрятанные в воде среди камней.

Охотники в сибирской тайге, охотясь по нескольку недель, сохраняют таким образом мясо от порчи или от пожирания его волками или медведями. Обычай, заведённый между охотниками, не позволяет забирать спрятанных в воде запасов продуктов. Однако для нас, скитальцев, этот обычай не имел силы, так как голод оказался сильнее всяческих рассуждений и условностей.

Следующей ночью мы снова потеряли дорогу. Чтобы сориентироваться в ситуации, нужно было ждать утра. Эту ночь мы провели у горевшего костра, в соседстве с волками, страшный вой которых доносился до нас с очень недалёкого расстояния. На другой день после этой ночи встретили мы старого охотника, от которого узнали, что место нашего последнего ночлега является волчьим логовом, состоящим из нескольких волчьих семей, и ни один из охотников, знающих тамошнюю местность, никогда бы там не стал ночевать. Этот самый охотник указал нам направление дальнейшей нашей дороги. Он советовал обойти

Туран, где находились красные партизаны, и дал нам адрес некой казачки на Терлике, мужа которой убили большевики.

Идя в указанном направлении, добрались мы до так называемого сойотского овоо. Оно представляет из себя груду камней или ветвей, сожжённых на самой вершине горы, через которую идёт дорога. Каждый сойот[3] или монгол, проезжая около овоо, дотрагивается до груды камней или привязанного лоскута или конской шерсти, таким образом благодаря духов гор за счастливое окончание части пути. Этого обычая придерживаются все туземцы из опасения подвергнуть себя преследованиям демонов и духов. Итак, стояли мы уже на пороге Урянхая, который был первым самым важным этапом нашего путешествия. До Турана оставалось 60 вёрст.

Перед нами простиралась громадная степь, на горизонте рисовалась тёмная линия леса. В южном направлении возвышался так называемый Туранский хребет, представляющий собой подножие Саянских Гор[4]. Дорога через степь была небезопасной и мучительной из-за жары, следовательно, шли мы опушкой леса. Безумно досаждала нам жара, и нигде не находили мы следов воды. Только к вечеру отыскали мы благословенный родник, который утолил нашу жажду. После продолжающегося полный день изнурительного похода добрались мы вечером на территорию Урянхая.

V. УРЯНХАЙ — ПЕРВЫЕ БОИ С БОЛЬШЕВИКАМИ

Урянхай — это огромная котловина реки Енисей; северную его границу составляют Саянские Горы, южную — Горы Танну-Ола и река Тэс, западную образовывает Алтай, восточной же границей является Косогол.

Урянхай своим богатством и плодородием напоминает Землю Обетованную. На огромных степях, покрытых сочной травой, пасутся тысячные стада овец и коней. Необычайно плодородная земля родит прекрасную пшеницу, овёс и просо. Реки предоставляют много рыбы. Леса полны дичи, очень редкой и ценной относительно своих мехов. На болотах и озёрах бывает просто черно от птицы. Из минералов Урянхай обладает всем, что только может дать природа. В горных ручьях и речках есть золото. Кроме этого, Урянхай изобилует серебряно-оловянной, железной и медной рудами, каменным углём, серой, каменной солью, находят здесь также платину, рубины, аметисты, топазы и горный хрусталь.

Хозяевами этой земли являются люди монгольского племени, называющие себя сойотами. В действительности только небольшая горстка настоящих сойотов живёт в развилинах реки Сейбы, занимаясь разведением оленей. Это племя называет себя хайдут. Нынешние обитатели Урянхая, которые присвоили себе название сойотов, являются пришельцами с юга, вероятно, из Джунгарии, из глубины четырёх веков.

Оригинальной и наиболее ценной монетой в Урянхае являются кирпичики листового, так называемого, байхового чая, за который можно всё достать. Бумажные деньги не приняты здесь, зато серебро в слитках в цене.

Урянхай поделён издавна на пять хошунов[5], Кемчик, Ойнар, Салджак, То джин, Хасут, находящихся под властью наследственных князей; во главе всего края стоит также наследственный да-нойон (виджи-нойон). Западный хошун — Кемчицкий, северный — Уйюцкий, восточный — на реке Хуакем и два на левом берегу Енисея[6]. Губернаторами Урянхая, или нойонами, являются преимущественно сойотские князья, которые с 1912 года до времени революции находились под протекторатом России. В 1917 году этот лакомый кусок земли заняли китайцы, сойотов насчитывается около 50 тысяч, из этого числа только Кемчицкие сойоты являются храбрыми и воинственными — остальные спокойны и трусливы. Издавна

начали проникать сюда российские колонисты, которые понастроили в Урянхае много деревень и хуторов. Главным административным пунктом был город Белоцарск (в настоящее время Красный город). Но российская революция выдавила и в Урянхае отпечаток общего разорения. Прекратилась торговля пшеницей и маралами. Население, обременённое налогами, сильно обнищало. Угасанию Урянхая способствовала также партизанская война, ведущаяся в 1918–1919 годах большевиком Щетинкиным с полком казаков под командованием полковника Булатова.

В российской деревне Туран, в соответствие с указаниями, полученными нами от братьев В., хотели мы связаться с Петькой, цыганом, но его жена не приняла нас, объясняя тем, что мужа нет дома. Неожиданно жена одного из российских колонистов предоставила нам ночлег у себя, накормила и взяла заботу о нас самым сердечным образом. Благодаря ей, мы познакомились с одним колонистом, который, как выяснилось из разговора, много обо мне слышал от полковника Яхонтова, моего сердечного приятеля ещё с Уральского фронта, а затем сотоварища горькой участи в тюрьме Чека. Яхонтов находился в настоящее время в партизанском отряде поручика Занина на Абакане. Благодаря помощи упомянутого колониста, мы добрались до деревни Баянгол, расположенной на одноимённой реке. В этой деревне формировался партизанский казачий отряд, имеющий целью беспокоить большевиков на территории Урянхая. Командиром этого отряда был сержант Андреев, который, услышав о моём знакомстве с полковником Яхонтовым, оказал нам много знаков внимания и сердечности. В течение нескольких дней отдыхали мы после трудностей путешествия, отсыпаясь, питаясь и не работая. Всё же работа по формированию отряда не останавливалась. Ежедневно прибывали по нескольку добровольцев, набранных из урянхайских казаков или колонистов. Однажды приехали от поручика Занина несколько офицеров, среди которых были полковники Яхонтов и Чемагин. Созвали военный совет, на котором решили выступить с оружием в руках против большевиков. Отряд поручика Занина должен был действовать на территории от Ана до Кемчика. Баянгольский же отряд, то есть наш, — на территории Урянхая, включая село Усинское, а также шоссе в тайге.

Предложенное мне командование казачьим взводом я принял охотно, потому что это позволяло мне беспокоить тылы врага, воюющего в это самое время на берегу Вислы.

Несмотря на то, что не было у нас карабинов, я приказал ловить большевистских курьеров и отбирать у них оружие. Спустя

месяц наш отряд состоял из 45 человек, обеспеченных конями и карабинами. Сойоты исполняли у нас разведывательную службу. Многократно приезжал к нам сойот Болдыр Гелии. Это был монах, который бросил монастырь, женился, осел в степи, где занимался торговлей лошадьми и верблюдами. За хорошую плату серебром или мехом он провожал беглецов в Монголию. Часто, однако, делал это бескорыстно, из ненависти к большевикам. Это был человек скрытный, серьёзный и достаточно разумный. Он приезжал к нам, чтобы в дипломатичной манере узнать о намерениях и начинаниях нашего отряда. Однажды он известил нас, что Кемчицкий Губернатор Хун-нойон очень интересуется нашей деятельностью и вскоре намерен посетить нас со своей свитой.

Чтобы подобающим образом принять почтенных гостей, закололи мы барана и приготовили пиршество, способное удовлетворить не только сойотских, но и самых привередливых европейских гурманов. Китайские купцы снабдили нас в большом количестве сладкими лакомствами, пирогами, пирожными, а также водкой и ликёрами.

Визит Хун-нойона и его свиты состоялся с соблюдением всех предписаний местного церемониала. Первым посланником и вестником гостей был сойот, который, войдя в комнату, объявил, что «Великий и прекрасный нойон, избранник Будды, блаженство и украшение Урянхая» и т. д., и т. д. соблаговолил заехать «к своему брату нойону» (здесь последовал поклон в мою сторону). Выйдя, как рекомендует обычай, к воротам, увидели мы прибывающих сойотов, которые соскочили с коней, расстелили коврики и, снявши с плеч карабины, построились в две шеренги. Немного погодя подъехала группа сановников, а между ними Хун-нойон. Это был щуплый высокий сойот, средних лет, с чисто монгольским лицом, выражающим гордость и уверенность в себе. Он был одет в белый шелковый терлык[7], подвязанный красным поясом, за который на спине был заткнут нож в серебряных ножнах. На его голове была высокая остроконечная монгольская шапка, завершённая огромным красным кораллом — знаком высокого княжеского достоинства. Хун-нойон легко соскочил с коня, придерживаемого сойотами, и сказал несколько фраз на непонятном для меня диалекте. Тотчас же появился Болдыр Гелин и указал рукой на меня, поручика Меньщикова и сержанта Андреева. Нойон поздоровался с нами по-европейски, подав руку, после чего все вместе, не исключая солдат, направились мы в помещение. После обязательного выкуривания трубок завязалась беседа, в которой наш почётный гость хотел разузнать наши намерения и проекты на будущее. Убедившись, однако же, что

воюем мы только с большевиками, и что сойотским стадам не угрожает никакая опасность, он крепко пожал наши ладони, обещая со своей стороны, в случае необходимости, помощь в предоставлении людей или оружия. Обед продолжался достаточно долго и невыразимо измучил меня с точки зрения совершенного отсутствия культуры, характерного для наших новых союзников. Единственно Хун-нойон ел из тарелки и пользовался палочками. Свита же его, а также солдаты расхватали мясо руками, в крайнем случае, прибегая к помощи ножа. Водки и ликёры исчезали прямо с небывалой быстротой, что соответствующим образом отражалось на настроении и юморе присутствующих. Сановники бросали наполовину обгрызенные кости солдатам, хватающим трофеи с исключительной, достойной восхищения, алчностью. Бараний жир стекал по лицам гостей, которые не знали даже о существовании салфеток или платков, облизывая его просто языком. Пирожные и сладкие пироги имели огромный успех, потому что сойоты не едят хлеба у себя, следовательно, всяческие мучные кушанья являются для них лакомством. Видя грустные мины солдат, которые с завистью смотрели на своих сановников, облизывающих сахар с пирожных, я велел поделить между ними буханку хлеба. Под влиянием алкоголя сойотская аристократия начинала вести себя всё свободней — даже расстёгивали терлыки и ловили отдельных насекомых, осторожно опуская их на землю, потому что, согласно буддийским верованиям, и в таком мерзком насекомом может поселиться душа умершего человека. Наконец, наступила минута прощания — такая для меня долгожданная. Хун-нойон ещё раз повторил, что в случае необходимости, мы всегда можем на него рассчитывать, после чего уехал в сторону Шагонара. На следующий день после приёма мы получили в дар два ящика патронов к российским карабинам. Имея гарантированную мне помощь, я хотел двинуться в тайгу и атаковать большевистские отряды, идущие из Минусинска в Урянхай для проведения там реквизиции зерна и коней. Неожиданно наш отряд увеличился на 10 добровольцев, которые убежали из Минусинска от преследования большевиков. Это были урянхайский колонист Павел Ширнин со своим отцом, а также корнет Шумаков со своими гусарами. Все они были вооружены, так как им удалось разоружить большевистский патруль, ведущий отца и сына Ширниных в Чека. Первой нашей победой на территории Урянхая был захват Турана. Мы взяли в плен 10 красноармейцев. Это были, как оказалось, уфимские татары, которые тотчас же после взятия их в плен, вступили добровольцами в наш отряд.

Взяли мы богатые военные трофеи, а также около полутора миллионов царских бумажных пятирублёвок, которые в 1919 году были выпущены большевистской властью, и, следовательно, уже после отмены «романовок», специально для закупов у монголов и бурят, которые не принимали советских денег.

О подделке этой узнали только в 1920 году и таких банкнот не принимали.

Из бумаг, найденных у коменданта охраны Центро-Союза, узнали мы, что в степи находятся бараны и кони, предназначенные на польский фронт, для кавалерии Будённого. Собрались мы, следовательно, безотлагательно в степь. После уничтожения охраны, состоящей из 30 красноармейцев, захватили мы 500 баранов, 45 быков, 40 коров и 400 красивых степных коней. Нашу добычу мы спрятали в тайге, где устроили базу.

С этого самого момента весь наш отряд, за исключением Лукасевича, который остался в Баянголе для хозяйствования, почти без отдыха гонялся за большевиками. Мы вылавливали курьеров, разбивали без сожаления мелкие отряды красных, реквизировали запасы зерна, муки или сена, раздавая их местному населению. После нападения на деревню Уйюк, где у нас произошла стычка с большевистской кавалерией, я получил известие от Лукасевича, что командир китайского батальона капитан Ли-Ши-Фу хочет совместно с нами воевать против красных войск.

Сразу же после получения этого известия я взял с собой нескольких казаков, и ночью мы отправились в Баянгол. Поход оказался трудным, принимая во внимание снежные заносы, которые не позволяли нам ехать быстро. На рассвете мы заехали на хутор знакомого казака, где нас очень гостеприимно приняли, а в следующую ночь мы были уже в Баянголе. Здесь, тотчас же вместо вступления, Лукасевич похвастался нам результатом своей работы, благодаря которой, как оказалось, почти половина отряда была обеспечена на зиму тёплой одеждой и обувью.

Сразу после приезда я послал гонца к корнету Шмакову с приказом, чтобы прибыл немедленно со всеми казаками в Баянгол, так как полагал, что при соглашении с китайским командиром следовало, чтобы командиры нашего отряда были представлены полностью. Спустя два дня наши казаки были уже в Баянголе.

Китайский отряд находился на левом берегу реки Енисей, следовательно, для ведения наших переговоров должны были мы лодкой перебраться на другую сторону. После проведения самых разнообразных подлинно «китайских церемоний», которые заняли много времени, а также после хорошего обеда, состоящего из

самое малое 20 блюд, обильно спрыснутых водкой, я попросил переводчика, чтобы он направил мой разговор с капитаном Ли-Ши-Фу на соответствующие пути. Из беседы этой я узнал, что большевистский комиссар Сафьянов, военный комиссар Филиппов, а также командующий пограничным полком Романов обратились к китайскому наместнику в Урянхае Ян-Чу-Чао с просьбой о поимке всего нашего отряда. При этом за поимку меня и офицеров назначили награду в 5000 рублей, а за каждого казака по 25 рублей. Узнав об этом, я высказал капитану приятное удивление по причине назначения такой высокой цены за мою голову, потому что до сих пор мне казалось, что стоимость моей жизни равнозначна цене маленькой, но хорошо пущенной пули.

Мои слова, по-видимому, произвели на капитана хорошее впечатление, потому что он пожал мне руку и велел принести новую батарею водки.

Разъехались мы после взаимного заверения, что наш отряды и в дальнейшем будет воевать с большевиками. Китайцы же будут защищать Баянгол и снабжать нас патронами.

VI. ТЯГОСТНЫЕ МГНОВЕНИЯ

Мы по-прежнему вели тогда партизанскую войну с большевистскими отрядами, однако наша ситуация становилась всё более тяжёлой по причине нехватки патронов, а также с точки зрения на всё более усиливающуюся в отношении нас агрессивность большевистских войск. Добытые в Турайе телеграфные аппараты, мы расставили в тайге и связали телеграфной линией Минусинск — Усинское. Из выловленных таким образом большевистских депеш узнали мы, что командование Красной Армии намеревалось послать в Урянхай полк пехоты, полк кавалерии, а также дивизион пулемётов. Сафьянову было приказано, чтобы он любой ценой постарался как можно быстрее разбить наш отряд. Перед лицом такой угрожающей ситуации решили мы ударить по Усинскому и реквизировать находящиеся там склады амуниции. Поставили мы себе также задачу расстрелять наиболее ожесточённых врагов, то есть Сафьянова, Романова и Филиппова. Чтобы всё же обмануть бдительность большевиков, двинули вначале наш отряд на Белоцарск. Захватили здесь склады зерна, предназначенные для обеспечения советских армий, находящихся в Сибири, а также воюющих на Польском фронте. Эти склады содержали 70 000 пудов зерна.

В тайге ожидали нас свежие новости, посланные со специальным курьером от Лукасевича. Таким образом, мы узнали, что Сафьянов собрал 150 человек и собирался ударить по Баянголу, однако был разбит китайцами, а затем при переправе через Енисей наткнулся на вновь организованный отряд Шилова, от которого получил такую взбучку, что с остатками разгромленного отряда должен был удирать в Туран, а оттуда в Усинск. Кроме того, из рапортов, обнаруженных у большевистских курьеров, мы узнали, что поручик Занин был схвачен и доставлен в Минусинск, отряд же его распался на две части, из которых одна, под командованием полковника Яхонтова, скрылась в лесах, другая же — с полковником Чемагиным во главе — потерялась в глуби тайги без следа. Из этих рапортов узнал я также о расстреле многих знакомых мне людей, между прочими, поручика Шидловского, а также Ивана Ивановича Янченко, моего сердечного приятеля, который в течение двух месяцев жил у меня в Минусинске.

В рапорте Шилова было, в конце концов, известие о проходе в окрестностях Улан-Тайги небольшого отряда, руководимого поляком профессором Оссендовским, и о победоносной стычке

этого же отряда с большевистскими патрулями.

После нескольких дней отдыха в тайге мы решили ударить по Усинскому. Большевики, убеждённые, что все наши отряды объединились под Белоцарском, стянули туда свои резервы. Дерзкое нападение на Усинское, где находились 450 солдат пехоты, 200 кавалерии и 80 конных партизан — было для них совершенно неожиданным. Результатом этого нападения стала для нас добыча достаточно серьёзного количества карабинов, как и ящиков с патронами и ручными гранатами. Заспанные и не ориентирующиеся в ситуации, большевики, вначале совершенно не защищались. Только после тревожного сигнала трубы посыпались выстрелы и заработали пулемёты. Видя серьёзную опасность со стороны неприятеля, значительно превосходящего численностью, возвратились мы в тайгу, унося с собой ценные трофеи.

В погоню за нами двинулись большевистские отряды, которые, однако, благодаря хитрой и дерзкой тактике поручика С., попали в засаду и, войдя в так называемый Волчий Яр, были почти полностью истреблены казаками.

Обстреливаемые со всех сторон скрытыми среди камней нашими солдатами, большевики любой ценой хотели выбраться из яра. В это время сержант Андреев, вместе с несколькими казаками, забросал красноармейцев ручными гранатами.

Последствия этой атаки оказались ужасными. Понесший жестокий урон отряд большевиков рассыпался по степи, как стая дроф. В это время полегло 50 красных. Между прочим, сын комиссара Филиппова. Романову и Сафьянову удалось скрыться.

С нашей стороны погиб только один казак, который, будучи раненым, лишил себя жизни, чтобы не попасть в руки большевиков. Освободившись от погони, въехали мы в тайгу. Дорога была тяжёлой. Кони то и дело проваливались в глубоком снегу, покрывающем землю. Наконец, после целого дня похода доплелись мы до хутора Павлова. На расстоянии одного километра находился хутор другого брата Павлова, к которому направился на ночлег со своим взводом поручик С. Поручик Меньщиков, как дежурящий в эту ночь, выехал в сопровождении пятерых казаков проверить окрестности, я спал с хорунжим Архиповым в одной избе, Шмаков и Андреев легли спать в соседней постройке. К сожалению, не суждено нам было долго отдыхать! Ночью разбудил нас крик Данилова:

— Ради Бога вставайте — красные около дома!

В первое мгновение, полусонный, я не отдавал себе отчёта в том, что происходит. Только свист пуль вернул мне самообладание. В мгновение ока схватил я пояс с револьвером и

гранатами, выбежал на подворье, вскочил на коня и, как бешеный, помчался вперёд, преследуемый градом пуль.

За маральником встретил Шмакова. От него узнал, что своим спасением мы обязаны поручику Меньщикову, который, заметив опасность, первым поднял тревогу, сам же погиб на посту, сражённый смертельной пулей в голову. Не знали мы, что происходит с поручиком С., который вместе со своим взводом ночевал в усадьбе второго брата Павлова. Зная, однако, что он неимоверно бдителен, осторожен и прекрасно знает окрестности, не опасались за его судьбу.

После короткого размышления решили мы направиться в усадьбу казака О., находящуюся в 25 км. Сперва нашу дорогу освещало зарево пожара — это большевики подожгли хутор Павлова. Однако у Осиповых ожидала нас неприятная неожиданность. Дом и все постройки были полны большевиков, из которых несколько, пустившихся за нами в погоню, пали, разрубленные нашими казаками. Перед значительным числом врага мы были вынуждены спасаться бегством в тайгу. По-видимому, большевики, собравшись выловить наш отряд, окружили нас плотным кольцом, таким образом, нужно было тотчас же отказаться от партизанской войны и скрыться в зарослях тайги.

Решили поделить наш отряд на две части. Одна должна была просочиться между оградой Ширнина и Уйюком, в тайгу, оставить там коней в усадьбе Богатова и на лыжах пойти на базу, чтобы сторожить её от вероятного нападения. Другой группе было поручено идти в Баянгол, забрать там оставшихся людей и вещи, после чего хребтом Танну-Ола они должны были дойти до Косогола, оттуда же, после объединения с отрядом Шилова, также идти на зимнюю стоянку, на базу. Группа, состоящая из 17 человек, среди которых было несколько раненых, осторожно передвигалась вперёд, в сторону Баянгола.

Груз печали лежал у нас на душе. Подсознательно мы все ожидали какого-нибудь неприятного сюрприза. К сожалению, предчувствие нас не обмануло. В 60 км от Баянгола нашли мы коня, загрызенного волками. Ширнин, осмотрев его, утверждал, что это не сойотский конь, потому что не содрана с него шкура, что является обычаем сойотов. После этих слов охватило нас ещё большее беспокойство. В молчании двигались мы вперёд с оружием, готовым к выстрелу, приготовившись ко всякой вероятности. Царящую среди нас тишину прервало неожиданное замешательство, вызванное поимкой какого-то сойота, который, подойдя к Шмакову, подал ему зажатую в руке бумажку. Из этой бумаги, написанной Осиповым, узнали мы об очень печальных

фактах, а именно о том, что большевики, убив всех людей из нашего отряда, заняли Баянгол. Из наших людей уцелел только автор письма, который в эту минуту, как сообщил, скрывался у Болдыр Гелина. Эти неожиданные и такие очень печальные вести удручили нас невероятно. Не могли мы решить, что делать. Двигаться вперёд или идти назад? И первое, и второе было очень опасным. Таким образом, решили скрыться в тайге и идти до истоков Ак-кема, оттуда же продвигаться в сторону Кемчика или Джедана.

Провидение, видимо, бодрствовало над нами, потому что только мы изменили направление и поднялись на гору, с которой открывался вид на окрестности, увидели на покинутой нами тропинке отряд большевиков, состоящий из 200 человек, поняв, что шли они нам на встречу, которой нам счастливо удалось избежать. Ведомые Ширниным, который лучше всех ориентировался на местности, добрались мы до истоков Ак-кема. Ночи проводили преимущественно в юртах сойотов, благодаря чему могли ближе приглядеться к их жизни и обычаям.

Сойоты живут в юртах, сооружённых самым простым способом. Это, прежде всего, деревянный скелет, покрытый войлоком из овечьей шерсти. В центре юрты имеется так называемый «таган», то есть род треноги, под которым разведён костёр. У стены, напротив двери, стоит алтарик (так называемый, бурхан-шире), на котором доминирующее место среди других богов занимает статуэтка Будды. С левой стороны алтаря находится женское царство — здесь стоит широкая монгольская кровать. Чужим людям приближение к кровати или сидение на ней абсолютно запрещено. Входя в юрту, приветствуют хозяина стандартным выражением «Менде ашак» и занимают место, согласно достоинству.

Самый достойный гость садится у алтаря, напротив двери, имея с правой стороны своих подвластных. После выкуривания трубок (монах нюхает табак), начинается беседа. Применительно к понятиям сойотов о хорошем воспитании, в первую очередь следует спросить о состоянии здоровья скота и коней, только потом поинтересоваться здоровьем хозяина, его жены и детей. Во время беседы гостей хозяйка в деревянных чашках сомнительной чистоты готовит зелёный солёный чай (чай с солью и молоком), а также просо, которое заменяет хлеб. К просу подают масло или очень острый твёрдый сыр. На больших приёмах меню представлено наполовину сырым бараньим мясом или излюбленным лакомством сойотов — испечённым на углях сусликом. Стульев здесь нет в употреблении. Все присутствующие сидят на подогнутых под себя ногах. Только наиболее почётные

гости получают подушечки из кошмы или войлока. Сойоты не пользуются вилками, едят при помощи пальцев и ножей. У бедных сойотов вместе с людьми в юртах пребывают ягнята и телята, что не слишком положительно отражается на чистоте одежды. Ночью же очень часто эти милые квартиранты будят живущих здесь людей лизанием их лица или хватанием за нос. Любезность сойотов, по мнению гостей, распространяется порой так далеко, что жёны и дочки хозяина готовы служить гостям своими всяческого рода услугами, которые европейцы, с хотя бы минимальными моральными и эстетическими требованиями, пользуются чрезвычайно редко.

Так, идя от юрты к юрте, дошли мы до российского поселения Чакул. Здесь неожиданно наткнулись мы на большевиков. Произошла схватка. Под градом наших пуль большевики начали отступать. В какой-то момент я почувствовал, что мой конь шатается, хотел вынуть ноги из стремян, но в ту самую минуту конь упал, придавив меня своим телом. Что было дальше, не помню, так как потерял сознание. Очнувшись, увидел, что лежу на снегу, а Ширнин и Шмаков перевязывают мне ногу. Узнал, что в победе над большевиками в значительной мере помогли нам сойоты, которые внезапно зашли им в тыл. После размещения меня на носилках, отряд двинулся в сторону Джедана. Однако после преодоления нескольких вёрст, встретили мы китайский пикет, с капитаном Ли-Ши-Фу во главе. Наша делегация в лице Шмакова и Архипова направилась к капитану с просьбой о предоставлении помощи и пристанища; капитан согласился на предоставление нам попечения и пропуска нас в Джедан при условии, что сдадим оружие. Не очень охотно — мы были вынуждены принять это условие. Мне и всем офицерам позволили оставить револьверы. Однако китайцы не пустили нас в Джедан, но на месте нашей встречи поставили несколько юрт, которые отдали в наше распоряжение, снабдив нас также несколькими мешками муки и несколькими баранами. Лечением моей сломанной ноги занялся Болдыр Гелии. Однажды посетил нас капитан Ли-Ши-Фу. В порыве возмущения я учинил ему скандал за то, что, несмотря на высказанное обещание, он не защитил Баянгол. Капитан объяснил, что поступил согласно распоряжению наместника, который приказал ему сдать Баянгол на милость большевиков. По моей просьбе, капитан, добрый в сущности человек, позволил Шмакову ехать к наместнику в Джедан с целью получения разрешения на наш въезд в Монголию.

VII. В РЕЗИДЕНЦИИ ЯН-ЧУ-ЧАО

Однако пока что нам было позволено только приехать в Джедан. Ответ, касательно Монголии, наместник отложил на более позднее время.

Я отправил вперёд весь отряд, под предводительством китайцев, сам же, в обществе Шмакова, хорунжего Архипова и врача, выехал санями следом за отрядом. Дорогой, в степи, поймала нас бешеная снежная буря. В мгновение ока небо покрылось чёрными клубящимися тучами, которые, гонимые вихрем, казалось, ползли по земле. Ужасный свист ветра протяжным эхом отражался в горах, пробуждая панику среди бегущих через степь зверей. Мягкий и редкий вначале снег, после истечения нескольких часов, стал таким густым и беспорядочным, что в 11 утра было темно, как ночью. Шум ветра, хрипение коней и громкие окрики сойотов, издаваемые в целях связи, всё это сливалось в какую-то адскую симфонию, которая могла даже очень здорового человека привести в крайнее волнение.

Лёжа в мягких санях под тёплыми кожухами и шубами, укачиваемый дикой музыкой степной вьюги, я уснул, не беспокоясь о том, куда, когда и как меня довезут. Проснулся я перед какой-то очень высокой юртой. Меня вынули из саней и ввели внутрь избы, где у кровавого пламени костра сидел хозяин дома. Был это высокий серьёзный старец. Сидел он, уставившись на огонь, безразличный ко всему, что вокруг него делалось. В его глазах было нечто, что приковывало взгляд — что-то удивительно жуткое. Глаза эти ужасали своим блеском и выражением, но одновременно вкрадывались в душу. Спустя какое-то время, старец, поднявшись от костра, сказал несколько слов хрипящим голосом, после чего присутствующие в юрте сойоты начали ползать у его ног, хозяин же благословил их сильными ударами палки. При помощи жестов я старался дать ему понять, что ничуть не чувствую себя готовым принять такого рода благословения.

Как я позже узнал от Ширнина, наш новый хозяин был известным прорицателем, а вместе с тем грозой сойотов. Если бы не опасность, угрожающая нам в степи от снежной метели, наши сойоты-проводники никогда бы в жизни не отважились на посещение юрты колдуна.

Я не был трусом, но наблюдение ворожбы и сглаза, совершаемых таинственным хозяином юрты, пробудило во мне ощущение необъяснимой тревоги и нервного страха.

Прорицатель, сидя у огня, бросал в него какие-то травы и

порошки, под влиянием которых красные, как кровь, языки пламени костра начинали удивительно шипеть. Юрта наполнилась отголосками, как если бы далёких стонов и рыданий. Лицо сойота, скрытое в тени, было совершенно невидимым, только глаза его светились жутким фосфоресцирующим блеском. Шмаков, Ширнин и Архипов были бледны и сильно напуганы. На лицах китайцев, уставившихся на хозяина, отражался просто фантастический восторг. Стоны и рыдания то усиливались, то стихали. Наконец, где-то вдали, отозвался протяжный ужасный вой волка.

Тогда, не владея уже своими нервами, я схватил одно из лежащих рядом со мной поленьев и бросил его в огонь. Однако, к моему величайшему удивлению, полено, спустя мгновение, повисло над огнём, после чего бесшумно упало на то самое место, откуда я его взял. Немного погодя, в избе ещё были слышны стоны и рыдания каких-то невидимых существ — наконец, огонь сверкнул ясным нормальным пламенем, освещая юрту и собравшуюся около костра группу людей с побледневшими лицами и испуганными глазами.

Приглядываясь поочерёдно к сидящим рядом со мной товарищам, я заметил на лице Архипова несколько капель крови, а на шеях китайцев — выразительные кровавые полосы, как если бы от ножа. Прорицатель, взглянув на них, произнёс:

— Это ваше будущее!

Ширнину предсказал он долгое скитание и известие о смерти отца, Шмакову советовал быть менее вспыльчивым, потому что это может принести ему погибель, ко мне же обратился с такими словами:

— Издалека ты прибыл и далека перед тобой дорога. Сабля твоя плавала в крови, но делал ты это в доброй вере. Много времени ещё проведёшь в седле, но вернёшься туда, где жаждешь успокоить свою тоску. Землю нашу, пропитанную кровью, полюбишь и, даже после возвращения на свою родину, будешь тосковать о наших степях!

Всё то, чего только что был свидетелем, привело меня к высшей степени раздражения, и только под благотворным влиянием весёлого пламени огня начал я медленно возвращаться к душевному равновесию. Во время чая, которым нас попотчевал гостеприимный хозяин, разговор пошёл достаточно живо и бодро. Плохое настроение исчезло. Перед тем, как отправиться спать, хозяин дал мне принять порошки, говоря, что они успокаивают боль и вызывают добрые сны. Не знаю, или это внушение, или благотворное влияние порошков подействовало на меня так положительно, что на другой день утром встал я в отличном

настроении, почти не чувствуя боли в ноге. К сожалению, мрачные предсказания хозяина юрты относительно судьбы некоторых наших товарищей сбылись в будущем: Архипов погиб от большевистской пули, китайцев же вырезали.

Буря утихла — началась оттепель. Распрощавшись с таинственным предсказателем, вскоре мы двинулись в дальнейшую дорогу, намереваясь как можно быстрее оказаться в Джедане. В этот же самый день, в три часа пополудни мы были уже у китайского наместника Урянхая, Ян-Чу-Чао, который принял нас очень любезно. По его распоряжению, поселились мы в маленьком, но чрезвычайно опрятном домике, в котором к своей громадной радости, я встретил пребывающих в Джедане уже давно Яхонтова и Чемагина.

Поселились мы впятером: Шмаков, Архипов, Чемагин, Яхонтов и я. Нам прислали несколько баранов, а также мешок муки; кроме этого китайцы обеспечивали нас табаком и разными приправами для кушаний.

Судьбы отряда Чемагина и Яхонтова не были весёлыми. Большевики уничтожили большинство людей из их подразделений, и если бы не помощь татар-охотников, которые нашли полуживых людей, оставшихся от отрядов, в заснеженной тайге, как Яхонтов, так и Чемагин, погибли бы неизбежно от голода и холода.

Наместник Ян-Чу-Чао, бывая у нас достаточно часто, дал нам возможность узнать его, как человека приятного, культурного и воспитанного. Закончив среднюю европейскую школу, изучал он право в Петрограде, при это в совершенстве владел языками немецким и российским. Наместник всегда имел в запасе свежие новости и, следовательно, всегда был для нас приятным и желанным гостем. От него-то я и узнал, что через Джедан проходил Валериан Куликовский, который служил в Пятой Сибирской Дивизии, сперва в инженерном батальоне, а затем в офицерской школе.

О судьбах наших товарищей в Баянголе кружились версии, что они все погибли от большевистских пуль. Версии эти, к сожалению, оказались настоящими. В 1923 г., после возвращения в Польшу, я случайно встретил в поезде Палюха, который рассказал мне с подробностями историю нападения и захвата Баянгола. Все героические защитники Баянгола, в количестве 8 человек с Лукасевичем и Василием Ширниным во главе, были перебиты большевиками. Палюх своим спасением обязан единственно своей профессии. Потому что большевики, узнав, что он кузнец, приписали его к своему отряду, чтобы он подковывал им лошадей.

Отдохнув должным образом в Джедане, решили мы выступить в конце концов в Монголию. Полковник Чемагин договорился с одним из лам, который по цене 50 беличьих шкурок согласился забрать меня в свои сани. 29 января 1921 г. в 6 часов утра выехали мы из Джедана, направляясь в сторону Улангома, то есть нашего ближайшего этапа в Монголии.

Лама, Архипов и Шмаков управляли тремя парами саней, нагруженных товаром, полковник Чемагин ехал верхом на коне, я же с Яхонтовым занял четвёртые сани. Наш конвой состоял из нескольких вооружённых сойотов. Мы ехали замёрзшим руслом реки Джедан, направляясь на юг к снежным вершинам Танну-Ола.

Окрестность эта изобилует зверем; я заметил многочисленные стаи куропаток, которые в поисках корма роют длинные канавы в снегу, покрывающем степь.

Местности, через которые мы проезжали, несколько лет тому назад были густо заселены российскими колонистами. Однако же теперь на месте усадеб и хуторов торчали обгорелые и почерневшие брёвна, опустошённые подворья заросли травой. Являлось это следами страшной кровавой резни, совершённой в 1911 г. сойотами, мстящими за эксплуатацию и занятие их извечных пастбищных земель чужими пришельцами.

На одном горном склоне показалось стадо серн. Когда Чемагин метким выстрелом уложил самца-рогача, сойоты сразу же пустились за добычей, разрывая её на месте на куски. С заслуживающей изумления ненасытностью рвали они зубами сырое и ещё тёплое мясо, алчно облизывая стекающую по рукам кровь. Выглядели они при этом страшно. Громкие и жадные их чмоканья вырывали из раздумья погружённого в молитву Джару-ламу (хозяина саней), который при виде окровавленных лиц пирующих сойотов впал в гнев и, схватив в руки ташур (палку), начал ею охаживать прожорливых земляков. Сойоты под влиянием ударов разбежались, как стая куропаток в страхе перед ястребом, бросая ценную добычу. Из уцелевшего таким образом мяса Джару-лама изготовил вкусный бульон, которым нас любезно угостил. Мы провели ночь в сойотской юрте, где приняли нас очень учтиво, благодаря протекции и влиянию Джару-ламы.

На другой день рано, после хорошего завтрака, двинулись мы в дальнейшее путешествие. Выехав из долины речушки, заметили мы замёрзший водопад, который блестел на солнце великолепием всех цветов радуги. Под ледяным покровом шумела вода, извергаясь фонтаном и обрызгивая кроны сосен и лиственниц. Капли воды, моментально замерзая, покрывали блестящим инеем ветви деревьев. Ледяные сосульки, свисающие у подножия скал,

были лазурными, как небо, а своей формой напоминали обелиски из ляпис-лазури.

Всё это вместе складывалось в совокупность, такую исключительно живую и богатую красками, что с необычным прямо восхищением всматривались мы в чудесный ландшафт.

Когда, наконец, исчез он из наших глаз, въехали мы в ущелье, называемое «Храм дьявола». В этом ущелье, согласно преданиям туземцев, скрывались когда-то разбойники, которые нападали на всех проезжающих этой дорогой путешественников, грабя их имущество, после чего мужчин убивали, а женщин брали в неволю. Безнаказанными эти нападения оставались до тех пор, пока Будда не услышал молитвы верующих и напустил на ущелье и его окрестности страшную бурю, которая перебила всех разбойников и уничтожила их убежища. С той поры прекратились нападения, но, по-видимому, злой дух облюбовал себе это место смерти и греха, потому что до сих пор в «Ущелье дьявола» свистит и причитает никогда не прекращающийся ветер, который в сердцах проезжающих здесь путешественников возбуждает удивительную, жуткую тревогу.

Всматриваясь в побледневшие лица сойотов, видел я, что они верят непоколебимо в старую легенду. Вздохнули, наконец, также с облегчением и все мы, выехав из страны тьмы на широкое и вольное пространство.

Спустя несколько часов добрались мы до перевала гор Танну-Ола. Перед нами простиралась огромная степь, обрамлённая горными цепями.

Таким образом переехали мы Монгольскую границу. Два дня и две ночи были мы ещё в путешествии, которое не принесло уже больше никаких особенных впечатлений. На третий день утром перед нашими глазами забелели маленькие глиняные домики российских колонистов, обрисовалось оборонное сооружение или местопребывание князя и высокие стены хурэ (монастыря), откуда неслись могучие звуки медных труб, сообщающие миру, что монах исполняет Божью службу.

Были мы в Улангоме.

VIII. НА ЗАПАДЕ МОНГОЛИИ

Улангом является в северо-западной Монголии вторым по величине поселением, важным с торговой и религиозной точки зрения. Огромный монастырь (хурэ), населённый достаточно большим количеством монахов, среди которых много предсказателей и лекарей, привлекает много паломников из Монголии, Урянхая и высоких Алтайских Гор. Добираются сюда также караваны купцов из Пекина, Калгана, Урги, Улясутая и России.

При въезде в Улангом поразил нас на входе сильный гомон и хаос, царящий на широкой площади китайского торгового городка (маймачена), отгороженной от хурэ. Рёв верблюдов, перекличка погонщиков, громкие проведения торговых сделок, а часто и агрессивные выступления китайских солдат, принимающих активное участие в спорах, возникающих при торгах, всё это создавало такую хаотичную и крикливую совокупность, что в первый момент не смогли мы сориентироваться, где, собственно, находимся и с кем могли бы понять друг друга.

Только немного погодя из группы домиков высунулись несколько китайских солдат, которые, подойдя к нашим саням, спросили, откуда и куда едем. Яхонтов вместо ответа показал им пропуск с подписью Ян-Чу-Чао, при виде которого солдаты услужливо показали нам дорогу к российскому поселению. Поехали мы широким трактом, вытоптанным сотнями караванов, вдоль высокой глиняной стены крепости, глядящей мрачными выщербленными бастионами, пока наконец не остановились на обширном плоском пространстве российской концессии, где отыскали гостеприимное пристанище у татар, которые несколько месяцев назад убежали из Таштыпа от большевиков.

Со времени приезда в Улангом началась у нас новая жизнь. Мои приятели занялись работой, чтобы добыть пропитание и топливо, я же в течение нескольких первых недель лечил ногу под внимательной опекой одного из самых известных в этих окрестностях тибетского врача Агар-ламы. Вечерами в нашем уединённом тёплом жилье собиралась достаточная группка людей, состоящих из беглецов от большевизма и колонистов. Вечной темой наших разговоров были воспоминания пережитых стычек с большевиками или тяжёлых минут, проведённых в большевистских тюрьмах. Российские колонисты относились к нам несказанно доброжелательно, подкармливая хлебом, мясом и другими продуктами скромную нашу семью.

По истечению двух месяцев моя нога поправилась настолько, что я мог уже ходить не только в пределах комнаты, но и совершать прогулки по колонии и монастырю.

На запад от российской концессии простирался китайский маймачен, гранича с крепостью. Большая часть китайских домов была окружена частоколами, такими высокими, что из-за них были видны только крыши домов. Дома, слепленные из глины, были достаточно обширными и делились на несколько помещений, из которых два или три предназначались для персонала, остальные для магазина и складов. В жилищах китайцев почти половину комнаты занимал кан, то есть род нар, сложенных из кирпичей. Внутри кан обогревался специальным костром, расположенным в кухне, так сильно, что китайцы укладывают на кане только обычный мат (циновку) и спят на нём, накрываясь тоненьким одеяльцем или войлоком.

Подружившись с купцами, я часто просиживал в их магазинах (лавках) долгие часы, приглядываясь к приёмам торговли и слушая интересные рассказы о Китае.

Торговые операции в Монголии ведут китайцы, главным образом, в кредит, получая на этом колоссальные прибыли. У монголов нет денег, поэтому они платят за товар скотом, баранами или шкурами, монетарной единицей является лан[8] серебра, и на нём строятся все расчёты. Монгол, беря товар за 7 чин, обязуется отдать весной следующего года двух годовалых баранов стоимостью двух лан, однако если не заплатит в положенное время, то на другой год должен отдать уже двоих двухлетних баранов стоимостью трёх лан. Таким образом, от капитала 0,70 лана китайцы зарабатывают чистого процента 2,30 лана. Когда стоимость товара достигает нескольких десятков лан, а монгол по причине снежной зимы или болезни скота не может в первые года расплатиться, то в результате проценты доходят до сотен лан, и монгол, оплачивая каждый год проценты, многократно превышающие долговую сумму, сидит постоянно в долгах. Впрочем, китайцы чрезвычайно услужливы, никогда не требуют возврата всего долга и всегда охотно предлагают своим должникам новые товары. Этого рода торговая система ведёт к тому, что до 1911 года почти не было монгола, который бы не платил китайцам процентов издавна выплачиваемого долга.

В 1911 г. китайские улангомцы пережили очень тяжкие времена и почти полностью утратили своё состояние. Это было время, когда Монголия под влиянием политики России сбросила китайское ярмо и получила автономию. Не обошлось при этом без беспорядков, особенно сильных в округе Кобдо, где монгольские отряды под предводительством Джа-ламы захватили

крепость Кобдо и почти полностью вырезали китайский гарнизон. В Улангоме предстояло то же самое, но китайцы, продав почти за бесценок товары российским колонистам, частично убежали в Россию, частично укрылись в Улангомской крепости. Монголы многократно пытались захватить крепость, но безуспешно, поэтому решили голодом вынудить осаждённых к капитуляции. И кто знает, оставили ли бы монголы китайцев в покое, измотанные долгим ожиданием у крепости, если бы «сыны Неба» не решились на идею изготовления «пушки». Из огромного древесного ствола сделали они ствол пушки, загрузили его несколькими мешками пороха и старого железа, после чего два отверстия крепко забили досками. Смертоносная машина, поставленная под зубцами крепостной стены бастиона, была направлена на монгольский лагерь, и главный комендант крепости, в окружении целой свиты, собственноручно поджёг запальный шнур. Раздался ужасный грохот, и глазам удивлённых монголов явились летящие в воздухе разорванные тела китайцев, обломки досок и груды обломков крепостной стены. Взрыв пушки не только убил всех собравшихся вокруг неё китайцев, но и сделал такой большой пролом в стене, что монголы без труда захватили крепость, вырезав полностью остатки, объятого паническим страхом, гарнизона.

И, несмотря на такие болезненные утраты, китайцы несколькими годами позднее, воспользовавшись большой войной, а затем революцией в России, начали возвращаться в Монголию и вскоре снова захватили рынок, используя по-прежнему губительную для Монголии торговую систему.

Китайские товары были строго приспособлены к монгольским требованиям, а некоторые выглядели высокохудожественно. К таким принадлежали серебряные трубочки с мундштуками из яшмы, равные стоимости 50-100 коней, кресала и ножи в ножнах из серебряных пластин с мастерски гравированными драконами или монгольскими орнаментами. Самый большой спрос имели кирпичики чая, табак, кожа на обувь, а из материалов: шёлк, чечун-ча (шёлк сырец), атлас и далемба.

Очень часто в магазин приходили ламы, покупая жертвенные свечки или буддийские чётки, поэтому я вскоре познакомился почти со всеми монастырскими сановниками, а среди них с настоятелем, Святейшим Ганчи-гегеном. Воспользовавшись приглашениями, я начал всё чаще приходить в хурэ, что позволило мне познакомиться с жизнью лам, а также проводить не один час в храмах.

Они были построены в Тибетском стиле, из дерева, достаточно солидно. Тут же, перед главным входом в храмы,

стояли молитвенные мельнички (барабаны) с наклеенными полосками бумаги, на которых были написаны слова молитвы. Порой гудели они, движимые силой ветра, чаще — вращали их паломники, вознося таким способом молитвы. Внутренность храмов достаточно обширна и относительно чисто содержится. Напротив двери находится алтарь, на котором возвышается бронзовая фигура Будды, сидящего на цветке лотоса, а около него стоят несколько статуй буддийских святых (бодисатв), ниже же ряды мисочек с продуктами земли и лампадки с чистым бараньим жиром. С потолка свешивается множество шёлковых платков (хадаков), а стены покрыты картинами разных сцен из жизни бодисатв, ужасных демонов, или отрывки молитв, написанных на тибетском языке.

Лам вызывают на богослужения громкие звуки огромных медных труб, размещённых на специальном балконе. Духовенство восседает рядами на маленьких подушках, держа в руках карточки с молитвами: ближе к алтарю оркестр, состоящий из маленьких пищалок, изготовленных из человеческих бедренных костей, обрамлённых серебром больших бубнов, колокольчиков и гонгов. Перед самым алтарём сидит на специальном троне настоятель монастыря. На алтаре зажигают лампадки, а в урну с зажжёнными углями всыпают ладан. Облако дыма взлетает вверх и окружает статую Будды, и тогда оркестр начинает играть какую-то дикую мелодию. Потом наступает сжигание плодов земли, во время которого ламы монотонно поют молитвы. Во время перерывов в богослужении, между рядами лам снуют молодые ученики монастыря, разнося чай или кумыс. Три раза в месяц: 8, 15 и 30 числа ламы молятся в храмах без перерыва, целые сутки. Однако я никогда не замечал, чтобы в храмах молились светские (мирские) люди, хотя и достаточно часто отправляются богослужения, заказанные именно ими. Комической чертой богослужения является то, что церемониймейстер, вооружённый большой палкой, прохаживается между молящимися ламами, внимательно слушая, надлежащим ли образом отправляются молитвы, в случае же какой-нибудь неточности, он не щадит ударов на хребты нерадивых.

Монгольские монастыри являются в некоторой степени оазисами культуры в этой стране номадов и единственными постоянными поселениями. Кроме монастырей в Монголии существуют храмы, кочующие с места на место, устраиваемые в обширных юртах. С таким, собственно, странствующим храмом встретился я на северном берегу озера Убса-нур, будучи в гостях у помощника местного князя, с которым часто охотился на скальных козлов и горных баранов. Общение с более

образованными монголами дало мне возможность изучения отношений и обычаев, существующих в Монголии.

IX. НАРОД ЧИНГИС-ХАНА

Некогда огромное государство Чингис-хана, бывшее в течение короткого времени ужасом всего мира, уменьшилось, ограничиваясь родными степями, и, наконец, в результате внутренних беспорядков и войн между разными племенами, халхасы сдались в 1691 г. под опеку Маньчжуров во время правления хана Канси. Маньчжуры ввели в Монголию свои войска, заложили несколько крепостей, между прочим, Улясутай и Кобдо, разбили джунгаров и, восстановив спокойствие в Монголии, подчинили её себе на долгие годы.

Желая полностью ослабить влияние монгольских князей, Канси в первую очередь приступил к территориальным переменам. Халха, поделённая после смерти Харасанджи Хунтайджи на семь княжеств (хошунов) между сыновьями умершего, получила теперь новое разделение, дробящее её на 37 хошунов (в настоящее время — 104), отданных под власть менее значительных князей, которых старался одновременно привлечь на свою сторону путём раздачи титулов, подарков или женитьбы на китайских княжнах.

Чтобы облегчить себе контакт с отдельными княжествами, Пекинская власть сформировала их в Аймаки (сеймы), назначая председателями этих сеймов монгольских князей и давая им титул «ханов». Таким образом, возникли в Халхе четыре аймака: Цецен-хана, Тушету-хана, Саин-Нойн-хана и Джасакту-хана; округ Кобдо был поделён на двадцать хошунов, сформированных в два аймака: Зоректу-хана и Далай-хана.

Князья сгруппированных в аймаки хошунов в каждое определённое время собираются на сеймы (чулганы) и там советуются о делах, касающихся данного аймака.

Хошунами (отдельными княжествами) управляют наследные князья при помощи специальных хошунных управлений тамга. Эти князья имеют огромную власть над своими подданными: являются судьями, назначают подати, имеют право назначать и увольнять сановников, а во время разных торжеств или съездов представлять свой хошун.

Хошуны делятся на меньшие административные единицы: баки или отоки, которые подчиняются власти тамги. Цель их существования — более быстрое собирание податей, совершаемое даргой (старшим), назначенным тамгой.

В мобилизационном отношении хошуны делятся на так называемые сумуны, то есть эскадроны. Каждый сумун во время мобилизации должен выставить 150 всадников.

Всё население Монголии делится на: князей — джасак, дворянство — тайджи, свободных граждан, подданных — хам-джилга, духовенство — лам и подданных Богда-гегена (главы монгольского ламаизма) — шаби.

Светские — хара — заплетают на головах косы и носят терлыки, застёгиваемые под шеей; духовенство же стрижёт волосы коротко, терлыки, жёлтого или красного цвета, носят с вырезом на груди.

Княжеские титулы делятся на шесть степеней:

Чин-ван (дорой-бейле).

Ван (дзюн-ван, дорой дзюн-ван).

Бейле (дорой-бейле).

Бейсе (гусай-бейсе).

Туше-гун (улус-ун-туше-гун).

Гун (улус-тур-тусулакчи-гун).

Упомянутые выше титулы часто имеют почётные добавления: Ердени, Дархан, Тушету, Дайчин, Сусукту, Дадай, Ачиту, Батор, или обозначение настоящих или предшествующих титулов, как: дзян-дзюн, амбань, сайт.

В северной Монголии названия княжеств происходят от родов и поколений; если эти самые поколения поделились на ряд княжеств, то к названию поколения добавляется географическое обозначение: восточный (дзун), западный (барун), средний (дурад), северный (ару), южный (убур), или также употребляются почётные титулы князей с отдельными эпитетами, например, джасакту-ван, дархан-ван.

Чиновники хошунов носят на шапках шарики, обозначающие их титул. Тусулакчи, помощник князя, имеет красный непрозрачный шарик (титул генерала). Дзакирокчи, помощник князя в военных делах, носит шарик голубой непрозрачный, а мейрен (полковник) такого же цвета, но прозрачный. Титул дзалана (капитана) обозначен белым прозрачным шариком, а непрозрачный обозначает степень дзангун (поручик). Вахмистр, кундуй, носит медный шарик.

Дворяне, тайджи, занимают главным образом административные должности и обладают большими привилегиями.

Свободные граждане должны исполнять военную службу, платить подати, исполнять службу на уртонах (дорожных станциях) и т. п.

Хам-джилга не исполняют войсковой службы, платят очень небольшие подати и главной их обязанностью является служба на дворах их хозяев (господ).

Шаби, сгруппированные в особые хошуны, управляемые не

князьями, но духовными сановниками. Каста шаби возникла таким образом, что каждому вступающему на Ургинский трон Богдо-гегену, князья жертвовали некоторое число своих подданных. Шаби освобождаются от всяческих аймачных обязанностей, от военной и почтовой службы, а их вопросами занимается специальная служба в Урге, шаби-ямын, руководимая шандзотба, имеющего больше прав, чем самый высший чиновник хошуна.

Ламы представляют могучую касту, охватывающую почти четверть мужчин, населяющих Монголию.

Согласно обычаю, почти каждая семья, имеющая двоих или троих сыновей, отдаёт одного из них на обучение в монастырь (хурэ). Часто можно увидеть в юртах мальчуганов с коротко остриженными волосами, одетых в жёлтые терлыки — это дети, предназначенные к духовному сословию. На седьмом или восьмом году жизни отдают такого мальчика в какой-нибудь монастырь, здесь, как ученик, живёт он у одного из старших лам, исполняя самые мелкие услуги. Такой ученик, называемый банди, приносит первые обещания гынин — избегания самых важных грехов: убийства, воровства и пьянства. Три первых года банди учится литургическому языку (тибетскому), а также катехизису, а потом после четырёх лет практических занятий в храме, читает и произносит молитвы. К обязанностям банди в это время относится также разнос чая или кумыса для молящихся в храме лам.

Переходя в среднюю школу, ученики монгольского монастыря приносят клятвенное обещание говорить правду и получают сан gecul (гецул). Обучение в средней школе длится десять лет. В это время ученики знакомятся с началами философии и буддийской догматики. После окончания этой школы, а также принесения более высоких клятвенных обещаний, дающих название (сан) gelun (гелун), ученик становится монахом. Высший курс продолжается двадцать лет и заключается в знакомстве с высшей догматикой, философией и буддийской теологией, а также в заучивании наизусть нескольких сот страниц «Ганчжура»[9] и «Данчжура»[10]. После окончания этой «академии» и сдачи экзамена, лама получает титул «габзи», и если ещё имеет желание продолжать учёбу, то в течение семи лет специализируется в теологии и философии, после чего получает титул «агримба».

Кроме духовных степеней также имеются и административные: так высший чин монастыря называется хамбо. Эту степень может пожаловать только хутухта, хамбо же может предоставить три первых низших духовных посвящений в сан. Во

время богослужения хамбо сидит в храме на специальном троне. Гебкуч является церемониймейстером и носит связанный с этим титулом спадающий на землю плащ, а также шапку с двумя длинными чёрными ленточками, называемую монголами оботай. Ведущий монастырское хозяйство называется нирба.

Ламы обычно оканчивают полный курс обучения в монастырях, в которые поступают как банди, однако для специализации едут в Ургу или в Тибет.

Кроме лам, занимающихся философией и догматикой, существуют также ламы-врачи (эмчи), а также ламы-астрономы (дзурхачи). Становятся ими, главным образом, те банди, которые, поступая в хурэ для обучения, воспитываются врачами и астрономами.

Обучение медицине происходит при помощи специальной медицинской книги (тибетской), само же лечение — путём заговаривания болезни заклятьями, предохранение о болезни — при помощи амулетов. Кроме того, они используют лекарства, приготовленные из трав, шкур, маральих рогов и т. п. На Джеане, например, видел я лекаря-ламу, который из желудка убитого глухаря вытащил почти микроскопические веточки мха, объясняя мне при этом, что этот мох, чрезвычайно эффективное лекарственное средство, находят только глухари. Высушенные травы монгольские лекари измельчают в порошок, делая из них пилюли, после чего заворачивают их в разноцветные бумажки. Эти лекарства, однако, не всегда помогают, особенно при таких болезнях как сифилис, оспа или тиф. О хирургии лекари не имеют понятия и никаких вскрытий на теле не делают, в то же время с успехом собирают сломанные конечности. Монгольские лекари часто пополняют свои знания в специальных врачебных школах в Тибете. Они ставят диагноз обычно после измерения пульса, прикладывая пальцы за ушами больного.

Ламаистское духовенство играет очень важную роль в жизни монголов. Каждый шаг, каждое важнейшее занятие монгола с первых минут жизни вплоть до гроба требует сопровождения духовенства.

В Монголии женятся, главным образом, в очень молодом возрасте, однако разница лет между женихом и невестой не играет никакой роли. Так, например, шестнадцатилетний юноша может обручиться с тридцатилетней женщиной, и это считается совершенно нормальной вещью. Однако тут не идёт речь о чувстве любви, потому что родители молодого жениха выбирают ему невесту, совершенно не спрашивая его мнения.

Происходит это следующим образом.

Когда родители находят для сына соответствующую партию,

они обращаются за советом к ламе, который с помощью пророческих книжек предсказывает, что брак будет счастливым. Важную роль в этих ворожбах играет год рождения будущей жены.

Монголы делят время на циклы: малый — двенадцатилетний, большой — шестидесятилетний.

Годы малого цикла имеют следующие названия: 1. мыши, 2. коровы, 3. тигра, 4. зайца, 5. дракона, 6. змеи, 7. коня, 8. овцы, 9. обезьяны, 10. курицы, 11. собаки, 12. свиньи.

Этот цикл делится на годы «твёрдые»: тигра, дракона, собаки и свиньи, остальные же принадлежат к «мягким» годам.

Лама, ворожа, обращает особенное внимание на то, чтобы девушка была рождена в «мягком» году, так как в противном случае совместная жизнь молодой пары была бы, вероятно, несчастливой.

Когда, однако, такого рода помехи нет, родители молодого человека посылают сватов к родителям избранницы, те же со своей стороны обращаются тоже к ламе, ожидая от него новой ворожбы, и когда и здесь предсказания выпадают благоприятные, договариваются о выкупе со стороны жениха и приданом невесты.

Выкуп является очень важным с той точки зрения, что дети, рождённые перед его принесением, считаются внебрачными и принадлежат только матери.

У богатых выкуп доходит порой до тысячи лан, у бедных от нескольких лан до нескольких десятков лан и нескольких хадаков. Приданое богатой невесты составляет несколько десятков коров и коней, а также несколько сот баранов, а порой только несколько баранов.

Юрту для молодой семьи даёт отец жениха, родители же невесты дают шнуры для привязывания войлоков к каркасу юрты и всю её внутреннюю обстановку. Молодая жена, входя в дом мужа, приносит также подробный список того, что она вносит на новое хозяйство, чтобы в случае развода, который является частым явлением в Монголии, забрать эти вещи назад.

Как при заключении брака, так и при болезни и в момент смерти монгола необходим лама. Он учит больного безропотно переносить недомогания, а также молится о предотвращении опасности. Когда он видит приближающийся конец, извещает об этом семью, которая устанавливает так называемую смертную палатку (шатёр), где укладывает больного, давая ему только самые необходимые вещи. Маленький огонь, разожжённый у входа в эту палатку, должен защищать умирающего от полудиких собак, подкарауливающих свежее мясо. Зимой случалось порой, что больной замерзал в такой палатке. Когда лама констатирует,

что больной умер, тогда готовится место, где должно быть уложено тело умершего. Выбор места зачастую зависит от вида болезни и обстоятельств, при которых умер больной. Одних вывозят в горы, других — в долины, третьих оставляют в высохших руслах рек, кого-то бросают в озёра. Перед выбрасыванием тела в степь совершается погребальная церемония. Умершего устанавливают в сидячей позе в смертной палатке, вблизи ставят жердь Мани с подвешенными на ней лоскутами бумаги, на которых тибетским письмом написаны слова заклятья: «Ом мани падме хум», гарантирующие умершему быстрое освобождение из уз материи (плоти), т. е. спасение.

Ламы при погребальных обрядах пользуются трубками из человеческих костей, а также маленькими бубнами, обтянутыми человеческой кожей, потому что эти инструменты должны эффективно отпугивать злых духов и демонов, собирающихся около мёртвого.

После окончания молитв сворачивается палатка, а оставшееся тело вскоре становится пищей голодных собак, волков или хищных птиц.

Посмертные молитвы у богатых монголов продолжаются на протяжении 49 дней, потому что в течение этого времени, в соответствии с существующими взглядами, душа умершего находится на суде у владыки преисподней, Эрлик-хана.

Бедные ограничивают молитвы 21 днём.

В наследство после умершего ламы получают по девять штук живого и неживого инвентаря, например: девять коров, девять коней, девять верблюдов и т. д.

Начиная писать о духовенстве, необходимо хотя бы в общих словах вспомнить о религии.

Господствующей религией в Монголии является ламаизм.

Во времена Чингис-хана монголы были шаманистами, что констатирует известный монгольский летописец Саманг-Сечен, описывающий Большой «Курултай» (вече), на котором Тимучин был провозглашён Ханом Монголии.

Ламаизм является сильно преобразованным буддизмом и в Монголию пришёл из Тибета. Чистый буддизм, проповедуемый основателем этой веры в Индии, Сакьямуни, прошёл уже на территории своего возникновения множество перемен, из которых самые важные были осуществлены сектой Махайяна, которая учит, что для достижения нирваны не достаточно отказаться от земных утех, но нужна также помощь святых (бодисатв), которые, достигнув самых высоких уровней спасения, появлялись на земле в виде людей, чтобы нести человечеству духовную помощь. Такой изменённый буддизм перенял потом много от браминизма,

особенно культ тантризма и йоги.

В VII веке от Рождества Христова буддизм добрался в Тибет и здесь смешался в большой мере со старой тибетской религией бом-па, принимая в ряд буддийский святых множество тибетски демонов и гениев. Одним из самых важных реформаторов в это время был славный апостол буддизма Падма Самбхава.

Спустя почти три века после его смерти, буддийское учение в Тибете подверглось новым переменам, совершённым Джу-Адиша, основателем секты гадам-па, протестующей против воздавания почестей демонам, вводящей целибат (безбрачие) для духовенства и требующей от него добросовестного выполнения устава. После смерти Джу-Адиша духовенство разбилось на два лагеря: часть осталась верной гадам-па; другая часть, недовольная строгим уставом, основала новую секту саскья, т. е. красношапочников, названных так из-за красных ритуальных шапок. Вскоре секта эта приобрела предпочтение и широко распространилась по всей Центральной Азии, особенно, когда Хубилай назначил её наивысшего духовного лица главой Церкви в Тибете и наследственным правителем этой страны. Тем самым секта саскья была признана официальной и, имея поддержку властей, возвела множество монастырей (многие в Монголии) и властвовала долгие годы.

Только в 1357 г. в Тибете появился новый реформатор буддизма Зон-ка-ва, который свои реформы основывал, главным образом, на учении Махайяны, снова ввёл целибат, организовал духовенство, установил целый ряд церемониалов, а Главой своей Церкви сделал Далай-ламу, воплощение великолепного Авалокитешвары. Вновь созданная секта, в отличие от красношапочников, приняла для духовенства жёлтые одежды и такого же цвета шапки, после чего назвали её желтошапочной (ламаизмом). Новая вера быстро распространилась по стране и, вытеснив секту саскья, воцарилась всевластно в Тибете.

Ламаизм впустил в Монголию влиятельный монгольский князь Абдай-хан в XVII веке, и эта религия привилась здесь значительно легче, после того как в 1649 г. Далай-лама назначил в качестве Главы Новой Церкви в Монголии воплощение Таранаты, известного буддийского философа.

Глядя в Монголии на многочисленные руины старых монастырей, которые могли принадлежать секте саскья, следует сделать вывод, что, однако, ламаизм должен был начать непримиримую борьбу, прежде чем бесконкурентно воцарился на новой почве.

Строительство всё более новых ламаистских монастырей всё более увеличивало количество воплощений, потому что каждый

монастырь хотел иметь своего хубилгана (перерожденца). Хубилганы, являясь, главным образом, настоятелями монастырей, получают название хутухту[11] или геген[12] и пользуются огромным почётом у наивных номадов.

Душа гегена переходит в тело новорождённого ребёнка, чтобы в новом воплощении дальше помогать ламаистам в спасении.

Не должна душа переродиться сразу после ухода из старой земной оболочки, поэтому порой своё существование в новом существе проявляет только после нескольких лет.

Поиск нового хубилгана является уже заботой лам данного монастыря, которые в беззаветной молитве, книгах предсказателей, а также в разных признаках на земле и небе ищут подсказки, как и где они могут отыскать новое воплощение, разузнавая одновременно известия, не родился ли где мальчик в каких-то необычных условиях. Если собранные сведения произошли в какое-то время и в каком-то месте, совпадающем с предсказаниями пророческих книг, ламы направляются к рекомендованной юрте и показывают ребёнку какой-либо предмет, который особенно любил умерший геген. Если ребёнок хватает этот предмет и не хочет его отдавать, это означает, что умерший вселился в ребёнка и распознал свою собственность. Найденного таким образом хубилгана ламы забирают вместе с матерью в монастырь, где дитя остаётся, воспитываемое под опекой наиболее учёных монахов. И чем многократней возрождается хубилган, тем большую славу и уважение имеет его монастырь, и это приносит серьёзные материальные выгоды как настоятелю, так и его окружению.

X. ВОЛНЕНИЯ В МОНГОЛИИ

Неожиданно приехал в Улангом наместник Урянхая, Ян-Чу-Чао. Он получил перевод в Пекин, недолго задержавшись в Улангоме, в доме Хар-Нюды. Мы с Яхонтовым решили воспользоваться присутствием наместника и попросить его о выдаче нам разрешения на проезд через Монголию. Ян-Чу-Чао принял нас очень приветливо, но отказал нам в нашей просьбе, объясняя это тем, что вскоре его подпись не будет иметь силы. Он советовал нам также, с точки зрения на тревожное время, не покидать Улангома.

«Это оградит вас, — сказал наместник, — от многих вероятных неприятностей, которые могут вам встретиться как со стороны моего преемника, так и от монголов».

Вскоре после его отъезда поехал я с капитаном Поповым и сыном Мальцева на охоту в горы Ульясы, к поручику Ежову, который жил там постоянно с женой и дочкой. Согласно утверждению поручика Ежова, в Ульясах попадается каменный уголь, графит, медь, свинец и даже рубины и аметисты. В недалёком соседстве от Ежова жил художник Теленгит-Тачаев с семьёй.

Группа охотников, в количестве 10 человек, отправилась на вершины гор, где разделилась на три партии и заняла соответствующие позиции.

Я и Мальцев остались на огромных скальных кручах, откуда открывался прекрасный вид на Улангом и окрестные степи. По истечении некоторого времени, заметили мы появившееся на горных лугах стадо скальных козлов. В момент, когда вожак стада, прекрасный самец, остановился и, подняв изящную голову, украшенную великолепными рогами, начал принюхиваться, пуля, посланная из моего охотничьего маузера, уложила его. От звука выстрела стадо разбежалось, как безумное, во все стороны. Не знал я, чему больше удивляться — или великолепным формам козлов, или лёгкости и проворству их неправдоподобно раскованных прыжков. Один из козлов во время своих полётов от края к краю пропасти — был поражён пулей Мальцева. На этой охоте я впервые увидел стаю птиц, которых до сих пор не встречал. Это были так называемые улары, или разновидность скальной индейки. Величиной с гуся, передвигаются они так быстро, что долго приходится ожидать, когда представится возможность выстрела. Мясо их чрезвычайно вкусное. Эти птицы живут в горах Тибета и Монголии.

Первый день охоты стал достаточно удачным. Были добыты

марал, два скальных козла, скальный баран аргали, два волка и несколько уларов. Учитывая необычайную чуткость и ловкость скальных козлов, они считаются исключительно ценной добычей, следовательно, меня и Мальцева объявили «королями охоты».

Охота продолжалась целую неделю. Ежедневно возвращались охотники к дому поручика Ежова, нагруженные ценной добычей. Я, однако, переутомив себе ногу во время охоты на скальных козлов, не смог принять участия в дальнейших рискованных экспедициях, поэтому сидел дома, составляя компанию жене поручика Ежова.

Только в последний день охоты я выехал в горы в компании с сыном Тачаева, Азармом. Мы заняли позицию у прекрасного ручья, который, падая каскадом с достаточно значительной высоты, впадал в озеро Убса-нур.

Одновременно с восходом солнца, я заметил на скале прекрасного скального барана аргали[13], который стоя над обрывом, поднял высоко вверх свою голову и протяжным блеянием сзывал стадо. На этот сигнал отовсюду раздались многочисленные ответы, издаваемые в разных тонах. Немного погодя всё стадо, в количестве 22 штук, собралось около своего вожака и, спустившись вниз, начало жадно пить воду.

Я не стал стрелять сразу, желая детально полюбоваться видами, такими редкими для глаза европейца. Старые бараны, утолив жажду, отошли в сторону, уступая место самкам и молодым барашкам. Эти барашки, резвясь и проказничая, были подвергнуты суровому внушению со стороны вожака стада, который при помощи ударов своих могучих рогов старался призвать к порядку своевольную молодёжь. Наказанные барашки с покаянным видом схоронились под опекой матерей.

Мои выстрелы уложили одного старого и одного молодого барана. Мы погрузили шкуры и мясо в сани и после ужина отправились в Улангом.

Всё чаще стали доходить до нас тревожные вести о волнениях в восточной Монголии. Китайский губернатор выслал из Кобдо в Урянхай, для увеличения тамошних резервов, 100 чахаров[14], которые в дороге грабили всё, что только удавалось. В ожидании неприятных гостей, колонисты прятали товар, одновременно обеспечивая оружием всех беглецов; женщины и дети были отправлены в Ульясы.

Уже заявившие о себе гости не заставили себя долго ждать. Одним прекрасным утром 100 чахаров в национальных монгольских костюмах появились на улицах Улангома, но, ко всеобщему удивлению, после обеда, весь отряд отправился в дальнейшую дорогу, не ограбив ни одного жителя. Некоторые из

чахаров были одеты в самые разнообразные предметы европейского гардероба, награбленные по дороге в российских хуторах. Я видел вояку, одетого в дамское бельё, в шляпе и лисьем боа. Другой в свою очередь был прикрыт бархатным покрывалом или же портьерой, которая спадала ему на плечи, скрывая в своих складках наездника и коня. Два дня спустя после проезда чахаров выехал на Джедан полковник Чемагин. В это же самое время капитан Попов получил тайный приказ из Улясутая, подписанный подполковником Михайловым, чтобы всех военных, проживающих в Улангоме и его окрестностях, собрать и сформировать из них отряды. Китайские гарнизоны должны быть распущены. У китайских купцов приказано отобрать оружие. Другой приказ велел установить связи с отрядами есаула Кайгородова, расположенными на реке Кобдо; генерала Бакича, квартирующего в Джунгарии, в Чугу-Чаке, и атамана Анненкова, который, согласно предположениям, стоял лагерем в Урумчи. Как гром среди ясного неба упало на нас известие об истреблении сойотами стоящего лагерем на Джедане Китайского гарнизона. В этой стычке погиб, сражённый пулей в голову хорунжий Архипов, который сопровождал полковника Чемагина на Джедан.

К сожалению, исполнилось предсказание старого сойота, произнесённое в день Рождества Христова в 1920 г.

Полковник Чемагин привёл в Улангом 30 хорошо вооружённых партизан. Комендантом Улангома стал капитан Попов, формирование же и обучение отрядов было поручено полковнику Чемагину. Жизнь в Улангоме изменилась неузнаваемо. Ввели строгую военную дисциплину, обучали людей и коней, готовили оружие. Китайские купцы, охваченные паникой, отдавали товары в наши руки, сами же убегали в Кобдо, скрываясь под опеку китайских войск. Не все, однако, успели убежать. Однажды ночью монголы подожгли огромные склады спирта. Весь китайский маймачен сгорел дотла.

В огне погибло много китайских купцов. Слоняющиеся среди грузов монголы разыскивали остатки уцелевших товаров. На место катастрофы приехал нойон Западного хошуна, Зорикту-хан. Его жирное, красное, издевательски усмехающееся лицо и маленькие быстрые глазки не возбуждали ни доверия, ни симпатии. Зорикту-хан сетовал на судьбу, которая не позволила ему награбить большого количества китайских товаров — и просил нас, чтобы мы из оставленных у нас китайцами вещей что-нибудь ему пожертвовали, но капитан Попов отказал решительно, объясняя, что вещи предназначены для обеспечения войска.

Князь уехал злой.

Возвращаясь после пожара домой, заметили мы казака на

покрытом пеной коне. Он сообщил нам, что группа вооружённых сойотов приближается к Улангому с целью разграбления имущества колонистов. Протрубили тревогу. Не отзвучали ещё эха трубы, когда казаки, в полном боевом снаряжении, под командованием Чемагина, выдвинулись навстречу грабителям. Подъехав на расстояние нескольких шагов до сойотов, полковник Чемагин спросил через переводчика, с какой целью они едут в Улангом. Сойоты, спустя мгновение, стояли беспомощно, как если бы сконфуженные неожиданным количеством хорошо вооружённого противника. Внезапно один из них наехал конём на Чемагина и со всей силы ударил его рукой в грудь. В это самое мгновение полковник, с быстротой молнии, вырвав саблю из ножен, разрубил нападающему голову. Это было как бы сигналом к бою.

Казаки с вытянутыми саблями влетели, как вихрь, в толпу врагов, рубя их без жалости. Сойоты, не оказав почти никакого сопротивления, прилипнув к конским шеям, помчались, сломя голову, в степь.

Стычка продолжалась недолго и закончилась позорным поражением сойотов.

После битвы полковник разослал патрули для наблюдения за окрестностью, офицеров же созвал на военный совет, во время которого поручил завязать контакты с отрядами генерала Бакича и атамана Анненкова.

Я выехал из Улангома, снабжённый всякими нужными бумагами и документами.

По рекомендации князя Зорикту-хана, я получил так называемый дзару, или дорожный документ, заверенный печатью соответствующего хошуна.

Дорожный документ получает только тот, кто оплачивает наличными положенную денежную сумму. Для решения властных вопросов дзары выдаются бесплатно. Если речь идёт о срочном деле, тогда дзара снабжается нарисованным на ней конским копытом или птичьим пером.

При предъявлении этого документа все уртоны, или монгольские дорожные станции, должны давать путешественнику в распоряжение самых лучших своих коней.

XI. ЧЕРЕЗ ПЕСКИ ДЖУНГАРИИ

Выехал я вместе с поручиком Поповым в сопровождении нескольких знакомых мне казаков, давних партизан из Урянхая. Решились мы ехать на верблюдах, потому что кони, по причине отсутствия хорошего фуража, были достаточно слабы.

Первую ночь мы провели у озера Ачит-нур, где находилась первая дорожная станция, т. е. уртон. Мы сменили здесь верблюдов и проводника и двинулись в дальнейшую дорогу в верховья реки Кобдо. Течёт она здесь высоким коридором, замкнутым с двух сторон цепями лесистых гор.

Берега Кобдо густо покрыты монгольскими юртами. В долинах пасутся табуны коней и овец.

В течение дня мы одолели 75 км, отделяющих нас от Улэгей, где находился следующий уртон. В Улэгее я потребовал коней и проводника до Улан-даба. Монголы смотрели на нас с сомнением и, наконец, объявили, что перевал Улан-даба невозможен для прохождения по причине огромных снегов, которые завалили все дороги. Решили мы, таким образом, ехать через Тулту. Монголы, по правде сказать, неохотно дали нам других верблюдов и пятерых улаченов, или конских пастухов, в качестве проводников. Выехали мы ранним утром в юго-западном направлении, в сторону кобдосских озёр, из которых берёт начало одноимённая речка. Путешествие было теперь тяжёлым, учитывая гористость местности. Берега реки обступал лес, полный зверей. Многократно пересекали нам дорогу стада маралов и кабанов; меньших размерами, чем европейские.

Наше путешествие до озёр Кобдо продолжалось 2 дня. Озеро окружают со всех сторон скалы зелёного цвета, которые обязаны этим цветом медной зелени обильными залежами меди в этой местности.

Берега озёр оживляются юртами и домиками теленгитов и россиян, занимающихся исключительно ловлей рыбы и охотой.

На отдых мы остановились у обрусевшего татарина, Айдурова, который принял нас чрезвычайно гостеприимно, показал свою прекрасную коллекцию чудесных мехов, снабдил нас порядочным количеством мясных блюди мёда, а на другой день утром снарядил в дальнейшую дорогу, проводив нас лично наиболее короткими путями прямо-таки до перевала Урмогайту. Теперь мы уже ехали на конях. После преодоления десятичасовой и небезопасной дороги добрались мы до места, откуда открывался прекрасный, никогда не забываемый для меня вид. Далёкое бескрайнее пространство лесов и скал тонуло в потоке

лучей заходящего солнца, которое, освещая горные вершины и скальные уступы, придавали им очертания фантастических башенок или замков из сказок. Высоко над кручами плавали, описывая широкие круги, прекрасные орлы.

Мы провели ночь в огромном скальном гроте. На следующий день, на рассвете, отправились мы в дальнейшее путешествие, а в 4 часа пополудни были уже в поселении Тулта. После короткого выпаса лошадей, пустились мы галопом к озеру Улунгур.

Ехали теперь равниной, свободной от снегов. Ночевали в степи. Возле переправы через реку Иныш нам сменили коней. Мы ехали берегом озера Улунгур, наполненного жизнью диких гусей и уток, которые с криком пролетали над обширными водными пространствами.

Около полудня остановились мы в местечке Булун-тохой, здесь мы тотчас же сообщили о себе князю. Сначала он принял нас очень подозрительно и напрямик отказался приложить печать к нашей дзаре, лишая нас тем самым коней. Таким образом, решил я ухватиться за последнее средство и пожертвовать князю рысьи шкурки, полученные от Айдурова, а также — хадак. Хадак представляет из себя большой кусок шёлковой голубой материи с вытиснутым посредине изображением Будды. Церемония жертвоприношения происходит таким образом, что хадак, сложенный вдоль на три части, держится в руке горизонтально, так, чтобы длина его была видна. Отказать в принятии хадака нельзя. Получивший этот подарок должен поместить его на домашнем алтаре бурханай-шире, жертвователь же таким образом выражает признательность и желание оказать помощь в любом деле.

Жертвование хадака, а также рысьих шкурок, вызвало со стороны князя неимоверную любезность и удовлетворение. Согласился он приложить печать на дзаре, угостил нас чаем, а при выезде подарил мне небольшой хадак, а также красивый нож, богато инкрустированный серебром.

Мчались мы теперь день и ночь, отдыхая только во время смены коней на уртонах. Доехав до поселения Дур-бульджир, заселённого, главным образом, китайцами, спрятали мы карабины, опасаясь неприязни со стороны китайских властей. От встреченного в дороге казака узнал я, что тамошнее население не знает ещё о резне китайцев в Монголии и что генерал Бакич как раз развлекается в Дур-бульджире. Я попросил казака, чтобы он показал нам дорогу к генералу. После короткой ходьбы казак привёл нас к большому, хорошо освещённому дому. Войдя с поручиком Поповым внутрь дома, оказались мы в обширной, освещённой свечами комнате. У стола сидели несколько военных

и несколько дам. Общество, при виде чужих людей в монгольской одежде, замолкло. Мы подошли к сидящему за столом генералу и представились ему. После общего знакомства нас посадили среди собравшихся и угостили ужином. Я смотрел с уважением на общество окружающих меня людей, которые имели позади такое богатое прошлое. Эти люди преодолели страшную голодную киргизскую степь, терпя невыразимые словами страдания из-за отсутствия воды и продовольствия.

Удивило меня, однако, большое количество женщин за столом.

Уже по собственному опыту знал, как губительно воздействовало присутствие женщин в боевых отрядах — ведь армия Деникина утратила свою дисциплину, когда в её ряды проникла только одна женщина.

Женщины, которые в мирное время являются самыми лучшими подругами в жизни, в партизанских отрядах очень часто становятся бременем и даже костью раздоров и недоразумений.

Их врождённое кокетство возбуждает взаимную ревность у офицеров, выводит их из равновесия солдатской жизни, вынуждает забывать о служебных обязанностях.

Слушая ведущиеся около меня разговоры, глядя на покрасневшие под влиянием алкоголя лица, на блестящие глаза и улыбающиеся губы женщин, подумал себе, что труды нашего путешествия пошли насмарку, потому что собравшийся здесь круг не будет иметь никакого желания предпринять новые усилия для борьбы. После ухода последнего гостя генерал начал со мной и поручиком Поповым беседу, которая убедила нас в том, что на его помощь рассчитывать нельзя.

— Почти все мои офицеры, — говорил генерал, — покинули корпус и выехали в Монголию. Так как большевики недавно объявили амнистию, следовательно, и эта горстка, которая здесь осталась, ежедневно уменьшается, потому что каждый хочет вернуться в свой дом, а не скитаться по омерзительной Джунгарии, тем более, что я, не имея денег, не могу выплачивать денежного довольствия. Здесь много женщин, офицерских жён, сестёр, дочерей, по причине которых у меня много неприятностей и беспокойства. Китайцы ещё терпят меня, но косо смотрят на моё окружение, которое я не могу удержать от рискованных поступков. В ближайшее время выезжаю в Урумчи, потому что большевики всё чаще наезжают в Джунгарию. В Урумчи был до недавнего времени атаман Анненков, который всё же в настоящее время развлекается где-то в Китае.

Несмотря на неутешительные слова генерала, мы с поручиком Поповым решили поехать в Урумчи, чтобы отыскать

атамана.

Генерал, ища спасения во лжи, якобы несколько его офицеров хотят выехать в Китай, получил от губернатора дзару, после выдачи которой мы сразу же выехали, направляясь на юг.

Наше путешествие мы совершали с огромной поспешностью, задерживаясь на короткий отдых на нескольких станциях. Однажды задержались мы в домике китайского купца, который принял не очень гостеприимно, угостил обедом, состоящим из жареных дождевых червей, улиток и тому подобных лакомств. Каким же было удивление и негодование хозяина, когда, поблагодарив его за оригинальные деликатесы, начали мы закусывать вытащенными из наших запасов кусками сушёного мяса. Отдохнув должным образом, двинулись мы в дальнейшую дорогу. Теперь мы ехали трактом, у подножия гор Ерен-Хабирга, имея с правой стороны урожайную и возделываемую окрестность, с рисующейся на горизонте цепью гор, а с левой же стороны — плоскую степь, переходящую в песчаную пустыню. Время от времени переезжали мы через песчаные дюны движущихся песков, в которых кони проваливались по колено. В местечке Манас к нашему каравану присоединился отряд китайских солдат, что сослужило нам добрую службу, так как при въезде в Урумчи нам не потребовалось предъявлять документы местному караулу.

Урумчи, резиденция генерал-губернатора (тао-тая), это город без тротуаров, окружённый снаружи глиняной стеной. Китайские магазины привлекают прохожих разнообразием товаров и живостью красок. Более убогая часть города покрыта лотками, полными различнейших овощей. Грязные, засаленные китайцы, крича и жестикулируя, продают в дымящихся мисках блюда с сильно подозрительным запахом. Несколько далее китаец в белом халате предлагает уличное парикмахерское искусство. В одной руке он держит красный стульчик, в другой — коробку с нужными инструментами.

Из закусочных, около которых мы проезжали, бил сильный, резкий запах блюд и горячего ханшина. Поварята в белых халатах разносили блюда в деревянных мисочках, крича при этом во всё горло.

От русских, к которым у меня были письма от генерала Бакича, узнал, что недавно дошло до стычки между атаманом Анненковым с 800 казаками и китайцами, которые хотели разоружить его отряд. Атаман напал на город Ку-ченг, вырезал стоящий там гарнизон и, разграбив целый город, вернулся назад в степи. Китайский губернатор, видя, что силой его не возьмёшь, предложил ему перейти на службу к китайским властям,

гарантируя совершенную свободу действий. Анненков принял предложение и со своим отрядом отправился в сторону Карашара.

Известие это было для нас очень неблагоприятным. Ездить в поисках атамана было бы вещью бесцельной, а особенно ввиду хороших отношений Анненкова с китайцами. Таким образом, нужно было возвращаться в Улангом, куда ближайшая дорога проходила через безводную песчаную пустыню Джасолын-Елессун. Могли мы, по правде говоря, ехать другой дорогой, ведущей на Ку-ченг, а оттуда на север до Кобдо, но эта дорога была намного более длинной, чем первая; решили мы, таким образом, ехать через пустыню. Хозяин нашего жилья в Урумчи, Нечав, отыскал монгола, который за щедрое вознаграждение обещался довести нас до тракта, на котором находился колодец с пресной водой. От того тракта, находящегося в 180 км от Урумчи, отделали три дня дороги.

Мы выехали из Урумчи на верблюдах около 3 утра, снабжённые кожаными мешками, наполненными водой, а также маленькими мешочками с сухарями, рисом и просом.

Сразу после выезда в степь я заснул, укаченный мерным ритмом бега моего верблюда.

Проснулся я от звуков выстрелов и сопровождающих их криков и проклятий. Оказалось, что группа китайских солдат во главе с офицером, хотели нас арестовать, на что поручик Попов отреагировал активно, ответив огнём из револьвера. Это вызвало вооружённую стычку, в которой мы добились победы, взяв противника в плен. Китайский офицер, который, как оказалось, был адъютантом Ян-Чу-Чао, сообщил нам, что перед лицом беспорядков в Монголии и репрессий россиян в отношении китайцев в Улясутае, ему был дан приказ губернатором, чтобы военных европейцев на уртонах арестовывать и заключать в тюрьмах, упорных же — расстреливать.

После раздумья, решили мы всех пленных китайцев отпустить на волю, однако же, реквизировав у них коней, оружие и всё найденное у них имущество, состоящее, главным образом, из очень ценных награбленных у россиян вещей.

У первого же богатого киргиза выменяли мы коней и часть награбленных вещей на серебро и меха, после чего, взяв у нашего проводника клятву, что поведёт нас безопасными дорогами, двинулись мы в сторону Хорчито.

Песчаная степь кое-где заросла рощицами саксаула, этих оригинальных джунгарских кустов, ствол которых обычно засыпан песком, и только крона, покрытая маленькими чешуйками, купается в горячих солнечных лучах.

Совершенное оцепенение природы прерывают порой голоса сипов, ищущих падаль.

Горячий ветер взметал тюрбаны песка, который засыпал нам глаза и губы, забирался в складки одежды, задерживал дыхание. После двух дней путешествия без отдыха, добрались мы до поселения Хормали, состоящего из нескольких юрт, сгрудившихся около трёх колодцев с хорошей холодной водой.

Здесь наш проводник передал нас в руки своего приятеля Дабельты-ламы, которому поручил вести нас дальше.

Заменив верблюдов, уже ночью двинулись мы в направлении Шакшин, расположенного на северо-востоке от Хормали.

Целую ночь ехали мы по песчаной равнине, и только перед утром наши глаза разглядели наконец цепь гор, покрытых зелёной травой. Остановились у маленького ручья на двухчасовой отдых. Поздней ночью, после целого дня езды, остановились мы в поселении Джакшин, расположенном у подножия гор Кутусс, поросших лиственничным лесом. Не успел я даже осмотреть монастырь, известный собранными в нём воспоминаниями со времён походов Монголов на Запад, как поручик Попов сообщил мне, что кони готовы и можем ехать дальше.

Едучи на здоровых, сильных конях, сменяемых на каждой станции, мы быстро продвигались вперёд и в относительно короткое время добрались до уртона, расположенного на берегах реки Урунгу. Здесь, случайно, в одной из юрт произошло у нас знакомство с охотником, европейцем, по фамилии Якимов, который предложил нам охоту на марала. Это предложение мы приняли с радостью и под предводительством Якимова направились в соответствующие места. Перебравшись с Поповым через болота и заросшее маленькое озерцо, увидели мы на краю поляны прекрасного самца марала. Стрелять было далеко, следовательно, начали мы ползти на четвереньках, желаю подобраться ближе к прекрасному зверю.

Внезапно очень отчётливо я почувствовал на себе чей-то магнетизирующий взгляд. Поднял глаза и увидел в кустах квадратную голову огромной кошки, смотрящей на меня из-под легко сомкнутых век. Молниеносным движением поднял я ружьё на уровень глаз и выстрелил. Зверь издал страшное рычание, делая одновременно в моём направлении высокий прыжок. В это самое время раздался выстрел из двустволки Попова. На расстоянии нескольких шагов увидел я пепельного цвета тело огромного зверя, изгибающегося в последних конвульсиях. Я выстрелил ещё раз, уложив пулю под лопатку. Был это, как оказалось, прекрасный экземпляр пантеры барса, одного из самых опаснейших, наиболее кровожадных зверей, населяющих

Восточный Туркестан, Памир, а также Джунгарию и Горы Тарбагатай. Достигающее восьми пядей длины тело пантеры было покрыто пепельным мехом в чёрную полоску, из её пасти торчали могучие клыки, а ноги были вооружены острыми и искривлёнными, как лапы орла, когтями.

Неожиданно я стал хозяином красивейшей пушистой шкуры, добыча которой придавала мне в глазах монголов незаслуженный титул старого, опытного охотника.

После так триумфально закончившейся охоты мы двинулись в дальнейшую дорогу и после двукратной смены коней оказались в хурэ Чошотен-Гегена. Монастырь это расположен в чрезвычайно живописной гористой местности. Над самой речкой находится храм, построенный из гладко отёсанных лиственничных стволов. На террасах, созданных по капризу природы, стоят маленькие домики лам, окружённые высоким палисадом, среди которых выдвигается на первый план прекрасный, выдержанный в китайском стиле дворец Гегена. Художественные резьбы, украшенные двери и наугольники, мастерское исполнение крыши и окон — всё это складывается в видимое целое, неимоверно оригинальное и гармоничное. По нашей просьбе нас провели по храмам. Являются они внутри обширными и содержащимися в чрезвычайном порядке и чистоте. Нам показывали также статуи Богов, привезённых из Тибета. Прекраснейшие подсвечники из серебра и бронзы, так мастерски гравированные, что просто трудно поверить, что они являются делом человеческих рук. Осмотрели мы также помещения, являющиеся наполовину музеем, наполовину библиотекой. Висели здесь предметы самого редкого оружия, происходящего из самых разных эпох. Высокие стены покрывали луки, щиты, сабли, бердыши, алебарды, такие огромные и тяжёлые, что с трудом я смог их пошевелить. Не было недостатка в огнестрельном оружии, начиная от древних кремневых ружей, вплоть до изделий более современных. Другую половину помещения занимали рукописи на тибетском языке.

Следующие три дня нашего путешествия были достаточно тяжёлыми с точки зрения трудной и изнурительной дороги, идущей через горы. Воды ручьёв и речек, вследствие тающих снегов поднялись, многократно сдерживая передвижение после многих усилий взобрались мы наконец на перевал Дабыстен-даба, где проводник привязал на овоо свои благодарственные лоскуты.

Постепенно горы уменьшались, тракт становился всё шире и удобнее, ведя нас в Кобдо.

XII. В СТОЛИЦЕ КОБДОССКОГО ОКРУГА

Город Кобдо был резиденцией китайского амбаня (наместника) округа Кобдо и Урянхайского края.

Возникновение этого города и, собственно, крепости датируется временами войн с Ганданом, и монгольская хроника Ердени-ин-ерихе пишет, что произошло это в восьмом году правления китайского императора Юн-чена (1731 г.). В построенной тогда на правом берегу реки Кобдо крепости поселился китайский гарнизон: начальником его стал дзян-дзюн (генерал), наделённый титулом «распространяющий величие». Генералы-резиденты в Кобдо, подчиняясь власти Улясутайского дзян-дзюня, были членами его Совета, поэтому также носили китайский титул — хэбэй амбань.

В 1735 году крепость Кобдо перенесли на реку Баянту, а на правом берегу реки Кобдо достаточный кусок земли был предназначен под возделывание хлебных зерновых, для чего использовались 400 семей монголов-халхасов и 100 китайцев, призванных на военную службу. Почти одновременно, в небольшом отдалении от крепости, начал образовываться торговый город (маймачен).

Спустя 31 год после перенесения крепости на Баянту в Кобдо было учреждено Управление по делам дербетов, олетов, мингитов и других племён, живущих в округе Кобдо, и почти в то же самое время находящиеся в крепости китайские войска были возвращены назад за Большую Стену. Только во время восстания Дунган (1869–1872 гг.) сюда были стянуты серьёзные военные силы, но крепость и маймачен сильно пострадали, потому что повстанцы уничтожили ряд домов администрации и разрушили и разграбили почти весь маймачен.

После подавления восстания Кобдо разросся достаточно обширно, тем более что рядом с китайцами здесь осело достаточное количество российских купцов. Но в 1912 г., во время отделения северной Монголии от Китая, Кобдо пережил тревожные дни и был захвачен монгольскими войсками, организованными Джа-ламой[15], а руководимые Сурун-гуном. Победоносный монгольский отряд уничтожил тогда почти все китайские магазины, а китайцы в количестве около тысячи, из которых погибли почти сто человек, должны были покинуть Монголию. Однако подобно, как и в Улангоме, вернулись они сюда, воспользовавшись Первой мировой войной, и снова начали

ростовщическую торговлю. Крепость имела теперь такой сильный гарнизон, что часть его выслали в Урянхай, где он исполнял службу при комиссаре Ян-Чу-Чао.

Когда в 1921 г. начались волнения в восточной Монголии, китайский амбань в Кобдо коварно старался внести некоторые раздоры между российскими купцами и наплывающими в Монголию из России беглецами. Китайские солдаты, поощрённые, по-видимому, своими начальниками, становились просто агрессивными, пока, наконец, однажды ночью не устроили погром европейцев. Несколько россиян были убиты, остальные, оставив имущество на произвол судьбы, убежали в одном белье (это произошло зимой) в отряд есаула Кайгородова на Улан-даба.

Кайгородов тотчас же двинулся на Кобдо и вскоре захватил его, но большая часть китайских войск вместе с амбанем сумела бежать в сторону Улан-даба. Бегство происходило так быстро, что Кайгородов завладел только частью каравана, увозящего награбленное имущество россиян.

Кобдо, во время моего пребывания там, представлял собой настоящие руины. На улицах были видны следы недавних боёв; много домов превратились в развалины, а в степи валялись трупы, наполовину обгрызенные собаками и волками. В городе и крепости крутилось множество вооружённых солдат, не было также недостатка в монголах обоего пола.

Кайгородов занимал со своим штабом дом амбаня, здесь же определили мне квартиру. Есаул Кайгородов был типичным сыном Алтайских гор: монгольские черты лица, скошенные чёрные глаза, смотрящие пронзительно; он был среднего роста, коренастый и ловкий. Как родовитый теленгит, он обладал большим авторитетом среди своих земляков. Будучи ярым противником большевизма, борясь с постоянно распространяющейся в окрестностях Бийска революцией, находил он помощь у теленгитов, благодаря чему счастливо уходил от всяческих засад, которые устраивали на него советские войска. Вытесненный, наконец, в горы, долгое время он отсиживался со своим отрядом, состоящим из отличных стрелков, на Чуйском тракте и здесь громил большевиков вплоть до 1920 г. Окружённый со всех сторон превосходящими неприятельскими силами, не мог он принять открытого боя по причине скудного количества амуниции, таким образом, он со своим отрядом перешёл напрямик через горы и остановился только в границах Монголии. Достойным помощником есаула был поручик Смолянников, известный в отряде, благодаря необычайной смелости и предприимчивости.

Кайгородов охотно согласился на взаимодействие с отрядом,

стоящим в Улангоме, обещая тотчас же подготовить соответствующие письма капитану Попову.

Я был уже готов к дальнейшей дороге, когда из Улясутая прибыл гонец, привёзший письма от генерала, барона Унгерна. В этих письмах генерал сообщал о захвате Урги, провозглашении Монголии независимым государством, а Богдо-гегена — императором, он также поручал Кайгородову вести мобилизацию россиян, пребывающих на территорию округа Кобдо, и формирование отрядов. Со своей стороны Унгерн обещал всяческую помощь, а также прислал в Кобдо пушку со значительным запасом амуниции.

Наиболее всего заставил меня задуматься приказ, санкционированный Богдо-гегеном, призывающий определить значительные пространства земли, подходящие под возделывание хлебных зерновых культур и поселение на них россиян-земледельцев, не пригодных для военной службы. Было видно, что новая власть в Монголии хочет гарантировать себе запасы продуктов питания, получаемых до сих пор из Китая, а вместе с тем рвёт старую монгольскую традицию, считающую копание земли за тяжёлый грех, всегда сопровождающийся гневом божеств.

Письма Унгерна вызвали понятную сенсацию, потому что разъясняли ситуацию в Монголии, а также разные, порой самые противоречивые, вести, кружащиеся по степям.

Забрав копии писем генерала, я выехал в Улангом, преодолев 250 км дороги в течение неполных 18 часов. Тотчас же направился к капитану Попову, отдал ему письма и рапорты.

Однако теперь я почувствовал, что охватила меня сильная усталость, которую я не мог победить; 22 дня, проведённые в седле, почти без отдыха, сделали своё дело. Я отправился отдыхать и несколько десятков часов проспал беспробудным сном.

XIII. ЧЕРЕЗ БАЙТ И ХОШУН АЧИТУ-ВАНА

Спустя пять дней после возвращения, получил я приказ отправиться в Улясутай с целью разузнать там соответствующую информацию, а также мнения по рапорту о положении нашего отряда. Я выехал в сторону Байта в сопровождении только одного партизана, который должен был мне служить переводчиком. После полной ночи путешествия по тяжёлой, покрытой снежными заносами дороге, добрался я до российской фактории, где в доме колониста, живущего там с семьёй, провёл в обществе людей неимоверно культурных и гостеприимных целый день. Вечером выехал почтовыми лошадьми и на рассвете был уже в Хангельцике, где встретил поручика П., посланного сюда из Улясутая с целью формирования партизанского отряда.

Хангельцик расположен в горах на территории хошуна Ачитувана и известен своими прекрасными пастбищами. Здесь я провёл два дня. В течение этого времени завязал знакомство с князем Ачиту-ваном. Познакомился здесь с колонистом Л. и его 30-летним сыном, называемым попросту Ванечкой. Молодой Л. слыл в целом западном крае просто необыкновенно учтивым и верным своему слову человеком и пользовался среди монголов огромной симпатией и уважением.

На другой день после моего прибытия в Хангельцик пришло известие, что сойоты, живущие на реке Тэс, ограбили Ачитуванский монастырь, в настоящее же время движутся в направлении Хангельцика. Поручик П. во главе своего отряда направился навстречу противнику. Стычка закончилась разгромом сойотов, которых частично отбросили вглубь степей, частично же взяли в плен.

На следующий день я двинулся в дальнейшее путешествие. Дорогой заехал к князю Ачиту-Вану, чтобы помочь ему в мобилизации монголов. Ачитуванский хошун является одним из наиболее богатых лошадьми. Эта местность, хотя и гористая, но покрыта травой, доходящей до колен, поэтому также здесь, кроме отличных экземпляров домашних коней, встречаются стада диких ослов, тёмной масти с чёрной полосой, идущей вдоль хребта. Охота на этих животных считается, скорее, спортивным занятием, показывающим ловкость и силу охотника.

Стада, состоящие из нескольких десятков или нескольких сотен животных, ведёт старый жеребец. При смене пастбища стадо высылает авангард, который изучает окрестность,

уведомляя остальных куланов, можно ли двигаться вперёд.

В случае нападения волков стадо группируется в кольцо, середину которого занимают жеребята и матери, неспособные к борьбе, остальные же встают передом к врагу и отбивают атаки.

Многократно я был свидетелем охоты на диких ослов, устроенной князем во время повторного моего пребывания в этих местах. Совершается она на специально вышколенных с этой целью верховых конях, оружием же охотнику служат длинные волосяные арканы.

Монголы-охотники, заметив стадо, сбрасывают сёдла со своих коней и, держа в руке арканы, прячутся под брюхо своих верховых лошадей, мчась галопом через степь. Зрелище это является поистине поразительным, потому что ничуть не выдаёт присутствия наездников, скрытых под конским брюхом, и создаётся ощущение, что это сами кони мчатся по степи. Это впечатление является обманчивым до такой степени, что даже ослы, спасающиеся от жары в озере, не предчувствуют опасности.

Монголы, приблизившись к берегу озера, моментально прыгают на хребет своих лошадей, одновременно раскручивая находящиеся в руках арканы. Стадо при виде неожиданного врага в бегство, чаще всего запоздалое. Схваченные арканами куланы резко бьют ногами по воде, но, немного погодя, под воздействием сдавливающей петли, успокаиваются совершенно[16].

Куланы совершенно не поддаются разведению, в то же время мясо их неимоверно вкусное.

Кроме стад диких ослов, в степи можно встретить много других зверей, наиценнейшим и наиболее редко встречаемым всё же является некоторый вид антилоп, называемый биконом. Эти небольшие звери живут в степи парами, пользуются же они успехом, благодаря своим чуть ли не драгоценным рожкам, из которых китайцы делают лекарства. Эти звери неимоверно чутки и пугливы, живут, главным образом, в местах безлюдных, поэтому добыть бикона чрезвычайно трудно.

В границах хошуна Ачиту-вана собственно начинается монгольское государство Халха. Я обратил внимание, что женщины одеваются здесь иначе, чем в округе Кобдо, появляются также некоторые изменения языка в отношении к употребляемому монголами в округах Улангом и Байт, также как и к языку торгутов, населяющий южный округ Кобдо.

В том же хошуне наткнулся я на следы какого-то старого города, в значительной части засыпанного песками. Сопровождающий нас старый лама-улачен рассказал легенду, связанную с руинами, в которой часто упоминал имя героического Гушихана[17].

Слушая рассказы старого ламы, подумывал я, помимо воли, что в этих легендах пробивается простой, искренний, не испорченный наслоениями Запада, дух доброго монгольского народа. Сколько же красочных личностей промелькнёт перед слушателем, и какая глубокая гордость от великолепия давних владык и вождей.

Наверное, нигде больше не наслушается путешественник легенд, кроме как в Монголии и Урянхае. Монголы излишне примитивны, чтобы изучать разные явления природы или отыскивать их первопричину, они во всём видят воздействие добрых и злых духов, гениев и демонов и на этом основании создают фантастические сказания, добавляя в них поступки национальных героев.

Но с другой стороны развитию легенд благоприятствуют старые традиции и следы давно вымерших народов, которые, уступая под напором захватчиков, ушли на север. Показывали мне также на берегу Абакана две каменные фигуры: мужчина и женщина, — а сопровождавший меня в это время Болдыр Гелин рассказывал о них:

«Очень давно, когда Урянхай был населён одним богатым племенем, царило там согласие и благосостояние. Занимались они земледелием, а плодородная земля давала достаточно хлеба и различных плодов. Видел, наверное, старые каналы для воды?

Это давние жители Урянхая копали их, чтобы обводнить земли, лишённые водяных потоков. На реке Улукем они строили плотины, которыми преграждали некоторые части реки, а когда вода поднималась высоко, тотчас же открывали плотины, выпуская целые массы воды, которые, задерживаясь на следующих плотинах, выливались в каналы и расходились по ещё меньшим желобам, оживляя таким образом землю.

Наступили, однако, неспокойные времена; племя, населяющее Урянхай, теснимое другими воинственными племенами, должно было искать спасения от гибели: и, таким образом, ушло в огромные леса, направляясь на север. Оно поделилось на две части: одни пошли через дикую тайгу, полную зверей, другие — вдоль Абакана, к широким степям, где сегодня находится Таштып.

В самом конце племени шёл вождь со своей женой. Остановившись на берегу бурного Абакана, супруги начали так сильно горевать об утраченной родине, что Бог сжалился над ними и превратил их в каменные статуи. И это они до сегодняшнего дня стоят у входа на родину, заговорённые в каменные тела, ожидая мгновения возвращения на свою землю».

С какого времени происходят каменные фигуры, стоящие у

Абакана, не знаю, видел, однако, очень похожие памятники в развалинах Карокорума, изуродованные всё же руками ламаистских духовных. Слышал я также интересное повествование об озере Тэри-нур, на котором я находился какое-то время. Не только туземцы с Урянхая, но и российские колонисты говорят, что это озеро, волнуясь, выбрасывает на берег человеческие кости, обломки досок и брёвен. Говорят также, что связано оно с морем, доказательством чего мог быть тот факт, что часто воды озера выбрасывают на песок неизвестные в Урянхае виды рыб. Озеро это волнуется внезапно, без всяких видимых для глаза причин, и поэтому становится понятно, почему туземцы охвачены суеверным страхом. Рассказывали мне также об одном очень интересном окаменелом плоте, находящемся на одной из вершин Гор Танну-Ола. Плот этот, имеющий поверхность в несколько десятков квадратных метров, построен из могучих древесных стволов, вид которых неизвестен в окрестностях Урянхая и Монголии. Стволы эти, как и потребные средства для связи плота, совершенно окаменели. Я лично никогда не видел этот окаменевший плот, но российские охотники и сойоты говорили мне о его существовании, как о вещи совершенно реальной, тоном, не допускающим сомнений.

В Минусинской тайге, на полянах, встречал я высокие курганы, а также места, вид которых свидетельствовал, что очень давно были они местом пребывания людей. На вершине одной горы нашёл я кварцевую прямоугольную плиту, которая на верхней поверхности имела вырубленное закругление в форме ванны. Заинтересованный этим открытием, я добросовестно обшарил окрестность упомянутой горы. Об этом открытии я рассказал моим лесным товарищам, которые также со своей стороны указали мне несколько мест, где во время своих охотничьих вылазок находили подобные камни, бывшие, по их мнению, очень старыми жертвенными алтарями каких-то неизвестных нам народов из давно минувшего прошлого.

Неоднократно в этом путешествии видел я старые могилы. Одна была окружена камнями в форме круга, другие же были прямоугольными или квадратными. Иногда камни в таком круге были уложены, как если бы это был какой-то непонятный план города или местности.

Улачены ручались, что никто не может безнаказанно раскапывать эти могилы, потому что духи мстят за это ужасно[18].

Один из монгольских князей рассказывал, что тяжёлую болезнь навлекли на него два жаждущих богатств монгола, которые, забравшись в старую пещеру, представляющую собой, согласно легенде, могилу какого-то великолепного хана,

повытаскивали оттуда диковинные кости и плиты. Ламы, однако, обнаружили виновных, и после немедленного суда, совершённым над неуполномоченными археологами, князю вернулось здоровье.

Благодаря опеке Ачиту-вана, мой поход, неимоверно быстрый, имел ту добрую сторону, что давали мне в уртонах самых лучших коней, а также угождали на каждом шагу.

Прибыв на место весеннего кочевья князя, я гостил у него в течение двух дней. С сожалением покидал я резиденцию Ачиту-Вана, который вместе с семьёй оказывал мне много доброжелательности.

Дальнейшую дорогу я совершал не уртонам, а ургой, от табуна к табуну. Эта поездка позволила мне изучить окрестность с точки зрения наличия минералов, а также охотиться на дзеренов и волков.

Миновав большие озёра Хара-нур и Цаган-нур, ехал я местностью, изборождённой невысокими горами.

Улясутай, цель моей поездки, был всё ближе, и потому с нетерпением погонял я коня, чтобы спокойно отдохнуть после 600 км дороги.

Проезжая около речек и озёр, видел я стаи диких гусей и различных птиц, часто тоже я убивал неизвестные мне виды водоплавающих и голенастых птиц.

Птицы, не распугиваемые монголами, приближались к нам на такое расстояние, что я мог в них стрелять из пистолета браунинга.

XIV. В УЛЯСУТАЕ

Вскоре степь закончилась огромной котловиной, обрамлённой скалистыми взгорьями. Серединой котловины вилась серебряная лента небольшой, быстрой речки Богдын-гол, создавая кое-где болотистые лужи. Тут же под скалами показались длинные глиняные домики, а также небольшие квадраты возделываемых полей. Были это усадьбы китайских огородников, которые на каменистом неурожайном грунте раскидали толстый, в несколько десятков сантиметров, слой земли и компоста, получив таким образом поля, родящие прекрасные экземпляры овощей.

Наконец за поворотом показались высокие тёмные стены строений и, спустя несколько минут, я проехал через оригинальные ворота города, а после езды по длинной улице, застроенной рядами невысоких домиков, остановился перед воротами, над которыми трепетала на ветру жёлтая шёлковая хоругвь с вышитой на ней серебряной аббревиатурой OUKO (Отдельный Урянхайский Конный Отряд).

Это была главная квартира штаба командующего гарнизона.

Принял меня невысокий широкоплечий мужчина средних лет, в казачьем мундире, с эполетами рядового. Был это атаман Казанцев, назначенный генералом Унгерном главнокомандующим над всеми отрядами, формирующимися на территории Улясутая и Западной Монголии. Я отдал ему удостоверяющие письма, а также рапорты, после чего атаман принялся у меня выпытывать о взаимоотношениях в Улангоме и Урянхае. Во время разговора подошёл атаман Урянхайских казачьих войск, инженер Серпас, и с немалым удивлением я узнал о плане захвата Урянхая с помощью отряда, состоящего из 500 человек.

Напрасно я указывал на численное преимущество большевистских войск, напрасно свидетельствовал об изменении симпатий сойотов, которые подкуплены большевистскими комиссарам и теперь враждебно относятся к белогвардейцам — атаман Серпас утверждал, что Урянхай захватит без выстрела, «потому что всё население, при известии о вступлении его войск в границы Урянхая, поднимется с оружием в руках и выбросит большевиков».

В предназначенной мне квартире познакомился я вскоре почти со всем офицерским составом, а также узнал о событиях Улясутая последних недель.

Как во всех больших поселениях, так и в Улясутае,

останавливались бегущие из России белогвардейцы, ожидающие возможности возвращения на родину или при представившейся возможности убегающие далее через Ургу в Китай.

Китайские губернаторы смотрели на это вначале сквозь пальцы, позднее, однако, начали преследовать беглецов, сажать в тюрьмы и даже исподтишка убивать. Посвящённые люди говорили, что причиной этого должен быть тайный договор, заключённый между большевистскими шпиками (которыми кишела Монголия) и китайскими властями.

Неожиданно пробежала по степям весть, что российский генерал, барон Унгерн, захватывая Ургу, дал уже первый бой под столицей, но был отброшен китайскими войсками. Одновременно с получением этого известия, Улясутайский губернатор мобилизовал кулисов[19], а также издал распоряжение, запрещающее хождение через границы с Монголией.

Не привыкшие к дисциплине кулисы, под командованием гаминов[20], нападали на маленькие поселения российских колонистов, а также на монгольские караваны, грабили их, а монголов, схваченных с караванами, истязали варварским способом.

Ситуация в Улясутае становилась угрожающей, потому что со дня на день ожидались погромы европейцев пьяными бандами кулисов; россияне вооружались втайне, устанавливали ночные дежурства, пока внезапно не пришла весть, что Ургу захватили российские и монгольские войска. Монголия стала независимым государством, а остатки разбитых китайских войск бегут из столицы в Калган.

Вид Улясутая изменился как по мановению волшебной палочки. Спесивые кулисы исчезли с улиц, а неприступные до сих пор китайские чиновники старались всяческим возможным способом наладить отношения с комендантом только что сформированного российского отряда, полковником Михайловым, который сразу же после взятия власти, приказал арестовать нескольких колонистов, подозреваемых в шпионаже в пользу Советов, а также подписал приговор смерти для нескольких бандитов, которые убили семью старого колониста с Тэсин-гола.

Китайский губернатор решил покинуть Улясутайскую крепость со своей свитой, и намерение это было одобрено Монгольским Наместником сайтом Чултун-Бейлги, а также несколькими особами из иностранной колонии, между прочим, и профессором Оссендовским, который в это время пребывал в Улясутае.

Однако же несколько молодых торговых помощников,

россиян, вместе с монгольскими пастухами увели табуны коней, и только после долгих переговоров китайцы согласились уехать, имея гарантию безопасности от представителя монгольской власти в Улясутае. К сожалению, банда Михайлова не отнеслась с почтением к обещаниям сайта Чултун-Бейлги и напала на отъезжающего губернатора у развалин Эбуген-хурэ (6 км от Улясутая), ограбив его караван, а также убив нескольких людей из свиты. Этот поступок вызвал сильное напряжение отношений между Михайловым и Монгольским Наместником, на сторону которого встали все самые значительные колонисты и беглецы. В довершение плохого начала в Улясутай приехал полковник Доможиров, посланный из Урги генералом Унгерном с целью установления отношений с генералом Бакичем в Джунгарии. Доможиров не только не выполнил своего задания, но с горсткой своих солдат начал нападать на китайские дугуны[21] и накладывать на них контрибуцию.

Почти в то же самое время из Хангельцика прибыли четверо братьев Филипповых и полковник Полетика, привезя с собой множество документов и планов «офицерской белогвардейской организации в Сибири»[22]22, и начали собственноручно организовывать штаб и партизанский отряд.

В результате солдаты не знали, кого должны слушать, а полковники, вместо того, чтобы беспокоиться о дисциплине, беспокоились о власти. В городе воцарилась полная анархия, начали шириться грабежи, и только приезд атамана Казанцева положил конец всему этому.

Полковники Михайлов, Полетика, а также Филиппов, не желая подчиняться распоряжениям нового начальника, выехали в Заин-Шаба, а часть чужеземцев разъехалась в разные стороны. Доможиров был отозван в Ургу, где Унгерн приказал вначале расстрелять его, но заменил смертное наказание понижением в офицерском звании и переводом в строевые части, что в кавалерийской азиатской дивизии было равносильно бесчестью.

Во время моего приезда в Улясутай, в гарнизоне уже воцарилась дисциплина, осуществляемая суровой рукой Казанцева, отряд был поделён на эскадроны, его разместили в бараках, откуда он после Пасхи должен был выдвинуться в Самгалатай, расположенный на границе с Урянхаем, и начать военные действия.

Ежедневно проходили военные учения, пригоняли коней экипировали отряды, высылали караваны верблюдов с провиантом, амуницией и мануфактурой в сторону Тэсин-гол, где собирались заложить интендантскую базу для войск, собирающихся действовать на территории Урянхая.

Я был направлен в помощь атаману Серпасу, который должен был управлять администрацией Западной Монголии, а в случае победы — и Урянхаем.

Атаман Казанцев подготовился к выезду в Кобдо в целях соглашения с есаулом Кайгородовым, что касалось планов нападения на Кош-Агач, а затем должен был ехать в Улангом и на Джедан, чтобы лично разговаривать с Хун-нойоном в отношении вероятной мобилизации сойотов и их участия в войне с большевиками.

XV. КРЕПОСТЬ И ГОРОД

Имея много свободного времени, я устраивал прогулки по городу и его окрестностям, желая получше узнать этот оригинальный город, один из трёх, какими обладает Монголия.

Улясутай состоит, собственно, из двух отдельных частей: крепости и маймачена. Крепость расположена почти на слиянии речек Чингисту-гол и Богдын-гол и занимает довольно большое пространство, окружённое высоким двухрядным палисадом, заполненным посередине землёй. Через широкие ворота входят на огромное плоское пространство, уставленное большим количеством глиняных домиков, стоящих в совершеннейшем беспорядке. Нет между ними правильно установленных улиц или площадей, домик стоит около домика, порой так близко, что трудно между ними протиснуться. С южной стороны ворот находятся две широкие улицы, около которых группируются, главным образом, правительственные строения: казармы, дом губернатора (дзян-дзюня), ямын, или так называемый административный совет, дома дзурганов[23], суд и т. д. Эти дома, построены, в основном, из глины, в китайском стиле, таким образом, что подворье окружает высокая стена, за которой находятся длинные дома для прислуги и свиты, потом входят на другое подворье, снова окружённое стеной, и тут только находится дом чиновника.

Несколько храмов находятся в крепости, однако по отношению к монгольским являются они очень убогими и имеют в своих внутренних помещениях по два или три божества. Наиболее старым из них является храм Гуан-ди, в подворье которого находились магазины и склады оружия. При храмах нет монастырей, а буддийские ламы периодически приезжают из степей отправлять богослужения и приносить жертвы.

Точное обозначение даты закладки Улясутая является весьма трудной задачей, однако с полной уверенностью можно утверждать, что произошло это в начале XVIII века во времена войн Маньчжуров и Монголов с Олётами, потому что именно в это время маньчжуры построили в Монголии ряд крепостей на пограничье Джунгарии и внутри страны. Согласно монгольских преданий, Улясутайская крепость находилась в начале реки Тамир, что подтверждает хроника Эрденин-эрихэ, в которой под датой 1759 г. записан приказ Маньчжурского Дома о перенесении крепости Улясутай с Тамира на реку Улясутай[24] (настоящее название Богдын-гол).

Крепость Улясутая была резиденцией дзян-дзюна,

главнокомандующего вооружёнными силами, борющимися с западными монголами.

Во второй половине XVIII века, когда в Монголии стихли военные события, значительная часть войск была отправлена в Китай, и тогда военная власть главнокомандующего ослабла до минимума. Улясутайский дзян-дзюн был назначен Китайским Наместником Халхи, а также административным начальником двух западных аймаков: Саин-Нойон-хана и Джасакту-хана; восточными аймаками: Цецен-хана и Тушету-хана — управляли с 1786 г. амбани (наместники), проживающие в Урге. Улясутайский амбань осуществлял свою власть при помощи сойотов и дарг (руководители сеймов) аймачных. Как административный центр всей Халхи, Улясутай играл важную роль до 1911 г., то есть до момента отделения северной Монголии от Китая и перенесения всей администрации в Ургу.

До 1921 г. Улясутайская крепость была только резиденцией амбаня, правящего двумя западными аймаками, но уже только под руководством Урги.

В отдалении почти полутора километров от крепости растянулся торговый город, состоящий из кварталов: китайского, европейского и монгольского. Трудно, собственно говоря, разделить первые два квартала, потому что и в одном, и в другом живут как китайцы, так и европейцы, однако же в китайском маймачене находятся всего несколько домов колонистов, остальная же их часть группируется на длинной улице, снабжённой с двух противоположных сторон воротами. Несколько достаточно широких улочек пересекаются в городе, предоставляя возможность относительно хорошего сообщения. Российские торговые дома вели, главным образом, операции оптовой торговли, покупая у монголов коней, крупный рогатый скот, баранов, овечью и верблюжью шерсть и шкуры, отсылая или же через Кобдо до Бийска, или же через Кяхту в Иркутск. Очень маленький процент российских закупов направлялся караванной дорогой через Калган до Тенсина, из этого направления извлекали пользу, главным образом, большие китайские торговые фирмы.

К отлично преуспевающим российским фирмам причисляют: Центро-Союз, Швецов, Будунова и многие другие, а к ним еще и американскую фирму, представителем которой был поляк, и. Станислав Блонский.

Всё имущество Центросоюза, оцениваемое во много сотен тысяч лай серебра, в товарах и сырье, было конфисковано перед моим прибытием в Улясутай Казанцевым в пользу формирующихся противобольшевистских отрядов.

Об интеллектуальной жизни трудно говорить. Колонисты были представлены, главным образом, купцами, желающими как можно быстрее сделать состояние и единственной целью которых были хорошие торговые сделки. Почта и телеграф, прежде функционирующие относительно хорошо, перестали действовать с момента начала российской революции, лишая колонистов газет, книг и даже известий о семьях, оставленных в России. Большой наплыв беглецов ничуть не повысил уровень культурной жизни в колонии, потому что были это «странствующие птицы», разочарованные в жизни тяжёлыми переживаниями и порой морально свихнувшиеся. Общее число проживающих в Улясутае россиян не достигало и сотни.

Китайская колония, насчитывающая около 3000 человек, размещалась в нескольких сотнях домиков и представляла собой наиразнороднейшие общественные прослойки «Серединного государства». Неимоверно богатые Калганские, Пекинские и Ургинские фирмы имели здесь своих представителей, ведущих торговлю при помощи целого штаба отлично выдрессированных помощников, всегда услужливых, терпеливых и улыбающихся.

Владельцы магазинов или их уполномоченные, представляющие определённый вид купеческой аристократии, ходили одетыми в длинные чёрные шёлковые халаты, неимоверно холили длинные ногти на руках, занимаясь только проверкой торговых книг и приёмом гостей, их помощники с утра до ночи сидели в магазинах или ездили по степям, продавая товар в юртах или собирая среди монголов долги. Другую касту образовывали: лекари-аптекари, посредники и т. п., и каждый из них имел на дверях своего дома красные полосы бумаги с написанными на них философскими сентенциями (изречениями). Трудно было, однако, сравнивать с нашими специалистами, так как китайский лекарь был сразу и астрологом, и аптекарем, и пиротехником, а среди лекарств имел сушёные сердца орлов, а рядом с разными пилюлями — амулеты.

Отдельную касту образовывали ремесленники: ювелиры, портные, столяры и т. п. Затем следовали огородники, мельники и, наконец, обычные работники, кули, гнездящиеся просто в неимоверном количестве в маленьких нищих домиках, питаясь чем попало, довольствуясь даже самым малым заработком.

Дома китайских торговых фирм и купцов находятся обычно внутри подворья, окружённого глиняной стеной или высоким частоколом, в то же время магазины, торгующие в розницу, имеют вход с улицы, украшенный длинными вывесками, на которых золотыми или чёрными иероглифами написано имя купца и разные приветствия. Внутренность магазина

загромождена полками с товаром, а на застеклённых витринах находятся более ценные вещи или предметы роскоши. Почти в каждом магазине есть кан, на котором стоит невысокий столик, а перед ним на треноге с углями — чайник с чаем. Именно здесь купец принимает «хорошего» гостя, угощая его чаем с пирожными и трубкой. Из магазина попадаешь в жилище главного приказчика, устроенное очень скромно. В отдельных постройках внутри подворья находятся склады, кухни и квартиры для младших помощников, а далее — домик хозяина фирмы или его уполномоченного. Жилище это состоит обычно из нескольких комнат, устроенных в китайском стиле, наполненных циновками, ширмочками и лакированной мебелью. Очень часто встречается в этих жилищах огромное количество часов различной величины и формы, причём почти каждые из часов показывают разное время.

Кроме магазинов Улясутай обладает несколькими закусочными (специально для кули), двумя маленькими кумирнями, из которых одна была уничтожена в 1921 году, и несколькими шерстомойками.

Монгольский квартал, так называемый кашан, занимает небольшое пространство, очень плотно заставленное юртами. Байшин (так монголы называют глиняные или каменные дома) здесь нет вообще. Кашан населяют, главным образом, монголки, занимающиеся проституцией, не считающейся в Монголии чем-то позорным. Живут они обычно очень хорошо, потому что главными гостями здесь являются китайцы, которые приезжают в Монголию без жён. Очень часто жительница Кашарни, собрав себе приданое, хорошо выходит замуж, часто становится многолетней спутницей какого-либо китайского купца и поселяется в его доме. Общее число жителей этого квартала не превышает 400 человек.

О гигиене, очистке улиц и т. п. европейских выдумках Улясутай не имел понятия, здесь все отбросы выбрасывали на улицу, и очень часто можно было увидеть монголов обоего пола, выполняющих свои физиологические потребности прямо на улице, сидя на корточках, причём сопровождающие его или её, спокойно разговаривая с данной особой, ожидали конца «процедуры».

Поэтому принудительная очистка и полив улиц, сжигание отходов, вводимые Казанцевым, вызывали сначала огромное удивление и сильный протест.

Сущим бедствием города были бездомные псы, бродящие в большом количестве и жадно набрасывающиеся на каждый отброс.

В диком, мрачном распадке, отдалённом от Улясутая на три километра, находилось монгольское кладбище, куда вывозили

трупы умерших из города. В скальных расщелинах, окружающих кладбище, ютились сотни полудиких собак, исполняющих роль могильщиков. Проезжать вечером в окрестностях этого места было в самом деле небезопасным, потому что голодные звери бросались на коней, рассказывали также о съедении или нескольких человек, неосторожно держащих путь в город мимо ущелья.

XVI. АВТОМОБИЛЕМ ДО САМГАЛТАЙ-ХУРЭ

Спустя пять дней после отъезда атамана Казанцева, к нам приехал на автомобиле из Аршана один колонист, а двумя днями позже, этим самым автомобилем атаман Серпас, в сопровождении колонистов и меня, двинулся в поездку в Самгалатай-хурэ, чтобы начать переговоры с монгольскими князьями.

Дорогой мы держались направления, указанного нам хорошим знакомым атамана, Волковым, у которого мы провели первую ночь нашего путешествия. Однако, несмотря на большую осторожность, мы попали в такие глубокие сыпучие пески, что не в состоянии были вчетвером вытащить машину, которая всё более погружалась в песчаную топь. Только пришедшие на помощь монголы, использовав верёвки, запрягли своих сарлыков и вытащили автомобиль из песка, как игрушку. Не желая ещё раз подвергаться подобному приключению, мы взяли с собой нескольких монголов с сарлыками, которые тянули нас через всё песчаное пространство.

Проезжая через речку, текущую среди песков, заметил я новый для меня вид гусей, которые устраивают свои гнёзда на деревьях и там кладут яйца. После выведения птенцов, мать каждое утро берёт в клюв своих малышей и летит с ними к воде, вечером таким же образом поочерёдно относит их обратно в гнездо.

После пересечения песков мы ехали быстро по ровной, укатанной дороге. Доехав до первого уртона, мы стали свидетелями забавного приключения, произошедшего с местными монголами, которые при виде автомобиля вскочили на коней и помчались в степь.

В покинутых обитателями юртах нашли мы только одну старую, похожую на ведьму монголку, которая при виде автомобиля упала на землю, крича так, как будто с неё живьём сдирали кожу.

Не раздумывая долго, сели мы в машину и начали погоню за монголами в степи. Догнав одного из них, мы застрелили его коня, а наездника силой затащили в автомобиль. Монгол вначале сопротивлялся и кричал, однако вскоре освоился со своим положением, и езда на машине понравилась ему неимоверно. Высыпавшие из юрт женщины и дети погладывали на нас очень недоверчиво, вскоре, однако, ободрённые смелостью своих мужей и отцов, всё более назойливым образом они начали проявлять

свою заинтересованность нашей машиной. Чтобы удержать их от обычной бесцеремонности, Ерин нажал на сигнальный рожок, что произвело просто изумительный эффект.

Окружающая нас толпа в панической тревоге бросилась с криком бежать, толкая друг друга и падая.

Выбрались мы из уртона около четырёх часов пополудни. Доехав до следующих песков, мы должны были ждать помощи монголов, которые ещё не подъехали. Чтобы убить время, мы с атаманом пошли охотиться на диких гусей.

Вечером приехали монголы с сарлыками, и по истечению часа мы снова были на твёрдой дороге.

В следующем уртоне мы встретили транспорт с запасом бензина для нашего автомобиля. Бензин перевозился на так называемых арбах, или двухколёсных повозках, до Хангельцика и Цаган-тологоя. Признаюсь, я опасался, что топливо, доставляемое на таких примитивно сделанных средствах передвижения, какими являются арбы, не доедет до места предназначения.

Монгольские князья используют для путешествия паланкин (носилки). Является это также двухколёсным экипажем, но колёса его обтянуты резиной, оси же железные и очень широкие. Внутри паланкин обит шёлком, а снаружи покрашен краской, которая соответствует рангу его хозяина, таким образом, хан имеет жёлтую, а князь красную окраску паланкина.

Торжественные путешествия князей совершаются в Монголии очень помпезно. Впереди едут слуги в парадных костюмах, ведя за собой коней, навьюченных запасами продовольствия. На протяжении нескольких километров двигается князь в окружении двора и чиновников хошуна, за ними же княгиня, княжны и дамы двора. Личная охрана, вооружённая карабинами и саблями, замыкает шествие.

Такой кортеж выглядит очень живописно с точки зрения богатства костюмов участников шествия, а также неимоверного числа серебряных украшений, которыми монголы украшают своих коней. Из уртона мы выехали около 9 часов утра. По дороге проезжали мы мимо сотен табунов коней и овец, а также стад антилоп и стай дроф.

В степи я также видел трещину, оставшуюся после землетрясения в 1904 г. Трещина эта имела ширину в две сажени, глубина её в некоторых местах достигала нескольких сажен. Эта трещина пересекает степь на протяжении 500 км и проходит по дну озера, которое во время землетрясения совершенно исчезло с поверхности.

Вскоре мы уже были в уртоне Дзур, расположенном на реке Тэс, которая является естественной границей между Урянхаем и

Монголией. Это большая и быстрая река. Около уртона Дзур Тэс имеет три ответвления, которые, разливаясь по равнине, создают пруды, заселённые бесчисленным количеством болотной дичи. Мне удалось добыть нескольких птиц, названия которых никто из сопутствующих мне особ не сумел определить. После приготовления птиц на костре, я убедился, что были они значительно белее вкусными, чем бекасы.

На следующий день утром, при помощи нескольких верблюдов и коней, мы переправили наш автомобиль на другой берег реки. После приведения машины в порядок, мы двинулись дальше и перед закатом солнца были уже в Цаган-тологое. Здесь на берегу Тэс расположилась лагерем вся наша интендатура.

Солдаты жили в палатках и одолженных в соседних уртонах юртах. Местные сойоты, в противоположность монголам, относились к европейцам очень недоброжелательно. Чтобы предупредить постоянные насилия и грабежи, был взят в плен князь местного хошуна, и его держали как заложника.

Первая часть дороги, рядом с расположением интендантского лагеря, оказалась такой небезопасной и трудной для преодоления, что должны мы были взять с собой нескольких солдат для починки тракта.

Преодолев самые опасные места, мы выехали в гладкую и ровную степь и вскоре были уже в уртоне Дзиндзилик, расположенном на реке Ишун, представляющий собой приток Тэс.

После счастливой переправы на другой берег этой небольшой, но глубокой и быстрой реки, направились мы в сторону Самгалтая.

Сразу за рекой мы встретили солдат, посланных поручиком Поползухиным; они должны были указать нам дорогу к лагерю.

Отряд расположился лагерем в котловине, по которой текла речка. При въезде в лагерь нас приветствовал весь офицерский штаб во главе с поручиком Поползухиным, солдаты же взяли на караул. Атаман сразу по прибытию удалился на отдых, я же целую ночь проболтал в обществе офицеров. Из этих разговоров я сумел сделать вывод, что офицеры не очень доверяли своему командиру поручику Поползухину и ставили ему в вину, что, несмотря на близкое соседство большевиков, он не рассылал патрули для наблюдения за окрестностью.

Говорили мне также, что несколькими днями раньше, выстрелы караульных вспугнули двух неизвестных наездников, подкрадывающихся ночью к лагерю. Следы подков доказывали, что это могли быть большевики, потому что сойоты и монголы не подковывают коней. Поручик Поползухин, когда ему было доложено об этом, не позволил обследовать следы и перенёс все

действия на дневное время. Офицеры просили, чтобы я обо всех этих нюансах проинформировал атамана.

Назавтра утром из Самгалтая приехало наивысшее духовное лицо Урянхая, местный да-лама, который провёл несколько часов в конфиденциальной беседе с атаманом.

Рассказав о просьбе офицеров, посвятил я атамана в отношения, господствующие в лагере, добавив от себя, что такое поведение командира свидетельствует или о предательстве, или в лучшем случае о совершенном незнании военной тактики. Атаман обещал выяснить это дело после возвращения из Самгалтая, куда он собирался на следующий день.

Назавтра утром я сидел с атаманом за завтраком. Вскоре мы должны были ехать в Самгалтай, и атаман торопил меня, чтобы я быстрей заканчивал сборы. Лагерь был пустой, потому что пехота под командованием Поползухина вышла на учения, казаки же были заняты заготовкой жердей на загон для лошадей. Внезапно поблизости раздались несколько выстрелов. Я схватился за оружие, но колонист Я. успокоил меня, говоря, что это пехота стреляет в мишени.

Однако в ту же самую минуту новый звук выстрела разорвал воздух. Несколько пуль со свистом пролетели над лагерем, прошив верх нашей юрты.

Теперь уже не было сомнений в причине выстрелов. Это большевики атаковали лагерь.

Казаки, добежав до лагеря, схватили оружие и, рассыпавшись в стрелковую цепь, начали палить по врагу. Большевики многократно бросались в атаку, но после каждого раза, натыкаясь на бесстрашны отпор, были вынуждены отступать.

Несмотря на храбрость солдат, нам всё же угрожала огромная опасность: не хватало патронов.

Не размышляя долго, атаман решил тотчас же ехать на автомобиле, вместе со мной, на склады на реке Ирсун за помощью и амуницией. Я. вёл машину. Несмотря на то, что дорога шла по холмистой местности, большевики заметили автомобиль и засыпали нас градом пуль, ранив атамана в ногу. В неполный получас мы были уже у реки. Здесь первому встречному монголу мы поручили найти коней, однако когда по истечению некоторого времени не было видно ни монгола, ни коней, атаман приказал переехать реку на автомобиле. К сожалению, на середине переправы вода залила двигатель — автомобиль вздрогнул несколько раз и застыл на месте. Мы не знали, что делать. Нужно было брести пешком по воде, которая доходила до пояса. После достижения другого берега, побежали мы что было сил к уртону, находящемуся от брода в 5 верстах.

Вскоре после этого к нашему лагерю выехали 90 вооружённых людей под командованием есаула Смирнова, везя с собой ящики с патронами.

Атаман остался в уртоне, я же с Я. отправился к реке, чтобы при помощи конных сойотов вытянуть автомобиль из воды. Это далось нам нелегко, потому что сойоты вначале отказались помогать, и только в результате угрозы применить револьвер, автомобиль оказался на противоположном берегу. После выемки и разборки вымокшего в воде магнето, оставили мы автомобиль под охраной помощника, сами же вернулись в уртон за бензином.

В уртоне застали мы нескольких уже раненых солдат, от которых узнали, что большевики заняли лагерь, а остатки нашего отряда отступили на реку Тэс.

Следовательно, мы тотчас же решили упаковать все находящиеся на интендантских складах запасы и вывести их в Цаган-тологой.

Для перевозки багажа должны мы были применить силу при реквизиции сарлыков и коней, потому что сойоты не хотели отдавать их добровольно. Запасшись бензином, пошёл я с Я. к оставленной нами машине, но здесь, к нашему удивлению, не нашли мы оставленного помощника, а вместе с ним исчезло и магнето. По истечению часа появился помощник, неся эту необходимую часть машины, но она оказалась негодна к употреблению, потому что помощник, убегая, потерял некоторые её части.

Чтобы спасти автомобиль, мы решили ехать в Цаган-тологой за магнето с грузового автомобиля. Мы приехали туда ночью, но не застали уже никого, потому что по приказу атамана оттуда вывезли всё, что удалось, в уртон Дзур. После короткого отдыха двинулись мы, следовательно, дальше в сопровождении нескольких казаков, которые сумели убежать из занятого большевиками лагеря. Из рассказов этих казаков узнали мы, что с нашей стороны полегло очень много солдат и офицеров. Некоторые из них, тяжело раненные, застрелились сами из опасения перед большевистским пленом. Что произошло с Поползухиным и пехотой, никто не знал.

Дорогой до уртона Дзур мы встретили отряд вооружённых сойотов под командованием нескольких россиян. Этот отряд хотел взять нас в плен, однако, благодаря ручному пулемёту, мы отразили атаку. Из найденных при убитых документов мы узнали, что россияне, ведущие отряд, имели задание поднимать восстания среди сойотов и натравливать их против монголов и российских колонистов.

В Дзуре мы застали атамана и 80 солдат из лагеря с 22

ранеными; их отослали на верблюдах в Улясутай.

В чащах, окружающих лагерь, находилось много раненых солдат, которые были подвергнуты опасности быть добитыми от рук сойотов. Таким образом, на скорую руку мы организовали экспедицию, состоящую из 20 человек, и, взяв с собой запасных лошадей, двинулись назад, в сторону Дзиндзилика, держась левого берега реки Тэс. Атаман с остатками здоровых солдат отправился в Хангельцик, где мы должны были встретиться после окончания похода. Не утрачивая надежды, что нам удастся ещё привести автомобиль в порядок, мы взяли с собой отремонтированное магнето.

XVII. ПОСЛЕ ПЕРВОЙ СТЫЧКИ

Мы ехали, придерживаясь прибрежных ив, в которых можно было легко спрятаться. Копыта коней обвязали тряпками, чтобы не оставалось следов, наконец, после пересечения реки вплавь, мы подошли с сохранением всяческих предосторожностей к лагерю.

Страшный вид предстал нашим глазам.

Место, где раньше стояли палатки, покрывали теперь горы углей и пепла.

Среди пожарища и руин лежали человеческие тела, полностью лишённые одежды. При слабом свете подслеповатого фонаря мы осмотрели трупы, желая убедиться, кто же из знакомых был убит, но лица и тела убитых были так изуродованы, что очень трудно было кого-то распознать.

Головы некоторых жертв были форменным образом размозжены ударами приклада или рассечены саблей. Большая часть трупов имели на ногах вырезанные куски кожи в виде казачьих лампасов. Судя по многочисленным следам запёкшейся крови, пришли мы к убеждению, что таким образом пытали живых людей, потому что на трупах, поражённых в сердце или в голову, не было видно следов издевательств.

При входе на лагерную стоянку, вспугнули мы нескольких волков, для которых, воистину, королевское приготовили здесь пиршество.

Наши казаки, при виде так омерзительно изуродованных и обесчещенных тел товарищей, поклялись отомстить большевикам и их предводителям.

После выкапывания временной могилы и погребения убитых, которых было 42, отправились мы в обратную дорогу, скрываясь, как и прежде, в ивняке, густо покрывающем берег реки. Неожиданно в нескольких местах одновременно вырвались столбы дыма. Это сойоты, выследив наш отряд, таким способом дали сигнал большевикам о нашем местонахождении.

Когда мы уже переплыли на левый берег реки, заметили нескольких всадников, мчавшихся со стороны сойотских юрт, одновременно же из леса, находящегося в трёх километрах от Тэс, выдвинулась горстка кавалеристов. Это были большевики. Наше положение становилось критическим. Большевики, разделившись на две группы, приближались к реке полукольцом. Воспользовавшись густыми прибрежными зарослями и резким поворотом реки, мы переплыли островок, густые кустарники которого прекрасно скрывали нас от противника. В момент, когда

большевики переправлялись на левый берег Тэсы, намереваясь, по-видимому, начать там поиски, наша группка, не имея ни одной лишней минуты, покинула островок и, переплыв на правый берег Тэсы, начала быстро удаляться от реки, скрываясь, по мере возможности, за неровностями холмистой местности. Внезапно до наших ушей донёсся топот коня, и в тот же самый момент один из казаков, стоящих на карауле, прискакал с рапортом, что несколько сойотов и двое россиян мчатся от брода к Самгалтаю. Это были наверняка курьеры, которых надо было перехватить любой ценой, чтобы узнать, зачем и к кому едут. Укрывшись в яре, мы позволили всадникам миновать нас, после чего все вместе вскочили на коней и пустились за ними в погоню. Почти все курьеры погибли от казачьих сабель, только одного сойота нам удалось взять в плен при помощи аркана.

Не имея ни одной лишней минуты, мы привязали пленника на запасном коне и изо всех сил помчались в сторону леса. Большевики, издалека заметив наше бегство, засыпали нас градом пуль, но из-за расстояния, разделяющего нас, и характера местности, эти пули не причинили никому вреда.

Переправившись через реку Ирсун, нашли мы тяжело раненного колониста Л., который принадлежал к почётной охране, сопровождавшей высокое духовное лицо да-ламу из лагеря в Самгалтай.

Дом, где Л. вместе с остальными охранниками занимал помещение после визита ламы, находился на тракте у места лагерной стоянки.

Ночью казаков разбудил топот коней и громкие разговоры, ведущиеся на русском языке, в которых собеседники называли друг друга «товарищами». Товарищи, видимо, были хорошо информированы о месте пребывания охраны, потому что они подъехали прямо к воротам дома. Тотчас же казаки засыпали непрошенных гостей градом пуль, так что часть нападавших упала на землю, часть же отступила с поля боя, крича:

— Товарищи, поедем к Пополузхину, к этим вернёмся позже.

Колонист Л., желая предостеречь лагерь от грозящей ему опасности, двинулся из Самгалтая в Дзиндзилик, где попал в руки большевиков, те издевались над ним бесчеловечным образом, после чего один из них выстрелил ему в голову, но не убил. Пуля прошла между челюстями, выбив несколько зубов. Когда Л. вышел из бессознательного состояния, какое-то время он шёл берегом Тэсы в сторону Цаган-толгоя, пока, наконец, не упал в обморок в том месте, где мы его нашли.

Проезжая рядом с местом, где недавно стоял наш автомобиль, мы нашли только кучу щебня. Огонь, пущенный

преступной рукой, по-видимому, вызвал взрыв бензобаков, потому что весь автомобиль был разрушен чудовищным образом.

В уртоне Дзур мы встретили поручика Иванова и нескольких солдат; все они были легко ранены. Поручик Иванов был непосредственным свидетелем начала большевистского нападения на лагерь. Его слова подтвердили наши предположения относительно поручика Поползухина, который оказался никчёмным предателем.

Уводя из лагеря пехоту, якобы для стрельбы по мишеням, Поползухин отлучился от солдат на довольно продолжительное время и, наконец, вернулся в сопровождении нескольких всадников. Подойдя к солдатам, он приказал отдать оружие пришедшим к ним товарищам. Удивлённые солдаты, видя на груди «товарищей» красные звёзды, не смогли в первое мгновение понять, что мог означать такой приказ их командира. Первым сориентировался поручик Иванов и коротко скомандовал: «Огонь!» Началась перестрелка, во время которой большая часть пехоты погибла. Поручик Иванов, вследствие большой потери крови, лишился сознания, а придя в себя, услышал слова Поползухина:

— Теперь, товарищи, ударим по лагерю, в котором нет никого, кроме Серпаса и его помощников!

Только в уртоне смогли мы посмотреть документы, найденные у одного из убитых нами большевиков.

Между прочими бумагами, был рапорт о бое под Дзиндзиликом, в котором большевики, признаваясь в серьёзных потерях, поднимают до небес заслуги своей «доблестной армии». Этот рапорт был адресован советскому уполномоченному в Урянхае, Сафьянову, подписан же был Филипповым, комиссаром Урянхайского партизанского революционного отряда. В других бумагах мы нашли планы нападения на Хангельцик, а также отчёт о мобилизации сойотов. Взятый в плен сойот вначале не хотел ни в чём признаваться, и только после применения репрессий выболтал всё, что знал. Был он, как оказалось, большевистским шпионом, находясь на службе у Поползухина. Узнали мы от него, что большевики потеряли много людей во время нападения на лагерь, но вывезли всех в Атамановку. Пленный выдал также план нападения на атамана Казанцева, который в настоящее время находился якобы на Джедане и вёл переговоры с Хун-нойоном. Шпиона повесили на берегу Тэсы, после чего мы направились в сторону Бельбулука.

Мы ехали по гористой, но чрезвычайно урожайной местности. Несмотря на раннюю весну, трава на пастбищах достигала коням до колен. Монголы живут здесь не порознь, а образуют целые

поселения, насчитывающие порой несколько сотен юрт. В котловинах пасутся бесчисленные стада баранов и сарлыков.

Принимали нас очень доброжелательно, особенно благодаря присутствию молодого Л., пользующегося среди монголов огромной симпатией. Спустя три дня мы были в Хангельцике, где уже застали атамана Серпаса, расквартированного в доме Центро-Союза.

Ожидая со дня на день нападения большевиков, провели мы время в строительстве укреплений на взгорьях и занимаясь соответствующими приготовлениями для встречи с врагом.

В один из этих дней неожиданно из Улангома появился верхом на коне посланец от атамана Казанцева с приказом о нашем выезде в Улясутай. Однако предварительно следовало убедиться, не занят ли уже город большевиками.

Посланец сообщил, что, несмотря на кажущуюся дружественность отношений с сойотами, однажды ночью на уснувший лагерь атамана напал (с грабительскими целями) отлично организованный сойотский отряд под командованием большевиков. В завязавшемся бою атаман потерял много материальных средств и нескольких людей, в том числе храброго Борха.

Превосходная организация всех такого рода рискованных предприятий, бесспорно, свидетельствовала, что в противобольшевистской партизанской армии, кроме Пополузхина, было ещё много других предателей, работающих на неприятеля.

Я попросил атамана Серпаса, чтобы он поручил мне миссию изучения безопасности дороги в Улясутай. Выезд мой всё же не состоялся, потому что в Хангельцик прибыл отряд чахаров, служащих в летучем дивизионе азиатской кавалерийской дивизии барона Унгерна. Отряд этот был послан в Улясутай в целях сбора информации о месте стоянки наших войск. От командира чахаров, молодого казака, мы узнали, что есаул Безродных находится в данный момент в Улясутае, а город этот охраняется монгольским дивизионом во главе с есаулом Вандаловым. Фальшивые слухи о занятии Улясутая большевиками сеяли какие-то неизвестные люди, видимо, с целью создания паники среди мобилизованных монголов.

XVIII. ВОЗВРАЩЕНИЕ В УЛЯСУТАЙ

Я выехал из Хангельцика в сопровождении чахаров и колониста Журавлёва, чтобы приготовить верблюдов и перекладных коней на уртонах.

Благодаря любезности князя-губернатора, мне удалось обеспечить проезд всему нашему отряду.

По истечении двух дней я был уже в Улясутае. На самом въезде в город узнал, что атаман Казанцев приехал из Кобдо и в данный момент пребывает у есаула Вандалова.

Лагерь монгольского дивизиона находился за речкой Улясутай. Посреди большой площадки стояла красивая лагерная юрта, перед которой несли охрану несколько монгольских солдат. Войдя в юрту, я увидел атамана Казанцева и сидящего рядом высокого бурята, одетого в шёлковый княжеский костюм с нашитыми на плечах эполетами со свастикой. На его груди было несколько российских орденов. Это был, как оказалось, есаул Вандалов. После представления меня есаулу, я отдал Казанцеву рапорт о моём путешествии, а также о стычке под Дзиндзиликом. Я обратил внимание на то, что Вандалов старательно записывал некоторые из рассказанных мною подробностей.

В Улясутае находилось много наших раненых, которых разместили в просторном доме под наблюдением сестёр милосердия.

Улясутай жил теперь под впечатлением тяжёлой руки полевого суда и непрерывных следствий.

Есаул Безродных раскрыл здесь большевистскую организацию.

Из бумаг, найденных во время обыска у одного из кладовщиков фирмы Швецова, следовало, что во главе заговора стоял колонист Бурдуков, который получал деньги и директивы от советского генерального штаба в Иркутске. Об энергичной деятельности большевистского центра свидетельствовал факт, что заговорщики обладали списком фамилий и словесным описанием всех офицеров и солдат, которые бежали из Советской России в Монголию. В обнаруженных бумагах находился также список коммунистических ячеек, разбросанных по всей Монголии.

Было решено выловить всех членов большевистской организации. Бурдуков, предчувствуя опасность, бежал вместе с семьёй в направлении западной границы.

Высланная за ним погоня констатировала, что ему удалось перейти границу в окрестностях Бикон-мурена.

Прибывших в это самое время в Хангельцик с отрядом

атамана Серпаса чиновников Центро-Союза также посадили в тюрьму. Во время обыска у всех арестованных были найдены коммунистические удостоверения, выданные Бурдуковым.

Следствие было проведено тайно, чтобы не вспугнуть заблаговременно оставшихся на свободе коммунистов. В это самое время прибыл из Урги знаменитый и нашумевший приказ № 15 барона Унгерна.

В этом приказе Унгерн доводил до сведения совокупность причин и направление организованного наступления против большевиков.

В одном из параграфов он приказывал расстреливать всех коммунистов и большевистских комиссаров, находящихся внутри границ Монголии или на территории действий отрядов своих войск. Одним из наиболее характерных пунктов был тот, в котором барон приказывал городские комендатуры в Монголии, а также военные интендатуры, передавать в руки поляков, если они находятся в занятых войсками барона местностях, и если они согласятся на принятие предложенных им функций.

Этот пункт, как я позднее узнал от самого Унгерна, составлен был профессором Оссендовским, который пребывал в ту пору в Урге и был очень хорошо принят бароном. Унгерн рассказывал мне, что зная, что профессор Оссендовский уже был в Тибете, хотел послать его с посольством к далай-ламе, но наш земляк не согласился на это и поехал в Китай, оставив после себя наилучшие воспоминания.

Приказ барона заканчивался заверением, что Азиатская кавалерийская дивизия будет биться с большевиками, чтобы освободить мир от коммунистической заразы.

В связи с вышеупомянутым приказом всех арестованных коммунистов уничтожили, двоих из них: бухгалтера Центросоюза из Улясутая и кладовщика фирмы Швецова — расстреляли как бывших солдат.

Атаманы формировали новые отряды, офицеры же были заняты обучением рекрутов. Я занимался изготовлением ручных гранат в специально отданном вы моё распоряжение домике, стоящем в стороне, тут же у реки.

После нескольких дней работы, в присутствии всего офицерского персонала, я устроил испытание изготовленных мной гранат, которое прошло отлично. Атаман, увлёкшийся достигнутыми мною результатами, дал мне несколько человек для помощи, поручив одновременно изготовление в кратчайший срок нескольких тысяч снарядов.

Однажды пришёл ко мне есаул Безродных с просьбой, чтобы я принял участие в торжественном приёме Джалханцы-гегена,

премьер-министра при дворе Богдо-гегена из Урги и главного советника двора далай-ламы из Тибетской Лхасы.

В день приёма сановника я освободил от работы всех солдат, сам же, одетый в праздничный наряд, направился в лагерь Вандалова. Городские улицы были подметены, дома украшены флагами национальных цветов. Сто кавалеристов верхом на лошадях ожидали гостя перед городскими воротами, а сто пехотинцев образовали шеренгу, тянущуюся вдоль всей улицы, до самой крепости, заселённой некогда китайским губернатором.

На подворье крепости собрался весь офицерский штаб во главе с атаманами, китайские и российские старосты, а также хошунные чиновники.

Около четырёх часов пополудни раздались оружейные залпы, возвещающие о приезде гостя; он приехал в автомобиле, подаренном ему бароном Унгерном, в следующем же автомобиле ехали личные писари Гегена. В воротах крепости произошла встреча сановника, после чего Геген направился в большое помещение, где должен был состояться банкет в его честь.

Во время церемонии представления Гегену всех офицеров, а также вручения подарков делегациями китайских купцов и российских колонистов, я с необычайным интересом наблюдал как самого сановника, так и окружающий его двор.

Министр, несмотря на шестидесятилетний возраст и совершенно седые волосы, производил впечатление молодого ещё человека. Это впечатление усиливали его движения, энергичные и решительные. Он был одет в жёлтый шёлковый тэрлик, украшенный вышитыми цветами. На не прикрытой ничем груди виднелась маленькая серебряная коробочка, в которой находились благословения от Хутухты и Далай-ламы. Красивые, аристократические руки Гегена были покрыты браслетами, а на безымянном пальце был виден огромный золотой перстень с рубином. Двор министра состоял, главным образом, из духовных лиц, одетых в жёлтые шёлковые тэрлики, а также высокие остроконечные шапки, завершающиеся цветными кистями. Лица их были серьёзны и сосредоточены.

Во время пира на первом месте сидел Геген, рядом же с ним два есаула, которые появились в княжеских костюмах, служащих им верхней одеждой. Далее сидели атаманы, за ними — офицерский штаб.

Пиршество, состоящее из великолепных блюд, поданных на прекрасных китайских сервизах, и запиваемых обильно вином и коньяками, продолжалось достаточно долго. Я заметил, что министр не пил ни водки, ни коньяка, развеселился он только при виде шампанского. На другой день после банкета Джалханцы-

геген, в окружении своего двора, осмотрел мою фабрику. Я продемонстрировал свои изделия перед достойным гостем, что ему неимоверно понравилось. С огромной заинтересованностью слушали духовные лица мою информацию, касающуюся технической стороны процесса изготовления гранат. При прощании министр подарил мне высокохудожественно выполненную из золота статуэтку Будды высотой около пяти сантиметров. От сопровождавших его князей я получил в подарок двух гобийских коней с сёдлами и чепраками (попонами). Так как местный обычай требует ответить взаимностью за подарки, я подарил одному из князей серебряную папиросницу, другому — пистолет системы Браунинг.

Джалханцы-геген пребывал в Улясутае несколько дней, проводя время, главным образом, на тайных совещаниях с атаманами. Затем выехал в Лхасу после прекрасного банкета, который устроили в его честь офицеры и китайские купцы.

На третий день после выезда Гегена, я получил от атамана Казанцева приказ о посвящении сотника Карапетова в процесс изготовления гранат, сам же был отдан в непосредственное распоряжение есаула Безродных.

Этот приказ очень меня обеспокоил, потому что последовал после моего разговора с Безродных, в котором тот же самый Безродных утверждал, что слышал якобы о моей службе в большевистской армии. Видимо, кто-то был заинтересован в моей погибели.

Мои приятели были неимоверно обеспокоены этим отъездом, так как знали уже тактику Безродных, который приговорённых к смерти отправлял якобы в Ургу и приказывал их расстреливать в нескольких километрах за городом, среди скальных расщелин.

Моё подозрение подтвердило известие, что с отрядом должен был выехать поручик С., уже в течение нескольких дней сидящий под арестом за служебный проступок.

В моих мыслях мелькали все страдания прошедшего года — тюрьма в Минусинске, тяжёлые условия жизни в тайге, бессонные ночи в седле во время боёв в Урянхае, наконец, полная приключений жизнь в Монголии, и многократно задавал себе вопрос, неужели столько страданий должно закончиться бездарно…

Или завистливая судьба не позволит мне уже никогда вернуться на свободную любимую родину?

В минуты сомнений я очень отчётливо слышал слова шамана из Урянхая: «Много времени проведёшь ты в седле, но вернёшься туда, где ждёт тебя успокоение».

Решил быть в путешествии очень осторожным и никогда не

оставлять у себя за спиной солдат есаула. К седлу привязал суму с гранатами, чтобы в случае предначертанного судьбой приговора убить себя и своих палачей.

Двухнедельное путешествие, в постоянном напряжении и ожидании смерти, разрушало мои силы, тем более, что, несмотря на то что Безродных относился ко мне с должным уважением, не удалось мне узнать у него, с какой целью меня везли в Ургу.

С другой стороны, я был доволен этим путешествием, которое бросало меня на 1200 км восточнее, откуда можно было добраться до Китая или до Японии, где уже были польские консульства.

XIX. ТРАКТОМ УЛЯСУТАЙ — УРГА (ДА-ХУРЭ)

Весна 1921 года, находясь во всей полноте изобилия и зелени, сменилась изумрудом в лучах солнца, когда добрые кони несли нас через широкую степь, расположенную на юге от Улясутая. Степь поблёскивала кое-где зелёно-голубой бездной небольших озёр, полных водоплавающими птицами, оглашаясь пронзительным криком журавлей и лебедей или с шумом падающих в камыши гусей, турпанов и уток. Шума голосов мелких птичек не хватало в степи, не хватало прелестных и звучных мелодий, здесь господствовал какой-то дикий фальшивый оркестр болотных птиц, которые, несмотря на свою величину, дрожат и умолкают перед королём птиц — орлом и кровожадным ястребом.

Часто высовывались из нор жирные сурки, сидели беспечно на задних лапах, делая перед нами утренний туалет. Менее доверчивы были серые куропатки или белые (высокогорные) куропатки, так как встревоженные цокотом конских копыт, они поднимались невысоко вверх и, плавно планируя, падали где-то далеко в травы.

Спокойно пасущиеся палевые антилопы, дзерены, при виде людей поднимали свои прекрасные грациозные головки, изучая нас какое-то мгновение взглядом чудесных чёрных глаз. Но затем мчались наперерез степью, перебегая нам, согласно своего обычая, дорогу, чтобы снова издалека наблюдать исчезающие силуэты всадников.

После нескольких часов езды мы повернули на восток. Тогда изменился окружающий нас ландшафт. Мы находились среди гор, вершины которых были покрыты травой; из кустарников здесь росла только карагана. Благодаря отличным монгольским коням, наше путешествие протекало удачно и относительно удобно. На уртонах нам ставили отдельные юрты, среди них — княжескую юрту для есаула Безродных.

Ландшафт быстро менялся. Дорога вилась то глубокими ярами, то вершинами высоких гор. Всё чаще были видны леса. На склонах, покрытых густой травой, паслись тысячи овец, среди которых нередко виднелись группки аргали. Юрты монголов, втиснутые в уединённые, закрытые от ветра ущелья, выдавали своё присутствие узкими полосами дыма. Наконец, наш караван пересёк заснеженный перевал Децехангин (3030 м), откуда глубоким яром ручья, питаемого тающими снегами, мы

спустились в долину реки Тэр-хет. Окрестность здесь была плодородной и густонаселённой. Многочисленные озёра кишели водоплавающей птицей, среди которых наибольшее внимание привлекала к себе жёлтая утка «лама», священная птица, гнездящаяся среди скальных расщелин.

Переправа через реку Тэр-хет рисовалась нам в красках не очень приятных, потому что в Монголии нет мостов, и реки, главным образом, пересекаются вплавь. К счастью, мы наткнулись на место переправы, расположенное на караванном тракте и обслуживаемое паромом, т. е. двумя лодками, вытесанными из ствола дерева, на которых лежали доски, связанные крепкими арканами. Переправа по быстрым рекам, например, Тэр-хету, Селенге, Орхону или Толе, не является лёгкой, тем более, что движущей паром силой становятся вёсла перевозчика. Порой, снесённый течением паром, нужно было тянуть верёвками к месту, подходящему для разгрузки. В этот раз, однако, удачно мы переправили вьюки на пароме, а кони плыли рядом с нами. После переправы мы оказались в широкой долине, обрамлённой с севера и юга горами. Теперь наступил период, в котором у меня появилась возможность изучения жизни и обычаев монголов.

Жильём для них являются юрты, устроенные, похоже, как и юрты сойотов, только более зажиточные. Монголы не соблюдают чистоты, и поэтому трудно отыскать её в их жилищах. Монголы никогда не моют тела и посуды. Свою одежду они не стирают, но носят так долго, пока она совсем не истреплется. Весной держат монголы в юртах маленьких ягнят и телят, сберегая их от холода и волков. Следовательно, легко себе вообразить, какая душная атмосфера царит в юрте. Главной едой монголов является мясо, молоко и листовой чай, приправленный солью, талханом[25] и маслом. С кипячёного молока монголки собирают сметану (урюм), которую они сушат и сохраняют, как лакомство для гостей; делают они также сушёный творог (хурук) и сыр (тарак). Мясо едят полусырым, а самым большим их деликатесом считается сурок, испечённый в собственном жире.

Птицу и рыбу монголы-халхасы не едят.

Кухонная посуда изготавливается, главным образом, из меди или латуни, часто красиво украшена серебром. Для приготовления мяса и чая монголы используют железные котлы, которые ставят на камнях, сжигая под ними аргал-кизяк, т. е. сушёный навоз.

Прекрасный пол имеет в Монголии бытовые условия значительно более лёгкие, чем у других номадов. По правде говоря, женщины чаще всего выполняют домашнюю работу, но их социальное положение настолько хорошее, что они не являются

невольницами своих мужей. Родители с радостью приветствуют появление дочери, потому что та принесёт им в будущем много пользы.

Одежда монгольских девушек очень скромна. Носят они обычно тэрлики, подобные мужским, перевязывая их шёлковым поясом bös. Волосы они собирают в косы, вплетая в них шёлковые шнурки и серебряные монеты. Половая жизнь в Монголии начинается очень рано, на 12–14 году жизни. Много девушек занимается проституцией, помогая таким образом своей семье и собирая себе приданое.

Молодой человек, собирающийся жениться, должен сделать подарки семье своей избранницы, количество и ценность которых зависит от красоты девушки.

Шумные свадьбы происходят в присутствии лам и приглашённых соседей.

Свадебному торжеству придают блеск игры, скачки коней или излюбленные соревнования в стрельбе из луков. При этой возможности напиваются монголы допьяна аракой — водкой, сделанной из молока, а порой китайской водкой ханшин, перегоняемой из гаоляна, и действующей пагубно на организм и нервную систему.

Замужние женщины отличаются от девушек своей оригинальной причёской. Они скрепляют волосы на затылке, за ушами, в форме веера, смазывая их для жёсткости клеем или скрепляя серебряными пряжками. В передней части головы волосы укладывают накрест и сильно обвязывают их красной лентой. Концы волос заплетают в косы, которые вкладывают в серебряные или шёлковые мешочки, опущенные на грудь.

На голове замужние монголки носят серебряные чепцы, густо украшенные кораллами и бирюзой. На чепец же надевают высокие остроконечные монгольские шляпы, обрамлённые мехом соболя. В ушах они носят длинные серёжки в виде цепочки или красивые кусочки полированной яшмы.

Платья замужних женщин имеют вид домашних халатов: они сшиты внизу, но имеют разрез от колен до шеи, скреплённый с помощью серебряных или позолоченных пуговиц. Рукава имеют выпуклость на плечах, концы же рукавов обшиты мехом или шкуркой ягнёнка, защищая таким образом руки от холода. На руках носят серебряные или медные браслеты, а на пальцах широкие перстни.

Монголки имеют пристрастие к нарядам и драгоценностям.

Пожилые женщины снимают с себя серебряные украшения только тогда, когда, принимая религиозные обеты, отдаются молитвам.

Спартанское воспитание монголов начинается уже с самых молодых лет. В путешествиях по Монголии я несколько раз был свидетелем появления на свет монгольского младенца, которого тотчас же после рождения купают, в зависимости от обычая, существующего в данной местности, в молоке или бараньем бульоне. Затем кладут новорождённого на сухой верблюжий навоз и заворачивают в шкурку ягнёнка, которая заменяет пелёнки.

Двухлетние малыши уже ползают по юрте, невзирая на температуру. Неоднократно я видел летом и зимой нагих детей, бегающих по соседству с юртой.

Монголы отличаются большим гостеприимством. В их юрты можно приезжать в любое время дня и ночи, исключая только те случаи, когда двери юрты закрыты и привязаны под острым углом к колышку, вбитому перед дверями. Самовольно отворяя такую юрту, можно подвергнуть себя большим неприятностям. Способ приёма гостей не отличается от сойотских традиций, с той только разницей, что вместо «Менде» говорится «Сайн байну». Выбивание пепла из трубки ударами её о таган является самым большим оскорблением домашнего очага, и беда тому, кто позволил себе подобную бестактность в среде многочисленной монгольской семьи. Похоже, это происходит ещё со времён первобытного языческого культа азиатских народов, шаманизма, когда самым большим проклятьем были слова: «Пусть потухнет твой огонь».

В настоящее время шаманизм сохранился в своей первобытной форме среди народов северной Азии, как и в таёжных Саянах.

В Монголии шаманизм проявляется в северной части, вдоль массива Танну-ола.

Шаман приносит духам жертвы путём бросания им пищи, а также окропления огня молоком или водой. Они поклоняются небу, земле, луне и солнцу — вообще всей природе, полной добрых и злых духов. Жертвы, так называемые тайлганы, шаманы приносят несколько раз в году.

Шаманами могут быть как женщины, так и мужчины, отмеченные благосклонностью высших сил, позволяющих им общаться с духами, которые могут заклинать, просить о помощи для верующих или просто прогонять из юрты.

Многократно встречался я с убеждением, что шаманы не имеют специальных мест для совершения молитв, однако видел шаманские часовни в окрестностях Убса-нур и Хатхыла.

Многочисленные овоо в горах, вероятно, являются давними шаманскими алтарями, на которых совершались кровавые

жертвоприношения.

В настоящее время достаточно часто встречаются деревья турге, на которых шаманы подвешивают лоскуты или конскую шерсть, желая таким способом снискать защиту добрых духов для своих верующих.

Однажды я был свидетелем прорицаний, имеющих целью изучение причины массовой гибели овец у одного богатого монгола. Шаман, наряженный перьями и шкурками разных зверей и пресмыкающихся (онгоны), сидел у костра и, ударяя в бубен, тянул какую-то удивительную мелодию, переходящую в вой. В какое-то мгновение он отбросил бубен и начал бегать вприпрыжку по юрте. Заглядывал под находящиеся в юрте предметы, наконец, остановился посреди юрты и начал рвать волосы на голове и царапать лицо ногтями. Выглядел он при этом страшно: облитый кровью, с безумным взглядом. Всхлипывания, похожие на детский плач, вырывались из его груди. Затем он бросился на землю, лихорадочно вздрагивая мышцами. Внезапно вскочил он с ужасным криком и, схватив нож, выбежал на подворье. Там, набросившись на барана, он распорол ему одним движением брюхо и, несмотря на сопротивление несчастного существа, вырвал у него сердце. По колебаниям этого сердца должен был предсказатель сделать вывод о причине болезни и найти действенное средство. К сожалению, спустя несколько часов я уже опять был в дороге и не узнал о результате этих хлопот.

Во время нахождения в Улясутае, я познакомился с тибетским придворным врачом святейшего хутухты Богдо-хана в Да-хурэ, который в настоящий момент пребывал при дворе Джалханцы-гегена. Это был специалист в области желудочных заболеваний. Желая проверить его врачебные познания, направились мы к нему с коллегой, который вследствие огнестрельного ранения страдал болезнью мочевого пузыря. Для усложнения диагноза он жаловался врачу на грудь и голову, однако тибетец после изучения пульса и артериального давления за ушами больного, определил характер недомогания с очень высокой точностью. Затем он пространно объяснял нам научную сторону лечения тибетских школ и демонстрировал умение владения своими мышцами. Для проверки он употребил из нескольких тарелок зёрна бобов, пшеницы, проса и гвоздей разной величины, после чего выделял из желудка требуемые продукт (предварительно тибетец подвергся обстоятельной проверке). Это не было мистификацией, потому что сопровождающий нас хорунжий делал фотографические снимки.

Тибетскими лекарствами являются порошки из высушенных и

измельчённых растений, собираемых в горах, недоступных ущельях и песчаных дюнах.

Наиболее ценным и наиболее известным лекарством является корень женьшеня, отвар из которого обладает просто чудесными свойствами.

Китайцы пожилого возраста, счастливые обладатели молодых жён, покупают женьшень как омолаживающее средство, платя за корень колоссальные суммы.

В дальнейшей дороге, проезжая долиной реки Тэр-хет, вскоре добрались мы до степи, наполненной движущимися песками. Перебравшись вплавь через речку Ханын-гол, мы оказались в Дзун-модо, где были вынуждены оставить табун наших измученных коней на попечении двоих солдат.

Дорога вилась среди гор и лесов. По берегам быстрых водных потоков, текущих в Хайртузам или Орхон, стояли юрты и паслись стада коней и коров, и изредка только — сарлыков.

Монголы в этих краях зажиточны, потому что занимаются вывозом овечьей и верблюжьей шерсти в Калган и Тенсин. В горах или ручьях добывают они золото и дорогие камни, главным образом, аметисты.

В дороге присоединился к нам старый лама, направляющийся в Дзаин-Шаби; я быстро с ним подружился.

— Смотри, — сказал старец, — эта земля, по которой мы сейчас едем, эти степи и горы, взирали много лет назад на доблестные отряды самого величайшего владыки мира — Чингис-хана. Видишь здесь у Орхона эти чёрные стены? Здесь стояла в древности столица Монгольского государства — Каракорум. Здесь на развалинах прежней столицы Уйгуров могущественный сын Чингис-хана построил прекрасную резиденцию, здесь владыки завоёванных земель били челом перед монгольскими ханами, присягая на верность. Здесь умерла мать могущественного Хорезм-шаха Ала-эд-дина Мохаммеда, здесь закончил свою жизнь излучающий славу основатель города, любимейший сын Великого Монгола, Оготай (Угедей), здесь после смерти хана Гуйюка, могущественный покоритель Запада, Бату-хан, посадил на трон внука Чингиса — хана Мангу (Мунгке), брат которого, Хубилай, основал вновь на востоке столицу Хан-балык (Пекин).

По этим, теперь заросшим, камням проходили, как сновидения, пленники разных народов. На этих холмах стояли лагерем самые прославленные монгольские воины, которые своим мечом завоёвывали необъятные пространства. Теперь европейцы ищут могилу Чингиса, но не найдёт её никто, так как пространство между Хэнтэем и Хангаем, где он похоронен, очень

велико.

— Взгляни на этот монастырь, — сказал лама на следующий день, когда мы, повернув от Каракорума, ехали на север, то есть к Эрдэни-Дзу. — Героический Абатай-хан привёз это святилище из Тибета почти четыреста лет назад. То есть это самый старый монастырь «жёлтой веры» в Монголии. Проехав такой кусок монгольской земли, увидел ты, наверное, немало развалин городов и монастырей. Нам, ламаистам, вера запрещает раскапывать эти руины, но нередко находят здесь китайцы разные вещи, которые они потом продают за большие деньги. И всё же это реликвии минувшего прошлого диких, как вы их называете, монголов.

С удивлением смотрел я на изборождённое морщинами и обожжённое степными вихрями лицо ламы, глаза которого покрылись тенью грусти и раздумья. Не предполагал я, что этот скромный, на первый взгляд, духовный, так хорошо знает историю Монголии. Немного погодя лама продолжил:

— Знаешь ли ты, каким образом европейцы грабят наши старые летописи? Подкупают молодых лам, жаждущих богатства, а те похищают разные ценные вещи из монастырских библиотек, не зная, что продают душу своей страны. Прежде такого не бывало.

Я знал многих монгольских патриотов, в их числе — сайта Улясутая, князя Чултун-Бейле (расстрелянного на основании фальшивого доноса Доможирова есаулом Безродных), но первый раз разговаривал я с человеком, так горячо любящим традиции своей страны.

XX. В ДЗАИН-ШАБИ, РЕЗИДЕНЦИИ ВОИНСТВЕННОГО ПАНДИТА

Переправившись через реку, мы помчались галопом с намерением ночью приехать в Дзаин-шаби. На последнем уртоне дзангин сообщил есаулу Безродных, что в монастыре находятся какие-то солдаты, но не мог он, однако, точно объяснить, кто это мог быть.

Есаул Безродных, который не отличался излишней смелостью, послал своего вахмистра с целью добычи языка, отряд же продвинулся на расстояние 12 километров от поселения. Ждать пришлось долго, пока, наконец, обеспокоенный есаул попросил меня, чтобы я с одним казаком поехал в разведку.

Ночь была тёмная, а цокот копыт заглушала густая трава. Мы подъехали к высокой горе, из-за которой показался месяц, освещая нам дорогу своим серебряным мягким блеском. Величественно колыхались громадные лиственницы, среди которых вилась узкая каменистая тропа. По правой руке шумел в глубоком ущелье могучий ручей. Внезапно несколько камней с шорохом сползли на дорогу. Я поднял карабин на уровень глаз, но в то же самое мгновение опустил его; на огромной скале неожиданно обрисовался силуэт прекрасного аргала. С громадным трудом поборол я свою охотничью страсть. Сопровождающий меня казак перекрестился несколько раз и, указав рукой на глубокий яр, произнёс:

— Не боюсь людей, но боюсь духов. Здесь, в этом яре, лежат зарубленные полковники из Улясутая. Может, уже волки растащили их тела, но место это нехорошее.

Уже из разговоров солдат Безродных понял я, что где-то под Дзаин-шаби убили они более десяти человек, но теперь от непосредственного свидетеля хотелось мне обо всём узнать, поэтому я отрывисто спросил:

— Михайлов погиб здесь?

Казак перекрестился ещё раз и шёпотом произнёс:

— Здесь мы убили Михайлова, троих братьев Филипповых и полковника Полетика, Зубова и жену Михайлова. В бою убьёшь и ничего, а такой, которого безоружного саблей зарубил, постоянно перед глазами стоит. Паскудное место.

— Однако же вы и в Улясутае расстреливали? — спрашиваю дальше.

— В Улясутае много людей погибло, но тех я не убивал — те погибли от рук Богданова и Тролова.

Мне, несомненно, хотелось узнать, кто погиб в Улясутае, но казак назвал только те фамилии, которые я знал, добавив, что о подробностях следует спросить у двоих вышеупомянутых солдат. Однако у меня никогда не было желания расспрашивать о чём-либо придворных палачей есаула, потому что вызывали они у меня неопределённое отвращение.

С вершины горы были видны белые стены строений, а также мигающие огоньки на громадной, отвесной, совершенно белой скальной стене.

Спустившись вниз, мы двинулись в сторону монастыря, погружённого в сон. После долгой стукотни в двери ямына, нас впустили на подворье. Чиновник (дзакирокчи) во время чая рассказал нам о последних событиях в Дзаин-шаби. Я спросил его о военных — он ответил, что несколько дней назад действительно приехали сюда какие-то всадники, но он не знает, большевики это или белые.

Перебравшись через ручей, отделяющий монастырь от российско-китайской колонии, я въехал в достаточно широкие, но совершенно тёмные улочки. Только в одноэтажном доме фирмы «Швецова» окна были ярко освещены.

Я подкрался к двери, из-за которой доносились голоса и, быстро отворив её, ворвался с револьвером в руке в светлую большую комнату. За пышно накрытым столом сидели несколько офицеров, а среди них наш вахмистр. Немного погодя я был уже в самых дружеских отношениях с присутствующими и тотчас же послал монгола с известием, что в Дзаин-шаби находятся двести человек, посланных полковником Казагранди с целью подготовки квартир и закупки необходимого провианта. Этот отряд находился под командованием капитана Ф.

Четырёхдневное пребывание в Дзаин-шаби я использовал на осмотр окрестностей, а также монастыря.

Дзаин-шаби с трёх сторон окружено горами, с четвёртой же сливается с обширной степью. Монастырь располагает прекрасными храмами с белыми стенами в тибетском стиле. Немного далее находятся несколько часовен. Тут же за монастырём высится совершенно отвесная скальная стена, на которой вырублены в камне изображения Богов, а также буквы тибетского письма, выложенные из белых камней. На вершине этой высокой скалы стоят несколько маленьких часовен, построенных в китайском стиле. Эти часовенки, разбросанные на скальных выступах, выглядят как гнёзда ласточек. Ночью на скале горят лампы, зажигаемые каким-то необъяснимым способом отшельником, живущим в скальном гроте.

Китайско-российская колония, отделённая от монастыря

узким ручьём, густо застроена в виде правильного квадрата. Домики маленькие, но опрятные и чистые, почти при каждом из них имеется овощной огородик. Единственным двухэтажным зданием располагает филиал торговой фирмы «Швецова».

В весенние месяцы 1921 г. Дзаин-шаби пережило тяжёлые времена и, только благодаря героической обороне российских колонистов и беглецов из «российского рая», всё российское и монгольское население не было полностью вырезано китайскими гаминами, подстрекаемыми большевиками в Хатхыле. Самой уважаемой, но и наиболее эксцентричной фигурой в Дзаин-шаби был Пандита-геген, всего лишь двадцатилетний «бог» монастыря. С молодым богом я познакомился на следующий день у есаула.

Пандита был одет в военную форму с эполетами есаула на плечах, с казачьей шапкой на голове и пистолетом Маузер на боку. На лице гегена, бледном и изнурённом, отчётливо виднелись следы ночных гулянок. После долгой беседы с Пандитой мне удалось побывать в его жилище, где я должен был рисовать и объяснять ему конструкции аэропланов и танков. Воинственный бог так был восхищён рисунками, что велел подать целую батарею бутылок и после двухчасового возлияния свалился, как колода, под стол. Познакомился я также с малолетним хубилганом, который в будущем должен был стать настоятелем монастыря. Чрезвычайно развитый в умственном отношении мальчик знал себе цену, но отличался несносным и строптивым характером. Я собственными глазами видел, как он, приказав встать на колени одному почтенному хамбе, сел ему на плечи и, запустив шнур (как узду) в рот старого ламы, приказал ему играть роль коня, не скупясь на болезненные удары пятками.

У меня было огромное желание схватить мальчишку за уши и отшлёпать его, но я отказался от этого, видя покорные и услужливые мины окружающих нас лам.

В это самое время, когда я проводил милые вечера в обществе другого хубилгана (перерожденца) и нескольких важных лам, слушая разные легенды и рассказывая им пространно о цивилизации и технических достижениях Запада, есаул Безродных судил и обрекал на смерть. Однако экзекуции совершались так тихо, что узнал я о них только несколько позже.

XXI. ВАН-ХУРЭ

Мы тронулись из Дзаина со свежими силами. Безродных вспоминал несколько раз, что барон обрадуется нашему приезду, потому что в дивизии не хватает профессионалов. Таким образом, мне гарантировалась безопасность вплоть до Урги.

В течение путешествия я вёл минералогические изыскания, а также охотился на дроф и другую дичь. Трофеи были богатые. Образцы минералов я не мог забирать в достаточном количестве, потому что есаул не хотел мне давать для этих, как он выражался, «камешков» вьючного коня, шкурок же самых интересных для меня видов птиц я не мог препарировать, не имея ни соответствующих приспособлений, ни консервационных средств.

Наконец, однажды утром возникла перед нами обширная котловина, в которой издалека виднелись белые каменные часовенки, окружающие монастырь. Мы оказались в Ван-хурэ.

Отряд расположился у богатого колониста К. Безродных поселился в доме колониста, для меня и Шилова поставили просторную и чистую юрту.

Российская колония состояла из 24 российских домов и нескольких китайских магазинов. Населяли колонию, главным образом, женщины, потому что все мужчины были мобилизованы в отряд полковника Казагранди.

Комендантом поселения был капитан Т., командир разведывательного отряда, состоящего из более десятка казаков и 25 монголов.

Ван-хурэ в феврале 1921 г. пережил тяжёлые и страшные времена. Здесь погибло неисчислимое количество людей, пытаемых китайскими гаминами, которые в каждом европейце видели шпиона барона, захватившего в то время Ургу.

Затем, в свою очередь, вырезали здесь гаминов и сторонников большевизма, среди которых находился также ветеринар из Хатхыла Гей со всей своей семьёй. Погибли здесь также от рук разнузданной китайской черни несколько поляков, не удалось мне, однако, установить их фамилий, потому что их имущество забрали бежавшие к большевикам китайцы, трупы же людские давно растащили волки и собаки.

Узнал я также об обстоятельствах смерти одного из братьев Филипповых, который при допросе его Унгерном, много рассказал об организации «белых офицеров» в Омске, но был настолько неосторожен, что при себе имел бумаги с директивами советского штаба. Организация офицеров действительно существовала в Омске, но о ней могло бы больше всего рассказать

Коломзино около Омска, где большевики в 1920 г. расстреляли тысячи офицеров. Там также был расстрелян подлинный, известный мне лично, капитан Полетика, документами которого воспользовался большевистский шпион.

Между Ван-хурэ и Ургой китайцы также ограбили караван Зверева, который с несколькими товарищами бежал из Урянхая от красных, везя несколько пудов пантов (маральих рогов). Между убитыми путниками каравана должен был находиться Валериан Куликовский, подпоручик Пятой Сибирской Польской Дивизии.

Четыре дня мы сидели в Ван-хурэ, ожидая приказаний генерала, который находился якобы в 160 км от нас, отдыхая с дивизией где-то на берегах Селенги после неудачного нападения на Троицкосавск.

Ходили слухи, что барон тяжело ранен и вся дивизия возвращается назад в Ургу.

В это время приехал посланец от генерала, с приказом есаулу тотчас же появиться в дивизии. В этом приказе упоминался и я.

XXII. В ЛАГЕРЕ «КРОВАВОГО ГЕНЕРАЛА»

Тронулись мы сразу, и только ночная тьма вынудила нас заночевать в первой встреченной юрте. Назавтра продвигались мы берегом Селенги, называемой бурятами рекой смерти. Название это совершенно обоснованно, потому что ежегодно грязные и быстрые её воды поглощают сотни людей и тысячи голов скота. Благодаря разливам реки, её берега становятся самой плодородной почвой в Монголии. Долина реки Керулен занимает второе место по урожайности. Поэтому наши кони брели по брюхо в высокой и сочной траве.

На берегу реки часто видел я чёрных аистов с красными клювами; они являются в этой стороне обычным явлением, как и лебеди.

Благодаря подсказкам татар, солдат, составляющих охрану интендантства барона, отыскали мы его командира, поручика Баранова, личного приятеля есаула Безродных. Вид интендантства был импонирующий. Целые стада коней, верблюдов и волов паслись в степи, караваны верблюдов несли на север мешки крупы и муки, а на площадке в уединённой долине Селенги, между горами, громоздились груды ящиков, укрытых палаточной тканью. Поодаль, в берёзовой роще, были установлены юрты, занятые администрацией и солдатами.

Несмотря на проливной дождь, на следующий день тронулись мы дальше и спустя несколько часов оказались в лагере полевой жандармерии, откуда, после проверки документов, двинулись мы дальше в сопровождении нескольких солдат, чтобы предстать перед лицом командующего дивизией, барона Унгерна, называемого здесь «Дедушка». Теперь мы встречали на каждом шагу кавалеристов в монгольских костюмах, которые отдавали нам честь и освобождали дорогу.

Наконец, выбрались мы на обширную поляну на берегу Селенги, окаймлённую столетними соснами, где простирался военный лагерь и горели костры. В стороне стояла небольшая палатка, над которой трепетала на ветру шёлковая жёлтая хоругвь с эмблемами Чингис-хана — это было жилище генерала. В лагере царило движение: были видны несколько офицеров и ординарцев, разносящих приказы в разные стороны. Спустя некоторое время есаула Безродных вызвали к генералу, а спустя полчаса прибежал есаул, спешно вызывая меня к командующему дивизией.

В палатке я увидел мужчину средних лет, блондина, сидящего полураздетым перед затухающим костром, над которым стоял медный чайник. Из-под высокого выпуклого лба на меня смотрели светлые, светящиеся, холодные, как лёд, глаза.

В левой стороне палатки я заметил старого ламу, держащего в открытой ладони китайские гадательные монеты.

Барон Унгерн смотрел на меня, не щуря глаз, я же, предупреждённый есаулом Безродных, делал то же самое. Спустя несколько мгновений барон обратился ко мне с вопросом:

— Почему ездит пан по Монголии вместо того, чтобы вернуться домой?

— Во-первых, не имею средств на покупку коней, во-вторых, меня мобилизовали без моего согласия сперва в Улангоме, а потом в Улясутае, — звучал мой ответ.

— А зачем пан воевал с большевиками в Урянхае вместо того, чтобы пробираться на восток? — спросил Унгерн.

Я отвечал, что как военный чувствовал свою обязанность вредить неприятелю, который грабил и губил мою родину.

Барон некоторое время сидел в молчании, сильно потирая пальцами лоб, потом встал и, подав мне руку, произнёс:

— Благодарю! Хотел бы, чтобы все те, кто меня окружают, были такими, как пан.

Он хлопнул в ладоши и сказал прибежавшему начальнику штаба:

— Этот пан поселится в штабе, особые распоряжения будут позже.

Так закончилась моя первая встреча с «кровавым генералом», перед которым дрожали большевики.

XXIII. БАРОН УНГЕРН ФОН ШТЕРНБЕРГ

Роман Фёдорович Унгерн фон Штернберг был последним потомком магнатской семьи Штернбергов, балтийских баронов.

Дед Романа, пират, на острове Дагю построил морской маяк, который светил во время бури, заманивая таким образом торговые суда, борющиеся со стихией. Эти суда, вместо того, чтобы получить помощь и спасение в тихой гавани, наталкивались на скалы. Унгерн же со своей дружиной убивал купцов и грабил товары. Это продолжалось достаточно долго, наконец, он был арестован и выслан в кандалах в Сибирь. Род Унгернов, однако, не утратил привилегий знатной семьи, и потомки пирата заканчивали школы в Москве и Петрограде.

Роман Унгерн после окончания военно-морской школы в Петрограде какое-то время пребывал при царском дворе, но за какой-то любовный скандал его перевели в Забайкалье. Здесь он вступил в казачий полк, где как молодой хорунжий участвовал в войне с Японией. Во время Первой мировой войны Унгерн проявил необычайную смелость и жестокость. Со своими казаками он нападал врасплох на немецкие отряды и вырезал их полностью с такой старательностью, что его вынуждены были перевести на другой фронт. Несколько раз раненный и награждённый офицерским крестом Св. Георгия, барон оказался во время революции в Забайкалье и здесь с фронтовым товарищем, есаулом Семёновым, в будущем гетманом Забайкалья, боролся с большевиками.

Унгерн был буддистом, став последователем веры, которую исповедовал его умирающий дед. Во время своего пребывания в Монголии в 1912 г., Унгерн завёл многочисленные знакомства с ламами, которые стали его первыми учителями в изучении восточных языков, что облегчало барону, хорошо знающему западные языки и литературу, углубление своих знаний путём ознакомления с книгами и хрониками, содержащими мудрость Востока.

Перед европейской войной Унгерн совершал такие эксцентричные выходки, что коллеги-офицеры считали его психически неуравновешенным человеком.

Скандальная натура этого потомка «Raubritteröw» и пиратов, совершенно не признающая узких рамок будничной жизни, обозначилась очень выразительно в борьбе со смертельным врагом человечества — большевизмом. Во время первого

большевизма в Сибирском Забайкалье возникло отдельное маленькое образование под властью гетмана Семёнова. Тогда барон начал антибольшевистскую акцию и как генерал командовал на территории Даурии. Кровавая слава разносила имя барона от Даурии до Маньчжурии. Агенты доставляли тысячи большевиков на суд генерала, который коротким «Кончать!» решал судьбу схваченных. Поэтому трупы густо покрывали окрестные взгорья.

Унгерн не выносил присутствия женщин в лагере, а его жена, китайская княжна, постоянно жила в Пекине.

Благодаря страху и ненависти, которые он возбуждал у преследуемых, его особу вскоре окружили жуткие легенды.

В период падения правительства генерала Колчака и «Ледового» похода войск генерала Каппеля, барон был вынужден из-за каппелевцев, а затем благодаря большевикам, покинуть Даурию и уйти в степи Монголии. Однако успел он разрушить огромные форты и склады амуниции, с собой же забрал оружие, пулемёты, несколько пушек и 700-1000 солдат. Задержавшись на границе с Монголией, Он сражался с большевиками в надежде отбросить врага из Забайкалья при помощи восставших. К сожалению, большевики, взявшие страну в железные когти террора, были непобедимы. Следовательно, Унгерн отступил на Керулен, пытаясь склонить китайцев, чтобы они пропустили его на Алтай для соединения с генералом Врангелем. Губернатор Урги решительно отказал ему. Тогда Унгерн решил захватить Монголию, сделать её независимым государством, императором же избрать Богдо-гегена в Урге. Возбуждение повстанческого движения у монголов шло вначале тяжело, но генерал действовал среди широких слоёв населения при помощи неприязненно относящихся к китайским властям лам и князей, разбивая одновременно небольшие отряды, состоящие из 200 или 300 человек, конфискуя транспорт на дороге между Калганом, Ургой или Улясутаем. Вскоре он стал обладателем прекрасно организованной интендатуры и больших стад коней, верблюдов и овец. Принимая в расчёт 2000 верблюдов, запасов продовольствия могло хватить на годы вперёд для такой небольшой армии. Одним из характерных походов была экспедиция отряда из 250 человек под руководством отважного есаула Забиякина и способного артиллериста, подпоручика В. Эта экспедиция была предпринята для захвата на Калганском тракте китайского каравана, состоящего из 700 верблюдов и сопровождаемого 500 китайскими гаминами. Отряд, имеющий в распоряжении одну пушку, два дня ожидал прибытия каравана на месте устроенной засады. На третий день, наконец, показалась длинная вереница

вьючных верблюдов, сопровождаемая вооружённым отрядом гаминов, едущих медленно и без опаски, так как не могли они заметить укрытых в неровностях местности унгернцев. В момент, когда заговорили карабины и застучал пулемёт, среди закутанных в шкуры китайцев возникла паника, и более десятка коней без всадников бросились в степь. Когда есаул Забиякин, настроенный решительно, приказал казакам броситься в конную атаку, из остатков кавалькады сформировалась цепь стрелков, которая меткими выстрелами начала разить нападающих, грозя им полным уничтожением. В это время загремела небольшая пушка, которая решила судьбу находящихся в опасности казаков. Пушечные снаряды, попадая в середину обоза, поднимали отчаянную панику, разрывали на куски людей и животных, поднимали вверх столбы огня, обломки разбитых товаров и клочья тел… Кульминационным оказался момент, когда снаряд упал на хребет верблюда, нагружённого ящиком с военной амуницией, и вызвал ужасный взрыв. В воздухе прямо забурлило от человеческих и звериных останков. После оглушающего грохота установилась мгновенная тишина и совершенная парализация целого каравана. В это время казаки, воспользовавшись растерянностью противника, с криками «Ура!» напали на врага, устроив «кровавую баню». Вскоре место поля боя представляло собой кровавое пятно побоища, а победители пытались усмирить обезумевших верблюдов и грузили добычу, которая превосходила всяческие ожидания. Были добыты ящики дорогих вин и французских коньяков, компотов, мясных и рыбных консервов, печенья, сахара и икры. 150 верблюдов были загружены отборной белой мукой. Кроме этого были в караване целые массы взрывчатых материалов и амуниций, мундиров, сукна, несколько десятков тысяч серебряных тайанов и ящик ямб серебра, что составляло немалое богатство. Только поздней ночью уселись победители у разведённых на окровавленном снегу костров, лакомясь отборной снедью.

XXIV. ЗАХВАТ УРГИ

Главные силы китайских войск концентрировались в Урге, то есть в столице Монголии, более мелкие отряды были разбросаны в больших поселениях и самых важных пунктах территории. На северной границе большевистские отряды помогали гаминам беспокоить белых, делясь с китайцами награбленной добычей. Китайцы были безжалостны к беглецам из «большевистского рая». Сами губернаторы поручали китайским старостам представлять подробные списки европейского населения, в особенности же военных, прибывших из Совдепии. Тех, кто не имел китайского паспорта и разрешения на пребывание и проезд через Монголию, арестовывали и сажали в тюрьму.

Кто мог, укрывался под опекой враждебных китайцам монголов, иначе, если не погиб сразу, встречали его нечеловеческие страдания. Арестованных заковывали в деревянные колодки, били бамбуком по пяткам и морили голодом. Посаженные в холодные сырые подвалы, гнили они в собственных нечистотах или были живьём пожираемы крысами. Только на западе, где крутились многочисленные отряды «белых», европейцам было безопасней.

Первая осада Урги для барона оказалось неудачной. Прибыв с Керулена, после атаки с ходу, он был вынужден отступить, оставив несколько десятков трупов и пушку. Только в окрестностях Хара-гол удалось ему провести победный бой с большим отрядом китайцев и чахаров, идущих на помощь осаждённым. Столь же безуспешным было последующее трёхдневное наступление. Положение Унгерна было очень трудным, потому что монголы, готовые к битве с китайцами в открытом поле, отказывались от участия в захвате города, в котором жил Богдо-геген. Поднятие руки монголов на это святое место, согласно монгольских поверий, могло стать причиной всяких возможных кар для всей страны.

В это время в голове генерала родился безумный план — выкрасть из Урги арестованного китайцами Богдо-гегена.

Сначала, известив Богдо-гегена о своём намерении, Унгерн провёл через священную гору Богдо-ул несколько десятков смельчаков и, вырезав полностью охрану, окружающую арестованного «Бога», бежал с ним от двенадцати тысяч гаминов, составляющих гарнизон Урги.

Теперь можно было свободно вести осаду Урги, и монголы не имели никаких отговорок, касающихся их помощи. В этих условиях началась третья осада, поддерживаемая артиллерией,

окопавшейся на священной горе Богдо-ул. Китайцы создали систему укреплений на взгорьях, окружающих Ургу, метко поражали выстрелами из карабинов солдат Унгерна; однако китайская артиллерия оказалась почти бессильной против доблестных артиллеристов барона. Ситуация для осаждающих была тяжёлой, и только неистовая вьюга помогла Унгерну в решающей атаке. Видя, как китайцы теряют позицию за позицией, их генералитет бросился бежать, что снова совершенно деморализовало гаминов.

Во главе нескольких сотен казаков полковник Ларионов вырезал защищающих Ургу гаминов. Однако, воспользовавшись замешательством, он спрятал найденные в это время запасы золота, за что был казнён по приказу Унгерна. Унгернцы захватили большие материальные средства в виде денег, амуниции и одежды, шесть пудов золота в монете и песке, 80 пудов серебра в ямбах и штабах, китайской и российской монете, значительного количества китайских бумажных банкнот, выставленных через банк в Калгане, более десяти ящиков российских царских банкнот, кроме того, много ювелирных изделий и бриллиантов. Хватало и оружия: 8 пушек, в том числе 3 японских горных орудия Арисака, 2 полевые российские 3-кал., 2 немецких горных Максима и несколько старой российской системы, снабжённые 12 тысячами снарядов!

Было захвачено очень много пулемётов, почти всех европейских систем, в том числе китайских, изготовленных в Шанхае, с причудливыми названиями. Склады были завалены ручным оружием и амуницией — бельём и обмундированием. Не было недостатка в механических мастерских и автомобилях. Представляется просто непонятным, как Унгерн со своей горсткой солдат смог захватить так сильно укомплектованную военными защитниками Ургу. Причина заключалась в самой натуре китайцев, которые не были солдатами, а были купцами; поэтому они имели для 12 пушек едва ли три шестёрки артиллерийских коней, а в штабе, вместо планов военных операций, нашли торговые счета и калькуляции. Даже в минуту переполоха китайские офицеры помнили об упаковке мехов и драгоценностей, а по их примеру гамины, вместо того, чтобы оказывать сопротивление входящему неприятелю, грабили дома колонистов.

Овладев Ургой, барон начал погоню за поверженным врагом на север, в сторону Маймачена, и на юг к Уде. Китайцы, вооружённые карабинами и пистолетами Маузера, не могли устоять перед страшным белым оружием казаков, причем, будучи плохими наездниками, часто бросались они в бегство, надеясь на

ноги.

Один из отрядов, состоящий из четырёх тысяч гаминов, бежал в полном вооружении в окрестность Саир-Уссу, направляясь бездорожьями в Калган. Преследовал его полковник К. с 280 солдатами и батареей. Потеряв следы среди снежной метели, нашёл он их неожиданно в пустыне Гоби. Здесь случайно отыскал он преследуемый отряд и несколькими залпами из пушек вынудил к капитуляции.

Труднее было воевать с чахарами на северном отрезке, так как эти мужественные сыны степей с детства были привычны к борьбе. Но и они отказались от сопротивления и пошли, как верные союзники, на службу к Унгерну.

Урга в течение нескольких дней переживала кровавое крещение, но когда за грабежи и насилия Унгерн начал карать смертью, воцарился покой. Столица Монголии постепенно изменяла свой вид. Исчезли препятствующие ходьбе кучи мусора, отремонтировались мосты, заработала электростанция, освещая тёмные прежде улицы, смонтировалась радиостанция, построились мастерские и гаражи, заработал кожевенный завод.

Одновременно совершались торжественные шествия в честь борона «Дзянь-дзюнь-хана». Генерал, как монгольский хан, получил 11 белых верблюдов и 40 сивых коней. Принесены благодарственные жертвы в честь освобождения Монголии от китайской тирании, а почтенный Богдо-геген наградил высокими званиями и орденами офицеров Унгерна. Вскоре казачьи отряды вернулись из погони и расположились в городе, комендантом которого был есаул Безродных, а после его отъезда — полковник Сипайлов, называемый в солдатской среде «Макарка, великий душегуб». Это был человек, совершенно лишённый совести. Он убивал людей с садистской изощрённостью и часто похвалялся своими злодеяниями. В погребе дома, в котором он жил, находилась найденная им машина для душения жертв, однако часто работу машины заменял его помощник. Если кто-то имел хоть какое-то доброе влияние на Унгерна, тот погибал от руки Сипайлова.

Офицеры, солдаты и колонисты в Урге до такой степени боялись этого полковника, что когда он появлялся, умолкали разговоры, компания же расходилась. Сипайлов вызывал у барона отвращение, но и одновременно какой-то фантастический страх.

После отбывания торжества, генерал часто совершал поездки на автомобиле до Маймачена и Ван-хурэ, где находился его помощник, генерал Резухин, и где происходили совместные совещания с полковником Казагранди и Шиловым.

Барон, окружённый людьми, похожими на Сипайлова, как:

Женя Бурдуковский, Веселовский и есаул Малмаев, из-за маленького роста получивший кличку «Малый Макар» — благодаря их поведению, получил прозвище «Кровавый генерал».

XXV. ПОХОД НА ТРОИЦКОСАВСК

В момент успокоения Монголии после свершившегося разгрома гаминов, в Хайлар прибыл полковник, посланец гетмана Семёнова, с важными планами, касающимися совместного наступления на большевистском фронте.

Гетман Семёнов, в надежде овладеть частью Сибири от Новоникольска вплоть до озера Байкал, бывшей в ту пору своего рода буферным государством под названием «Дальневосточная Республика», хотел совместно с японцами уничтожить участок железной дороги у Байкала, чтобы отрезать большевикам дорогу для отправки помощи и ударить с тыла по противнику.

Планы были хорошо задуманы, но их выполнению мешала удалённость. Раз или два связывался гетман Семёнов из Владивостока с Ургой с помощью радио, после чего не было совершенно никаких вестей почти в течение месяца.

Нужно было рассылать надёжных людей для получения информации о военно-политической ситуации. После занятия Унгерном Урги, она стала чрезвычайно оживлённым и полным посольств из всех уголков Монголии пунктом. Даже Далай-лама из тибетской Лхасы послал своих представителей.

Барон, несмотря на множество дел, занимался исследованиями буддийской религии, читая с самыми просвещёнными ламами Монголии и Тибета книги и проповеди святых хутухту. Унгерн вёл очень скромную жизнь, жил в Юрте, одевался в жёлтый шёлковый тэрлик в цветах, такой, какой могут носить только ханы, и удобные для конной езды бурятские сапоги. Во время пребывания барона в Урге, туда прибыл наш земляк, профессор Оссендовский. Вместе со многими ценными советами профессор дал генералу рецепт изготовления удушающих газов из цианистого калия, выработка которого была мне позже доверена. Вскоре Оссендовский, щедро наделённый материальными средствами со стороны генерала и Богдо-гегена, покинул Ургу, направляясь в Пекин, снабжённый охранными письмами. Вскоре после этого барон со всей армией направился в Троицкосавск на Селенге, забирая отряды из-под Маймачена. Когда войска барона уже заняли предместья Троицкосавска, появились подкрепления из-под Иркутска. Несколько полков кавалерии, а также привезённая на пароходах артиллерия, находились в тылах Азиатской Кавалерийской Дивизии. Только смекалка отдельных полковых командиров и ненависть к большевикам спасли армию Унгерна от полного поражения. Вдобавок ко всему появились большевистские аэропланы, гул

моторов и бомбы которых приводили в ужас людей, лошадей и верблюдов. Последние встревоженным взглядом следили за движением крылатых машин и либо убегали, как безумные, в степь, либо, как если бы загипнотизированные, ложились на землю. Эти животные утащили 4 пушки на большевистскую позицию, а несколько сот вьючных двугорбых, улёгшись на землю, остались там, несмотря на удары проводников и огонь.

Неожиданно разнёсся слух о смерти Унгерна. Остатки армии двинулись в верховья Селенги, но вскоре с двумя сотнями японцев появился барон, серьёзно раненный в ногу. Взяв в свои руки главное командование, Унгерн остановился на расстоянии шестидесяти километров от Ван-хурэ, разместив дивизию по обоим берегам Селенги.

Потери под Троицкосавском были большие, но наиболее тяжёлой для Унгерна была смерть Джам-Балона. Этот доблестный князь первым ворвался со своей кавалерией в предместье Троицкосавска и погиб геройской смертью.

XXVI. АЗИАТСКАЯ КАВАЛЕРИЙСКАЯ ДИВИЗИЯ

Находясь в составе Азиатской Кавалерийской Дивизии, я познакомился в короткое время со штабом I Бригады, в которой нашёл многих знакомых со времён боёв на Урале в 1918 г. В первый же день по приезду, вечером, меня вызвали к генералу, который пригласил меня на ужин. Барон интересовался о переходе в Совдепии, отношениях в Урянхае и, наконец, планах на будущее. В разговоре, ведущемся в дружеском тоне, я просил барона об облегчении выезда в Китай, откуда при помощи консульств я хотел пуститься в дальнейшую дорогу на родину. Но генерал, не сводя с меня своих светлых глаз, произнёс:

— Вы останетесь при мне в дивизии. У меня нет ни одного техника, а работы очень много. Впрочем, лама ворожил раньше, что пан вернётся на родину только после моей смерти. Нас связывает общая ненависть к большевизму. Хочу иметь рядом кого-то близкого мне, потому что те, — он указал рукой на лагерь, — меня боятся, а души «бешеного генерала» не знает никто.

Целая ночь прошла у нас с генералом в беседе, которую мы вели на немецком языке. Из этого разговора я сделал вывод, что Унгерн до последнего дыхания будет биться с большевиками, а Забайкалье обильно зальёт кровью.

Предчувствие говорило мне, что этот человек, жаждущий избавить мир от страшной опухоли, разрушающей культуру и духовный прогресс, погибнет, не понятый своими офицерами, считающими его садистом и преступником. Я согласился остаться в дивизии. Хотел быть свидетелем его духовной борьбы и поступков, называемых врагами барона «невменяемыми».

В течение нескольких первых дней я присматривался в дивизии, знакомясь с её составом. Первая бригада состояла из двух кавалерийских полков, монгольского и японского дивизиона и одной батареи из двух орудий. Полки делились на сотни, главным образом, казачьи; кубанцев, донцев, оренбуржцев, енисейцев и забайкальцев.

Первым полком командовал полковник Марков, вторым — полковник К., будущий начальник штаба дивизии. Монгольским дивизионом командовал Башарты Гун, князь из окрестностей Хатхыла. Командиром японского дивизиона был капитан Марута.

Вторая бригада состояла из двух казачьих полков, китайского дивизиона под командованием поручика П., дивизиона пулемётов

под командованием полковника Ефарицкого и дивизиона горной артиллерии под командованием полковника Дмитриева. При второй бригаде находились склады интендантства, получающего провиант с главных складов Баранова. Включая отдельные отряды разведчиков, дивизия имела в своём составе около 6000 человек и 11000 коней. Конями и скотом распоряжался хорунжий Бурдуковский.

Инженер Войцехович с помощью деревянного моста через Селенгу связал оба лагеря, после чего выехал в Ургу. Мостом разрешали пользоваться только интендантству и госпиталям, люди и кони должны были перебираться через реку вплавь.

Спустя несколько дней я получил от барона приказ отправиться во вторую бригаду и изготовить там газовые снаряды.

Для помощи я получил химика из Урги, Михайлова, и несколько солдат-ремесленников. Так как генерал Резухин, командующий этой бригадой, боялся несчастного случая в лагере, я организовал лабораторию на маленьком островке Селенги. Имея всяческого рода приспособления, мы смогли легко изготавливать взрывчатые коробки; хуже было с газами, потому что для сохранения серной кислоты нужны были стеклянные бутылки, с которыми трудно было в степи. Именно для закупа этих необходимых предметов, я должен был направиться в Ван-хурэ и Ургу, когда меня задержал разлив реки. Островок мой был залит волнами так быстро, что едва мы успели вывести запасы взрывчатых веществ; моя палатка и бельё поплыли уже в Байкал.

Паводок вынудил всю вторую бригаду к отходу вглубь степи. Целый день мы боролись с силой волн, которые, злобно шумя, неси на наших глазах трупы людей, коней и овец, хатки и юрты.

Одновременно появился новый воздушный враг, аэроплан, в котором, благодаря моим отличным стёклам Цейса, я распознал большевистский самолёт. Командующий дивизией дал приказ на будущее приветствовать подобных гостей огнём орудий и пулемётов. На следующий день нас разбудила канонада. Аэроплан сбросил 18 безвредных бомб, одна из которых даже упала в середину артиллерийского парка, другие же угодили в реку, поднимая громадные столбы воды. С этого момента несколько следующих дней нас удручали посещения самолётов.

Из 180 бомб, брошенных большевистскими лётчиками, только одна серьёзно ранила двоих солдат.

Так как эти ранние визиты не позволяли выгонять табуны коней и скот на пастбище, мы незаметно перебрались в заросли впадающих в Селенгу ручьёв и с того времени воцарилась тишина.

В лагере начали кружить вести о восьмидесятитысячной армии большевиков, идущей на завоевание Монголии и для уничтожения дивизии барона Унгерна. Большевики якобы шли на Ургу, Ван-хурэ, Дзаин-шаби и Хатхыл. Эти вести были известны барону, потому что, вручая мне служебные документы и дзару, он запретил мне долго задерживаться в Урге. Я должен был спешить, чтобы предупредить поручика Балка, пребывающего в Урге для ремонта пушек, о приближающейся опасности, и отправить орудия. На обратной дороге я должен был оценить положение монгольской команды в Ван-хурэ, а в случае тревоги — вернуться назад в Дзаин-шаби и там ожидать приказов барона.

XXVII. ДА-ХУРЭ

Столица Монголии, Урга, расположенная на берегу Толы, у устья реки Селбы, является резиденцией главы монгольского ламаизма, а вместе с тем представляет собой центр административной и торговой жизни. Название Урга является, собственно, европейским, так как монголы называют этот город Да-хурэ, т. е. Большой Монастырь, или Örgö, или Двор.

Когда возникла Урга — неизвестно, исторические сведения о ней появляются со времён Ундур-гегена, сына Тушету-хана и первого в Монголии хубилгана, известного апостола буддизма в Индии и Тибете. Джибцун-Тараната-Гунга-Нимбо, а значит — с 1649 года.

Основанный Ундур-гегеном монастырь не находился, однако, постоянно на одном месте, а часто кочевал, перенося свои храмы.

Другой хубилган, Лубсан-Дамба-Донми, сын чинвана Дондоб-Дорчи, занял высокую должность своего предшественника в Монголии, в Урге с 1729 г., однако тринадцатью годами позднее, во время восстания Церен-Дондоба против маньчжуров, хутухта должен был покинуть резиденцию и вернуться только после окончания беспорядков в стране, то есть через десять лет. С этого времени хутухта постоянно пребывал в Урге, основал здесь первую в Монголии школу высшей буддийской догматики Цанит, а также организовал в конце своей жизни особую касту лам-лекарей, что стало причиной сосредоточения в городе значительного числа лам со всей Монголии. Наплыв учащихся был так велик, что вскоре рядом с храмом Цаниту возник новый район, называемый Гандан.

Позднее, по приказу пекинских властей, в Урге основали отдельное ведомство по вопросам подданных хутухты, то есть шабинаров, а также был назначен монгольский амбань (наместник), который должен был помогать в управлении этим ведомством. В 1761 г. в Ургу назначили ещё одного амбаня, на этот раз маньчжура, для решения дел двух восточных аймаков: Цецен-хана и Тушету-хана. Таким образом, Урга, будучи уже столицей монгольских хутухт, стала также главным административным пунктом страны, отбирая первенство у Улясутая.

Между тем, китайские купцы начали строить свои магазины вблизи хурэ, благодаря чему возник маймачен, то есть торговый город, а позже по их следам пошли российские купцы, и теперь российская фактория образовывает собственный район, тут же около главного хурэ.

Настоящая Урга, располагаясь в огромной долине реки Толы, предстаёт неимоверно живописной. С северной стороны она закрыта хребтом Чингилту-ула, а с юга — прекрасной лесистой горой Богдо-ула (Хан-ула), почитающейся у монголов за святыню. Перед захватом Урги Унгерном, перед ликом Богдо-улы, нельзя было исполнять смертные приговоры, а в лесах этой горы жило много никем не пуганых зверей.

Главной частью города является старый монастырь, так называемый Курень, рядом с которыми находятся административные здания, дома монгольских чиновников, базары и магазины, китайские мастерские и также довольно много домов российских колонистов. На запад от Куреня, почти сливаясь с ним, находится Гандан. Над всеми храмами высится здесь храм Ариабало, выстроенный ламами как жертва, способная возвратить зрение последнему Богдо-гегену. Вокруг Гандана видно множество субурганов. С востока к кореню примыкает российская фактория, и здесь находятся российское консульство, церковь, кожевенный завод, торговая школа, почта, а также несколько десятков домов, далее же, на расстоянии нескольких километров, растянулся маймачен, производящий неприятное впечатление. Улицы маймачена такие узкие, что два всадника с трудом могут разминуться, а вдоль этих улочек тянутся высокие стены и частоколы, как кладбищенские стены. В этих ограждениях тут и там видны ворота, только за этими воротами находятся домики китайцев, магазины и склады товаров. Наиболее оживлённой частью маймачена является базар; здесь полно лотков, закусочных, множество монголов и монголок, крик, смех и суматоха.

Глядя на маймачен, на его искривлённые, тесные и пустые улочки, бегущие в разные стороны, почерневшие стены оград, в которых яркими пятнами выделяются порой богато украшенные резьбой ворота, на маленькие кумирни, где перед статуями карикатурных божеств постоянно горят лампы, глядя на огромное (семь километров длиной и почти полтора шириной) скопление тёмных стен и частоколов, среди которых только кое-где виднеются высокие мачты, признак правительственных зданий, создаётся впечатление, что кишеть там должно от людей, бурлить, как в огромном муравейнике, в это время маймачен почти светится пустырями и всюду за базаром господствует гробовая тишина. Казалось, что это одна из хорошо сохранившихся развалин, так часто встречаемых в Монголии, можно было подумать, что это недавно разыгравшиеся военные события сделали безлюдным этот городской район.

Но это не так. В маймачене живут шестьдесят тысяч китайцев,

но жизнь их протекает внутри домов, отгороженных друг от друга и улиц высокими частоколами и стенами. Китаец, одетый в свой длинный чёрный халат, в войлочные домашние туфли, быстро пересекает улочку, боязливо, как какой-то тёмный призрак, и исчезает одинаково быстро в воротах.

В самом конце маймачена, на большой площади, окружённой кое-где стеной, находится китайское кладбище. Однако это место не является местом вечного упокоения в европейском понимании. Согласно китайскому обычаю, каждый китаец, умерший на чужой земле, должен быть похоронен на родине, поэтому кладбище в Урге является только временным складом покойников, которые должны быть отосланы в Китай. Лежат здесь всегда несколько грубых невзрачных или ярко окрашенных ящиков с останками. Караваны мертвецов бывают отсылаемы только тогда, когда наберётся значительное число покойников, потому что стоимость одиночной высылки была чрезвычайно высока. Поэтому можно себе вообразить, какая страшная вонь присутствовала на кладбище, потому что ящики с заключёнными внутри разлагающимися трупами ожидали транспорта, лежа всё время на поверхности земли, подверженные воздействию окружающей атмосферы.

Во время моего пребывания в Урге, на китайском кладбище лежали несколько десятков ящиков, содержащих жертв войны, которые, наверное, долго должны были ожидать тысячекилометрового путешествия через степи до границ «Срединного Царства».

Иначе выглядит монгольское кладбище.

Им является достаточно большое ущелье, удалённое от города, широкое, окружённое холмами, где в ямах и пещерах обитают псы-грабители. Вся поверхность ущелья завалена тысячами человеческих костей, черепов и различными вещами, сложенными там вместе с умершими. Как уже прежде я вспоминал, монголы не закапывают умерших, а выбрасывают их в степь, однако в Урге, очень многочисленном сосредоточении людей, такая вещь была бы невозможной из-за частых смертей, и нельзя было бы воспользоваться вышеупомянутым ущельем. Когда только немного отдаляются те, что отвозят покойника, сразу же из ям и пещер выскакивает стая полудиких псов-грабителей, и труп тотчас же бывает разорван на части и сожран.

На юге от Урги, на расстоянии трёх километров от города, на другом берегу Толы, находятся два дворца Богдо-гегена, несколько больших храмов, а также полно юрт и домов, занимаемых свитой гегена. К дворцам ведёт длинный деревянный мост, переброшенный через Толу, текущую здесь несколькими

широкими руслами. На берегу реки со стороны города виднеются почерневшие развалины старой китайской крепости, несколько ближе — красивый дворец одного из монгольских магнатов.

Урга, перед покорением её Унгерном, выглядела, с точки зрения чистоты, строго отрицательно. На улицах, полных пыли, лежали кучи мусора, дохлые собаки, человеческий кал (подобно как в Улясутае, монголы и в Урге на самых людных улицах и площадях «садились на корточках»), а во время дождей были там озёра, полные вязкой грязи и омерзительно пахнущие.

Унгерн полностью изменил это состояние: исчезли груды мусора, подметали и поливали улицы, капризная до сих пор электростанция начала работать должным образом, решая проблему освещения улиц. Видны были утром и вечером сотни китайцев и монголов, занятых очисткой города: всяческие отбросы на улице сурово наказывались. Была запущена в работу радиостанция, проведены телефонные сети. Город освободился от нечистот и грязи, засиял порядком и чистотой.

Урга в полной мере отвечала своему названию: Да-хурэ (Большой Монастырь).

Является этот город действительно самым большим скоплением лам в Монголии. Согласно подсчётов, в Урге находятся около двух тысяч лам в двух монастырях: Да-хурэ и Гандане; в 1921 г. было их, наверное, значительно больше. На улицах Куреня и Гандана, в российской фактории, на базарах и около резиденции Богдо-гегена постоянно встречаются жёлтые и красные тэрлики духовенства, мелькают среди толпы паломников стриженые головы и высокие ритуальные шапки. Духовных сановников сопровождает свита из лам менее значительных степеней, масса хувараков и банди скитаются из угла в угол по базарам и магазинам. Толпы паломников устремляются в храмы, к прорицателям и лекарям.

Удивительно выглядит этот город! Какая-то мешанина Востока с Западом. Здесь раскрывают свои объятия богато украшенные резьбой китайские духи храмов, там огромный храм Ариабао в серьёзном тибетском стиле, белеют полукруглые юрты, возле тёмных зданий, крытых жестью, сияют куполовидные крыши храма Майдари и Бурун-ургу, а на восток от них — остроконечные мачты радиостанции и русская церковь. На улицах можно увидеть едущих на лошадях монголов в цветных тэрликах, монголок с фантастическими причёсками, увешанных серебром, в богатых костюмах, обшитых золотом, испачканных бараньим жиром, а рядом пролетает с громким воем серены и глухим ворчанием мотора автомобиль, ловко минуя длинный караван верблюдов, чуть колышущихся под тяжестью вьюков. Через

торговую площадь неторопливо, с песней тянется отряд казаков, а за ними на маленьких приземистых кониках — сотня отлично обученных монголов, одетых в однообразные голубые тэрлики. Толпа бежит смотреть на это зрелище, а среди этой толпы видны монголы, высокие широкоплечие тибетцы, надменные лица чахаров, хитрые смуглые лица сартов, бородатых россиян, бурят, всяческие расы, народности и племена, разнящиеся чертами лиц, одеждой, речью или же только отменным способом сидения в седле.

XXVIII. У БОГДО-ГЕГЕНА — ВОЗВРАЩЕНИЕ В ВАН-ХУРЭ

Мои дела в Урге не требовали много времени, поэтому уже на другой день я поехал во дворец Богдо-гегена, которому должен был отдать письма.

По дороге, ведущей к резиденции «Бога», проходила толпа паломников, каждый хотел дотронуться до шнура, окружающего дворец. Монголы верят, что конец шнура держит в своей руке Богдо-геген и этим путём посылает им благословение, поэтому прикосновение к этому шнуру является аналогичным прикосновению самого гегена. Среди паломников крутятся дежурные ламы, раздавая за оплату красные лоскуты материи, знак совершённого паломничества, или же продают длинные полосы бумаги, исписанные молитвами. Эти бумаги позднее наклеиваются на барабаны молитвенных мельниц.

Богдо-геген, глава ламаизма в Монголии, был 23 реинкарнацией (перевоплощением) тибетского Таранаты вообще и восьмой, живущей в Монголии. Он родился в Тибете в 1870 г. и как пятилетний мальчик, после получения посвящений от Далай-ламы в Тибете, был привезён в Ургу. Официальный титул Богдо-гегена звучит так: Шаджин-Тэру-Хабсын-Барикчи-Нари-Богдо-хан.

Богдо-геген сыграл в политической жизни Монголии очень важную роль, потому что как человек больших честолюбивых устремлений он сильно хотел добиться независимости страны, доставляя много беспокойства Пекинскому правительству. Жизнь его как духовной особы, не шла совершенно в соответствии с догматами религии.

Богдо-геген напивался алкоголем до потери сознания, вёл распутную жизнь, даже, наконец, наперекор религии, предписывающей монахам безбрачие, женился.

Вследствие гулящей жизни он утратил зрение, и тогда ламы поставили это прекрасное святилище Ариабало, как жертву, имеющую цель вернуть зрение «Богу».

Два дворца Богдо-гегена, на реке Тола и в главном монастыре в Курене, были скоплением всевозможных вещей. Занимаясь какое-то время фотографией, он выписывал фотоаппараты разной величины, потом увлёкся граммофонами, аристонами, чтобы через некоторое время заняться хирургией и т. п. Это был человек беспокойный, со слабым характером, «водимый за нос» женой и придворной кликой, которая под боком у владыки могла безнаказанно набивать карманы и занимать самые лучшие

должности. Власть Богдо-гегена была так велика, что он мог менять министров по своей воле, решать самые важные вопросы без участия министров — словом, он имел неограниченную власть.

Монгольское население чтило в нём исполнительную власть, но во сто крат более — воплощение «Бога».

Я вышел из дворца хана Монголии, одаренный талисманом в форме яйца, на котором было выгравировано имя Богдо-гегена, и вернулся на квартиру. Беспокойство, вызванное вестями о приближающихся к столице большевистских войсках, усиливалось всё более.

Многие россияне паковали свои вещи, забирали самое ценное и украдкой исчезали из города. Монголы собирались толпами, обсуждали что-то, приставали к каждому военному, лихорадочно спрашивая, вернётся ли дзянь-дзюнь Унгерн защищать столицу.

Я ужинал с группой офицеров, когда внезапно в комнату влетел комендант города, всемогущий Сипайлов.

Тотчас же умолкли разговоры, и каждый беспокойно обернулся, но Сипайлов не занял место за столом, а объявил каким-то неуверенным голосом, что получил приказ Унгерна тотчас выехать в Ван-хурэ. Я опустил глаза, чтобы полковник не увидел моего удивления, потому что я знал, что генерал должен был послать в Ургу приказ о наказании коменданта повешением. Каким образом произошла эта внезапная смена распоряжений? Только после ухода полковника наш разговор продолжился дальше, одни надеялись, что Унгерн придёт на помощь столице, другие советовали бежать.

Ночью поднялась суматоха. Всюду искали Сипайлова, чтобы довершить его наказание в силу полученного ранее приказа из лагеря генерала. Однако полковник имел хороших шпионов в лагере барона, потому что, узнав заранее о приговоре, он удрал со своим помощником, забрав всю кассу. Для запутывания следов придумал он этот приказ, вызывающий его в дивизию.

На следующий день я выехал в Ван-хурэ, мчась во весь опор. В поселении ощущалось громадное беспокойство, потому что здесь было известно уже о большевистских войсках, приближающихся широкой лавой. Местный хошунный князь Дайцын-ван, скрытый враг Унгерна и Богдо-гегена, и сочувствующий большевикам, желая, по-видимому, завладеть богатыми складами интендантства, организовал вооружённое нападение на коменданта Ван-хурэ, капитана Т. Нападение не удалось и Дайцын-ван вместе с несколькими своими помощниками перешёл в нирвану.

Общая взволнованность не передавалась, однако, ламам,

которые ежегодно отмечая торжество Цам, посетили с процессией часовенки, окружающие хурэ.

Эта процессия имела место при участии толп празднично одетых женщин и мужчин, гарцующих на добрых конях. Из дома одного колониста я имел возможность хорошо присмотреться ко всему.

Во главе процессии шли ужасные маски: льва, тигра и драконов, окружённые скоплением монгольских юношей; эти маски прокладывали себе дорогу плетьми и бамбуковыми палками, и, походя на подворье домов, вымогали дань, состоящую из чая, денег и шёлковых материалов. Далее вслед за масками, представления человеческих страшилищ-гигантов были менее агрессивными, но зато более отпугивающими. Они изображали человеческие грехи. Затем тянулась сдвоенная вереница лам под балдахинами из жёлтой материи. За ними следовали духовные с горящими факелами, в одежде с красными шарфами. Маленькие, учащиеся в хурэ мальчики несли на плечах трубы длиной в несколько десятков метров, в которые дули изо всех сил могучие мужчины, издавая мягкие басы. Середину процессии занимал алтарь колоссальных размеров, блестящий в лучах солнца золотыми украшениями и передвигаемый вручную на низкой повозке несколькими десятками лам. Между роскошными скульптурами возвышалась статуя Будды и символические знаки луны, окружённые множеством драконов и страшилищ. У подножия статуи сидел седой и почтенный геген, душа и мудрость хурэ, одетый в ниспадающую жёлтую шёлковую одежду, обрамлённую золотистой парчой. На голове он имел жёлтую шёлковую шапку, подобную драгунской. Его окружал ароматный дым ладана, который он сам сыпал на тлеющие угли. Ламы наивысших степеней, одетые в шапки, подобные шапке гегена или богато вышитые береты, окружали алтарь. За повозкой следовал оркестр, состоящий из пищалок, флейт и бубнов, издавая шум, во сто крат более ужасный, чем «кошачья музыка», однако доставляющий заметное удовольствие слушателям. Конец процессии составляли сомкнутые ряды всадников, одетых в праздничные народные одежды.

После окончания торжества состоялись конные скачки и состязания борцов, а также стрельба из луков, этого традиционного оружия монголов. Я поражался, глядя, с какой скоростью и точностью вонзались стрелы в глиняные головы китайцев, находящиеся на расстоянии пятидесяти шагов.

В этот же вечер прибыл в хурэ сотник Шилов, посланный бароном для вступления в должность командира одного из отрядов Казагранди. На следующий день есаул Павельцов привёз

мне приказ о возвращении в дивизию, и заодно поручение о выезде в Шаби вместе с семьями всех военных из отряда Унгерна. Большевистские войска были уже похоже около уртона Барготай и заняли Фанзу двумя бригадами пехоты. Эти неблагоприятные известия рассеяли собравшуюся у виновника торжества горстку гостей, а меня склонили к срочному выезду в сопровождении казака и проводника.

В дороге я встретил интендантский обоз под командованием поручика Баранова, спасающийся бегством от большевиков в сторону хурэ Цецен-хана.

В лагере, куда я приехал после полуночи, царило большое движение: переправляли большую бригаду на левый берег реки. По причине уничтожения моста в результате недавнего ливня, приходилось на плотах перевозить муку, сахар, амуницию и пушки. Переправа прошла удачно; только утонули около десяти китайцев, унесённых течением реки. Вручая генералу рапорт о прошедшей поездке, напомнил я, что в Урге ожидают помощи, но барон, глядя на меня почти весело, произнёс:

— Знает ли пан предсказание, которое вынуждает меня идти вглубь Забайкалья?

— Нет.

— А в таком случае выслушайте меня: придёт с севера белый человек, а глаза его будут как кусочки льда. Пройдёт по земле, как огонь и смерть. Это будет бог войны, который даст счастье и спокойствие монгольским народам. Чтобы это предсказание исполнилось, я должен идти не в Ургу, а залить кровью Забайкалье — так как оттуда придёт Бог войны, — произнёс барон, и глаза его заблестели фосфорическим блеском.

На следующий день переправили ещё крупный рогатый скот, что заняло массу времени, так как только овец можно было везти паромом, остальная тысяча голов должна была перебираться вплавь. Не получалось всё гладко, многократно обоз поворачивал назад или его сносило водой. Наконец, с небольшими потерями, удалось достигнуть другого берега. Сам Унгерн в окружении штаба преодолел переправу на конях. Внезапно конь одного монгола начал тонуть, потянув за собой наездника. Генерал, будучи превосходным пловцом, поспешил ему на помощь и в полубессознательном состоянии вытащил монгола на берег. После переправы на другой берег реки приступил я тотчас же к изготовлению газовых снарядов и взрывчатых мин, испытания которых дали отличные результаты.

В это время весь лагерь готовился к военному походу, и движение было заметно во всех отрядах.

В это время был обнаружен большевистский заговор,

организованный в дивизии индивидуумом, выдающим себя за поляка, доктора Езерского. Это был обычный аферист; после проведения следствия он был расстрелян вместе с сообщниками.

Одновременно прибыло посольство от Далай-ламы из Тибета с богатыми дарами. Тибетцы были высокого роста, с благородными чертами лица, особенно красивыми были их чёрные глаза. Они отличались от монгольских лам густыми, причёсанными чёрными шевелюрами, которые стягивались серебряными пряжками.

Новые гости, с которыми я быстро завязал дружбу, предложили мне совместный выезд в Лхасу и обещали мне должность при дворе Далай-ламы. Так как барон не протестовал, радовался я этому неимоверно, так как имел бы возможность достичь сердца тайн, закрытых от глаз обычных европейцев. К сожалению, в день отъезда тибетцев барон запретил мне покидать лагерь из-за отсутствия другого специалиста.

Я получил от моих новых приятелей только ценные подарки. Наши монголы окружали тибетцев неимоверным поклонением. Сонмы поклонников умоляли их об лекарских консультациях, ворожбе или благословлении. Падали ниц и целовали край их одежд.

Однажды пришло известие, принесённое беглецами из столицы, о взятии Урги. Барон день ото дня становился всё более нервным, постоянно менял начальников штаба. Полковника Львова посадил на двадцать четыре часа на гауптвахту, Томашевского избил ташуром и отослал в полк.

Дольше всех держался на своей должности полковник К.

Начальником штаба у генерала Резухина был полковник Островский.

Любовь солдат к нервозному барону ещё не ослабла, хотя они и побаивались его, как огня.

XXIX. В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ

Неожиданно однажды ночью протрубили тревогу. В течение часа выступили кавалерийские полки, артиллерия, стада и, наконец, тыловое охранение. Я со своим газово-подрывным отрядом должен был ожидать специальных приказов. Спустя несколько часов оказалось, что тревога поднята для проверки готовности войск. Двумя днями позже выдвинулись мы действительно в сторону Дзуну-Джасак, где уже наше переднее охранение вело бой с большевиками. Я прибыл туда с третьей батареей, под командой капитана О., и состоящей из двух отличных орудий Арисака и обеспеченной крупповской амуницией.

Заняв указанный бароном пункт, отправились мы выбирать место для наблюдения на одном из окрестных холмов. Пушки «красных» вели сильный прицельный огонь по спешенной коннице, пулемёты секли её градом пуль. Однако капитан О. точными выстрелами вынудил стрелковые цепи большевиков к отступлению и смене позиций орудий. Пользуясь этим, наш первый полк бросился в атаку. Встреченный густым залпом карабинов, не испугался, а, налетев на большевиков, начал сечь их белым оружием (саблей). Под напором казаков пошатнулись колонны большевиков, но тотчас же они получили помощь всей бригады. Угрожающую ситуацию спасла шрапнель первой батареи поручика Балка, спокойствие и хладнокровие которого внесли свой вклад в спасение полка. Однако неожиданный прорыв врагом левого крыла китайского дивизиона и заход к нам в тылы — склонили победу на сторону красных. Битва перешла в кровавую убийственную бойню, окончательным результатом которой стал захват китайцами большевистских пушек. Одновременно битва, происходящая на правом фронте, принимала для нас угрожающий оборот. Разгром китайского дивизиона вызвал панику в рядах унгернцев, побежавших в переполохе под натиском врага. При виде близкого поражения, барон, во главе славной пятой сотни оренбуржцев, бросился в атаку, возрождая силу духа в объятых паникой шеренгах. Ситуация была спасена. Битва под Дзуну-Джасаком закончилась полным поражением большевиков. От пленных узнали мы, что генеральский штаб Пятой армии был так уверен в поимке барона, что заняв войсками все дороги до российской границы, праздновал уже 3 июля 1921 г. в Иркутске торжество победы над Унгерном.

После битвы, сразу же вечером, двинулись мы на запад от

Селенги, направляясь к горам, покрытым лесами. Мы шли затяжным маршем вплоть до следующего полудня, задержавшись только на трёхчасовой отдых в полночь. Оказавшись в безлюдной местности, на бездорожьях, и пользуясь близостью окружающих нас болот, спокойно отдыхали мы целые сутки. Раненые были отправлены в Дзаин-шаби, но большевики перехватили их в дороге, сопровождающих вырезали, раненых же вместе с повозками побросали в Селенгу. Печальную эту весть подтвердил возница, единственный спасённый монголами.

Отдых дивизии прервало известие о большевистской погоне. Стало быть двинулись мы вперёд, мчась день и ночь, отдыхая едва по несколько часов в сутки. Взбирались мы длинной змеёй среди гор и лесов, то снова спускались в долины.

Во главе следовала вторая бригада генерала Резухина, в качестве авангарда, далее тянулись табуны коней, стада коров, отары овец, за ними же — дивизионы: монгольский, китайский и японский с сотнями казаков, интендантство и госпитали. Артиллерия и газовый отряд шли впереди полков первой бригады, замыкающей колонну. Арьергардом командовал есаул Забиякин, а на флангах мчались разведывательные отряды монголов.

Вступив в горы, мы передвигались очень медленно. Огромные леса задерживали переходы. Единственными живущими существами, каких мы встречали здесь, были стада быстроногих оленей и важно шагающие медведи.

Дороги среди высоченных сосен и кедров должны мы были вырубать топорами и убирать громадные стволы, сваленные сильными ветрами и бурями. В ущельях нужно было прокладывать над пропастями мосты, более мелкие бреши и расщелины засыпать валежником и щебнем, скалы — разрывать динамитом. В некоторых местах пушки перетягивали на канатах или переносили. Ломались возки и рвалась упряжь, люди заливались потом, однако никто не роптал и не колебался. Сломанные части заменяли новыми, а солдаты с улыбкой делали колоссальные усилия при виде вождя, воля которого была для них превыше всего. Сам Унгерн находился повсюду, неоднократно принимая активное участие в перемещении возов и орудий. Наиболее трудными были переправы через вязкие болота, в которых кони напрасно дёргали неподвижные возы.

Наконец, после четырёхдневных усилий добрались мы до широкой долины, покрытой сочной травой. Коней и верблюдов пустили на пастбище, солдатам же был дан приказ вернуться назад и, по мере возможности, привести в негодность пройденный недавно тракт, чтобы сделать погоню невозможной.

Двое следующих суток посвятили мы отдыху, а также ремонту упряжи и мундиров, чтобы снова со свежими силами двигаться дальше. К сожалению, на следующий день наткнулись мы на непреодолимое препятствие в виде трёхвёрстовых болот. По приказу генерала отправился я исследовать топь. Эта разведка едва не закончилась катастрофой. Мой верховой конь утонул в болоте, мне же только с трудом удалось спастись. Долго советовались мы по поводу способов переправы, пока, наконец, не пришла мне в голову идея строительства моста из фашин, то есть прутьев ивы и валежника, связанных в охапки. Три тысячи человек рубили саблями прибрежные кусты, а несколько сотен казаков тянули из леса толстые стволы деревьев. С большой осторожностью пустили мы первую сотню через временный мост, который оказался настолько стойким, что через него прошла вся дивизия. Арьергард забрал с собой фашины, которые сожгли на берегу. Большевикам не удалось перебраться через болота так счастливо, как нам: часть их пехоты и несколько пулемётов исчезли в предательской глубине топи.

Окрестность, в которую мы теперь въехали, была уже менее гористой и очень плодородной. Мы миновали бурятские улусы, и даже встретили хутор, заселённый забайкальскими казаками. Дойдя до реки Джиды, задержались мы на два дня. Появилась у меня тогда возможность провести чудную звёздную ночь на берегу реки, среди аромата трав и елей, вслушиваясь в шум лагеря, разговаривающего на всех языках Востока. Дежурные офицеры разместили отряды на берегу быстрой и глубокой Джиды, сотни заросших казачьих лиц перемещались в блеске разожжённых костров, а китайские халаты фантастически развевались в светлом блеске луны. Вечерняя суета господствовала у костров, забивали скот, кипятили воду для чая, на офицерской стоянке готовили ужин. По запаху печёного мяса можно было различить место лагерных стоянок: татары пекли жеребёнка, монголы жарили бараний жир, китайцы приправляли кореньями свой варево, россияне варили бульон, буряты снова пекли мясо на золе костра, облизывая окровавленные ладони. Неожиданно вызванный к генералу поручиком В., я не успел поужинать. Когда возвращался, дивизия совершала вечернюю молитву. Россияне возносили молитвы за будущего царя и «владыку России», китайцы пискливо повторяли непонятные выражения с припевом слова «Хо», мусульмане мрачно заводили «Аллах-Акбар, Аллах-Акбар», японцы и монголы мелодично взывали к Будде, глядя на светящуюся луну. Постепенно стихли молитвы, громкий гомон переходил в шелест. Наконец, погасли костры, и воцарилась тишина, изредка прерываемая сигналами

патрулирующих отрядов. Перед моими глазами возникла картина недавно минувшей большой войны. Там цивилизованные люди, лёжа в окопах, проклинали судьбу и глумились над Богом, заливая боязнь смерти водкой, здесь же полудикие обитатели Востока после тягот и лишений битвы воздавали почести своим богам и, доверяясь их опеке, спокойно ожидали неведомого завтра.

В то самое время, когда весь лагерь погружался в глубокий сон, когда с ближайших пастбищ долетало заглушённое всхрапывание пасущихся коней, в единственной палатке не спали: у горящего костра сидел полураздетый барон и с напряжённым вниманием изучал карты, намечая план марша на следующий день.

Несмотря на озлобленные версии о кровавом бароне, более близкое общение с этим необычайным человеком вызывало глубокое уважение. Он импонировал силой воли, учтивостью и непоколебимо отвагой, которая поддерживала даже самых последних трусов.

Унгерн, сам очень зажиточный, не извлекал для себя пользы из богатства, жертвуя все деньги на борьбу с ненавистными большевиками. Собственные потребности он ставил на самое последнее место, думая, прежде всего, о солдатах и офицерах. Порой мы задавали себе вопрос, когда командующий спит. Барон имел такое железное здоровье, что ему было достаточно несколько часов сна в седле. Ежедневно, утром и вечером, он купался; независимо от поры года ходил в шёлковом белье, а всю верхнюю одежду составлял ему жёлтый ханский тэрлик. Питался он бараньим мясом в полусыром виде, не пил водки, в то же время страстно попыхивал трубкой.

В собственных страданиях не делал себе одолжения. Пулю, которой он был ранен под Троицкосавском и которая мешала ему везде, он вынул сам удачно с помощью маленького ножика; однако этот сильный человек был суеверным. Из гаданий окружающих его лам черпал он предсказания на будущее. Вероятно, сами ламы предоставляли ему информацию о большевиках, получаемую, в свою очередь, от бурят.

В отношении к подчинённым барон был суров и требователен, очень ценил людей смелых и готовых к опасности, к трусам относился презрительно.

Щедрость барона по отношению к людям доблестным и заслуженным не имела границ. Не требовал он никогда квитанций за совершённые закупки, но в случае самого малейшего злоупотребления — был беспощаден. За самую малейшую неточность собственноручно наказывал палкой. Бил

офицеров и солдат, считая эту систему наказания самой короткой и самой лучшей. Не много особ пользовались благосклонностью барона; к таким исключениям принадлежал я, а также полковник К. Унгерн чрезвычайно ценил поляков, порой говорил, что с тысячью польских солдат прошёл бы он Россию от Иркутска до Петрограда, но с трусливой, подвластной ему бандой, не дойдёт он даже до Верхнеудинска и погибнет, благодаря беспомощности своих офицеров. Это предсказание исполнилось двумя месяцами позже.

Дивизия, подкреплённая отдыхом, двинулась дальше. Вблизи российской границы встречали мы много бурятских улусов. Наконец, однажды мы перешли границу. С вершины гор перед нашими глазами предстал прекрасный, давно ожидаемый вид. Широко расстилались тёмно-зелёные леса, перерезанные серебряной линией Джиды и оживлённые маленькими озерцами. Это была Россия, в которую возвращались казаки-изгнанники. На многих лицах было видно настоящее волнение, послышались воспоминания о кровавой большевистской несправедливости: этот показывал место, где были убиты его родители, тот вспоминал обесчещенную сестру. Крепко сжимались ладони около рукояти сабли, а глаза пылали ненавистью и болью.

На следующий день после выхода на равнину мы встретили казачий хутор, обитаемый несколькими седыми стариками, радость которых при виде «белых» не имела границ. Наши разведчики, переправившись через Джиду, окружили станицу Джидинское и начали искать партизан Щетинкина и Якимова, но напрасно. Около станицы Хулдацкая в наши руки попал автомобиль с надписью «Комиссары по поставке мяса для армии». Арестованные комиссары не хотели верить, что находятся в руках Унгерна. Удивлённые, они показывали военные сводки большевистского штаба в Иркутске, в которых штаб доносил о полном разгроме войск Унгерна на территории Монголии, где якобы был расстрелян и сам «кровавый чёрт».

Переправив всю дивизию через Джиду, мы двинулись вдоль её берега форсированным шагом. В одном месте мы нашли следы трофеев комиссара Якимова и несколько сотен верблюдов. По дороге к нам присоединились буряты, как друзья и проводники.

В нашем торопливом, изнуряющем марше было немало приятных и радостных минут. Все деревни высылали нам встречающих, несущих молоко, хлеб, яйца. Население, щедро вознаграждаемое за свои дары, не могло нарадоваться звонкой монете. Эти бедные жители «большевистского рая» были наполовину нагие. Представители власти забрали у них одежду и инвентарь, они не имели даже зерна на еду и для посева в

достаточном количестве. Всё было реквизировано. За малейшее сопротивление грозила смерть, конфискация имущества и поджог хозяйства. Женщин и несовершеннолетних девушек насиловали, мотивируя это тем, что они являются «достоянием государства», то есть его собственностью.

Церкви стояли ограбленные и пустые. Некому было отправлять богослужения, так как попов сослали на каторгу. Вечером, когда после принудительной и неоплачиваемой работы, селяне возвращались домой, им было велено петь интернационал или другие революционные песни. Дома чиновников и сочувствующих большевикам отличались зажиточностью и даже роскошью. Создавали впечатление складов одежды, обуви, продуктов питания и, наконец, предметов роскоши, награбленных в церквях и домах «помещиков». Я видел забавное применение «красными» некоторых неизвестных им предметов обихода: в доме окружного комиссара в серебряном сосуде с епископской митрой стояли помои, а в фаянсовой «чашке» с рукояткой… собиралась сметана.

Большевики убегали при известии о приближающихся войсках Унгерна. В деревне Алексинская мы нашли огромные склады товаров, керосина, железа, 75 пудов оружейного пороха и полтора миллиона капсюлей. Необходимое полотно, технический инструмент и горючие материалы взяли мы для дивизии, остальные же предметы раздали населению.

Теперь наступил период ночных маршей по 50–70 вёрст ежесуточно, среди гор, лесов, болот и распадков. Вероятно, один Унгерн шёл так быстро, несмотря на обозы, возы и скот, влекомыми за собой, вопреки всем принципам тактики, вместе с конницей. Поход барона можно было приравнять к переходу Суворова через Альпы, лишь только с той разницей, что там находились в опасности только тылы, когда в это время здесь опасность подстерегала со всех сторон, и нужно было сражаться со стотысячной большевистской армией. Поход Унгерна решительно превосходил «ледовый переход»[26] армии генерала Каппеля через Сибирь и Верхнеангарскую тайгу.

Перебравшись через горы и реки, среди этих ночных походов, дивизия Унгерна оказалась в краю бурят. Начались мелкие схватки с большевиками, в которых мы забывали о нечеловеческой усталости. Перед прибытием на более длинный постой в бурятский хутор, мы были вынуждены разобрать автомобиль, по причине отсутствия бензина, и оставить его в степи. Во время, когда все отдыхали, только единственная палатка барона обнаруживала оживление и напряжённую работу. Однако наше спокойствие нарушил аэроплан, при виде которого

— насколько это было возможно — мы старались, при помощи скошенной травы, замаскировать присутствие дивизии. Выдавали нас пасущиеся стада лошадей, но отделяющая нас высота затрудняла взаимное распознавание. Поручик В. послал в сторону самолёта гранату, которая едва не разбила аппарат, после чего аэроплан с глухим ворчанием полетел в сторону Мысовой. В этот же самый день мы свернули обоз, направляясь через степи в сторону деревни Новодмитриевки. Ночь была такой холодной, что войска шли пешком, ведя коней на поводу. В воздухе чувствовалась приближающаяся битва, о чём свидетельствовали смеющиеся лица казаков, мчащихся вперёд с пулемётами. Когда утром остановились мы около деревни, то застали нашу дивизию, сформированную под защитой пулемётов и отцепленных орудий. Вдали слышались нерегулярные залпы карабинов. Заняв предназначенные нам позиции, заметили мы уже трофеи в виде пленных и обозов, а в окопах врага — трупы.

По виду неприятельских фортификационных сооружений можно было сделать вывод, что ожидали они тяжёлого столкновения, считая всего вероятней унгернцев за серьёзного и грозного противника. Окопы для пехоты были глубокие и усилены песком, камнями и деревом. От окопов шли удобные переходы в направлении строений и пулемётных гнёзд, которые были настоящими фортами. Позиция была сильной, но не было в ней души.

Село казалось безлюдным, всё, что жило, спряталось в погреба. Тут же за деревней тянулись обширные пастбища, на которых расположилась наша дивизия. У подножия этой возвышенности простиралась громадная котловина, открытая с южной стороны, с севера же и востока заключённая в раму гор. Котловину перерезали многочисленные ручьи, впадающие в реку Темник. На склонах виднелись хутора с деревянными постройками, заселённые оседлыми бурятами, которые, оставив кочевую жизнь, возделывали землю, разводили коней и скот, продавая его потом в Иркутск.

В момент, когда я изучал в бинокль окрестность, котловина была территорией ожесточённого боя между казачьей сотней и «караульным» советским Иркутским полком для «специальных поручений». Котловину замыкали наши японские сотни с пулемётами. Большевистские отряды (сами коммунисты) хотели прорваться к Мысовой, но под убийственным огнём отступали в сторону Гусиного Озера и там попали в засаду. Теснимые Третьим Полком со стороны Дмитриевки, рассеянные в пехотные цепи, они начали битву на три фронта. Сопротивление не продолжалось долго, перед лицом действия наших пушек и

пулемётов, и особенно атакующих сотен, красные пытались сдаться в плен. Однако, поняв, что не получат они пощады, погибли геройски, с песней на устах. Обычно мобилизованные большевистские отряды не отличались таким мужеством, особенно комиссары бежали без оглядки с поля битвы, а попав в плен, на коленях умоляли сохранить им жизнь. В этот раз из целого полка удалось убежать едва 14 комиссарам, остальные же остались лежать, порубленные саблями или убитые пулями, издалека сверкая новым красивым обмундированием. Иначе выглядел мобилизованный рядовой: в старой одежде из мешковины, а обтрёпанном плаще, в дырявой обуви воевал и погибал он за великие большевистские идеи, провозглашающие счастье и благо пролетариата. На изнурённых лицах большевистских солдат выражалось отчаяние и безумие. Этих унгерновцы не добивали. Взятые силой из хат семнадцатилетние парни, обученные в Томске и Кургане, оказались не в состоянии противостоять холоду и голоду, принимая близко к сердцу принципы коммунизма, которые им навязывали силой. «Комрот» — командир роты и «политрук» — политический руководитель, были хозяевами их жизни и мысли. Слово «комиссар» было для них самым большим устрашением и угрозой. Эти бедняки, накормленные и приведённые в порядок «белыми», со слезами на глазах благодарили, говоря:

— И всё-таки говорили комиссары, что вы с живых людей обдираете шкуру…

Много легкораненых умоляли о приёме в рядовые для отмщения за недавние несправедливости.

Таким образом, первая наша стычка в России оказалась победной. Она принесла трофеи в виде 12 пулемётов, массу патронов, более десятка телефонных и телеграфных аппаратов. Английские ящики с новейшими карабинами с датой «1920 год» сообщали, что Ллойд Джордж, приостановив подвоз амуниции в Польшу, однако оказывал поддержку большевистскому нашествию…

Интересны были найденные сводки большевистских газет, которые сообщали об уничтожении Унгерна, превознося вместе с тем мужество Пятой советской армии, а также умение, с каким была ликвидирована банда «кровавого генерала». Таким образом обманывали большевики собственных граждан и целый мир. Так обманывают всех и сегодня.

XXX. БОИ ОКОЛО ГУСИНОГО ОЗЕРА И ВОЗВРАЩЕНИЕ

Одержав победу, мы отдыхали на равнине под Новодмитриевкой в течение двух дней. Ожидало нас разрешение трудной проблемы, а именно — как организовать поход, чтобы избежать гравия, режущего копыта наших не подкованных лошадей. Потому что в Монголии совершенно не используют подков. Наконец, мы решили продвигаться берегом реки Темник, заросшим мягкой травой.

Благодаря облачной погоде, нас не заметили аэропланы, позволяя дивизии идти без помех вперёд. Пройдя семь километров, остановились мы на постой в маленькой бурятской деревеньке, где переждали в уютных палатках проливной дождь. Вечером мы снова двинулись дальше, но вскоре задержались для обхода тылов большевистской бригады, под прикрытием безумствующей бури. Эта бригада стояла в Дацане у Гусиного Озера, на дороге в Селенгинск. Собственно, эту дорогу должны были перерезать ей наши полки. В этот же вечер я был вызван к генералу, который сидел в палатке, склонившись над картами — в обществе штабных офицеров и лам. Барон был весел, потому что гадание на бусинах ламаистских чёток предвещало разгром большевиков в течение двух часов, и барон свято верил, что так и произойдёт.

В шесть утра двинулись мы вдоль Темника, после чего переправились вброд на левый берег и пошли степью.

Большевиков не было видно, царила глубокая тишина, и только перерезанные окопами дороги свидетельствовали о намерениях врага. Только около восьми часов утра послышались отзвуки большевистской артиллерии, а потом всё более отчётливый треск пулемётов. Наши молчали. По приказу барона обозы, госпитали и артиллерия должны были выступить вперёд в пяти километрах от Дацана, чтобы привлечь внимание неприятеля.

Такой приказ показался нам безумным, однако мы выполнили его безропотно. Едва мы оказались на открытом склоне горы, нас начали поливать адским огнём. Сначала снаряды ложились слишком близко или слишком далеко, но уже шестой снаряд упал в середину колонны, убил адъютанта и двоих ординарцев генерала Резухина. Дальнейший обстрел вызвал полную панику. Тягловый скот разбегался в переполохе, переворачивая возы и разрывая упряжь, распоротые мешки с

мукой поднимали белый туман. Мои же возницы, опасаясь взрыва газов, убежали. Среди суматохи и проклятий, спустились мы с несчастливой возвышенности в расщелину гор, которые огромным валом тянулись вплоть до озера. Только теперь мы смогли разместить артиллерию. Наша батарея была установлена в полутора километрах от первых домов Дацана, откуда в бинокль было видно позицию и передвижения большевиков.

Мы оказались хозяевами ситуации. Первой гранатой мы разбили зарядный ящик большевиков, взрыв которого уничтожил обслугу. Затем наши снаряды проредили стрелковые цепи, разгромили пулемёты. В рядах врага началась паника, увеличивающаяся под натиском атакующих казаков. Одни бросились между строениями Дацана, другие, намереваясь убежать Селенгинской дорогой, попали в руки поджидавшего их китайского дивизиона.

Когда битва приближалась к концу, мы направились в сторону Дацана, то есть бурятского монастыря, расположенного на юго-западной стороне Гусиного Озера. Это озеро растянулось на пространстве длиною двадцать пять километров и шириной пять километров.

Многочисленные строения монастыря выдержаны в российском стиле, только кирпичная кладка храмов выполнена в монгольских традициях.

Дацан является в некотором роде торговым пунктом бурят, центром культуры и цивилизации. Основой торговли здесь является рыболовство. Озёрные глубины дают рыбу в большом количестве, поэтому сюда стягиваются купцы со всей России. Большевики силой захватили под свой контроль и эти средства существования. Был назначен специальный гарнизон, который во время, свободное от боёв с «белыми», должен был заниматься посолом рыбы и доставкой её в полки.

В момент нашего нападения, охрана Дацана была усилена вспомогательным батальоном, двумя горными орудиями и дивизионом, состоящим из 24 пулемётов.

Большевики, зная о разгроме под Новодмитриевкой, укрепились весьма предусмотрительно. С северо-запада они бросили через каждые пятьсот шагов ряды окопов, укомплектованных пулемётами, и пулемётные форты. С запада их защищали болота и топи, с востока озеро, а с юга песчаные дюны. Эта сильная крепость давала доступ только с севера, но и здесь при наличии трёхкилометрового открытого пространства, большевики имели огромные шансы на успех.

Барон Унгерн, детально зная район боевых действий, перевёл наши главные силы через болота и спрятал их в ивняке,

китайский же дивизион на гобийских конях перебрался через пески и перегородил «красным» дорогу на Селенгинск.

Для маскировки штурма с севера, Унгерн выдвинул обозы на обстрел артиллерии и, прежде чем большевики разобрались в маневре, казачьи сотни уже сидели у них на шее. Неожиданная атака с запада вызвала окончательную панику большевиков, которых артиллерия Унгерна прицельными выстрелами лишила возможности воспользоваться орудиями. Таким образом, большевики беспорядочно убегали, одни бросались, ничего не видя, в болота и озеро, другие умоляли о помиловании. Когда, однако, казаки, не предчувствуя коварства, приблизились к ним, были встречены выстрелами коммунистов. Ответ казаков был страшным: все большевики были безжалостно зарублены. Сам Дацан не был повреждён, только несколько крыш пострадали от пуль и были ранены несколько лам. Под стенами домов, в лужах воды, лежали множество раненных большевиков. На улицах стояли двуколки, наполненные имуществом комиссарских жён. Поодаль, на рынке, стояли возы с телефонными и телеграфными станциями, с пятьюдесятью километрами провода и богато укомплектованными полевыми кузнями.

Громоздились ящики с патронами всяческих оружейных систем, сотни людей плавали в крови, рядом лежали убитые лошади. Вся площадь в буквальном смысле была изрыта орудийным огнём. Постройки, расположенные у озера, охватил пожар, а из густой грязи торчали руки и ноги утопленников. Орудийные позиции представляли картину настоящей жатвы смерти; там лежали оторванные органы людей и животных. Были захвачены около пятисот пленных, не считая раненых. Те были отданы под опеку фельдшера и обильно снабжены пищей, более здоровых, согласно их желанию, включили в армию. Это были, главным образом, люди, которых к действительной военной службе у большевиков принудили насильно. В это же время более десяти комиссаров, как и «настоящих» коммунистов, расстреляли далеко за лагерем. Ночь после победы была шумной и оживлённой, готовились к последующему походу. По приказу барона я заменил имеющееся оружие на российское, остальное же, в количестве 2300 карабинов и 12 пулемётов Максим, я закопал, предварительно приказав завернуть их в полотнище, пропитанное смолой, а место захоронения оружия обозначил на карте для более лёгкого его обнаружения. Погибшим товарищам воздвигли мы братскую могилу. Было их: тридцать казаков, двое японцев, более десяти монголов и китайцев; четверых офицеров, в полном вооружении, со всеми орденами, похоронили мы после отпевания и погребальных залпов. Мы присыпали крест землёй,

чтобы большевики не уничтожили ненавистного для них знака.

Пленных отпустили на свободу с предостережением, чтобы они никогда не попадались с оружием в руках на пути дивизии.

Колонна барона Унгерна направлялась на Селенгинск таким образом, что бригада генерала Резухина шла впереди, чтобы подготовить район боевых действий, наша же бригада, передвигаясь медленно, вылавливала обозы и большевистских коней, которые, выпасаемые на обильных пастбищах, шли под седлом с большими причудами.

Недалеко от Селенгинска мы получили известие от генерала Резухина, что после бегства большевиков, он занял этот город без сопротивления. Таким образом, мы приостановили колонну, разместившись в деревне Арбузовской. Вечером прибыл генерал Резухин с ценными трофеями, состоящими, главным образом, из взрывчатых материалов. В порту были найдены в больших количествах селитра, динамит, бикфордовы шнуры и электрические детонаторы Мейера. Кроме того, наши кузницы обогатились значительным количеством подков, а мастерские — английским инструментом. Жалели мы только, что Резухину не удалось занять Селенгинск тремя днями ранее, потому что смог бы он добыть четыре пушки и два речных судна, которые, после обмена их на канонерки, дали бы нам господство на реке.

В целях воспрепятствовать навигации большевистских войск, в самом узком месте реки я поставил подрывные мины.

Вскоре после этого дивизия остановилась на расстоянии шестидесяти километров от Верхнеудинска. Мы были уверены, что будем брать город, или же форсированным маршем направимся в Читу. Однако барон молчал.

Неожиданно я получил приказ о выступлении в Прибайкальские горы с пятьюдесятью казаками, снабжёнными взрывчатыми материалами. Целью экспедиции было уничтожение железнодорожной линии у Байкала, разрушение железобетонных тоннелей, чтобы засыпать горной породой железнодорожный путь.

Для ориентации в этом опасном районе я добыл отличные ситуационные карты.

Когда, спустя два дня, после сформирования отряда с капитаном О. во главе и всяческих приготовлений, я ожидал приказа о выступлении, барон Унгерн вызвал меня к себе и известил об изменениях в программе действий. Во избежание окружения большевистскими силами, вся наша дивизия должна была немедленно возвращаться в район Новодмитриевки, отступая за Темник перед прибытием двух дивизий врага, которые в течение 38 часов должны были замкнуть опоясывающее

нас кольцо. Теперь всё зависело от поспешности, поэтому мы мчались к Темнику рысью.

Мы ехали степью, растянувшейся вплоть до Верхнеудинска, замкнутой на севере Байкальскими лесами и горами, на востоке же — рекой Селенгой. На южном рубеже степи тянулись горы и леса, в которых скрывались отряды Щетинкина и Якимова. Большевики хотели воспользоваться условиями района, опасаясь нас со всех сторон. От Муринска приближались две дивизии пехоты и одна — кавалерии с шестнадцатью дивизионами артиллерии, с запада от Аксаковской — две дивизии пехоты с семью полевыми российскими орудиями. От Верхнеудинска спешили, наконец, два корпуса с бронированными автомобилями и самолётами. На Селенге разместился флот канонерок, а на её берегах — летучие артиллерийские отряды, которые должны были перегородить переправу. Мы же, отрезанные таким образом со стороны Темника, должны были брести в тайге и там, у Байкала, наступил бы, несомненно, разгром дивизии в соответствии со словами: «Nec Hercules contra plures» («Несть Геракла против многих» — *прим. ред*).

Идя стремительным маршем, мы многократно воспользовались большевистской телеграфной линией, подавая советскому штабу фальшивые сообщения о передвижениях нашей дивизии, после чего уничтожали провода. Переправившись через Темник, мы имели выбор: или направиться на восток или север, или же прорваться через большевистскую дивизию и скрыться в горах Монголии. Однако барон хотел битвы с врагом, поэтому, остановившись под Новодмитриевкой, приказал войску ожидать врага в засаде.

Битва, начатая на рассвете, продолжалась с переменным успехом в течение целого дня, наконец, вечером одна большевистская дивизия отступила, обнажая орудийные позиции, 113 Бригада погибла, выкошенная огнём наших пулемётов. Когда наша кавалерия, атакуя, добралась до орудий, неожиданно показались два бронированных большевистских автомобиля, поражающие огнём пулемётов и несущие смерть не только нашим, но и своим собратьям. Бешеная конная атака оренбуржцев на атакующие броневики вынудила изумлённых большевиков к отступлению на значительное расстояние, с которого началась контратака. Победа, однако, осталась на нашей стороне: потери в людях были невелики, зато пало много коней. К сожалению, в результате атаки бронированных автомобилей мы оставили захваченные орудия и отступили назад, одна бригада пошла на север, охраняя обозы и госпитали, другая сдерживала в это время наступающего врага.

Ночью эта бригада догнала нас, приведя множество пленных. Между ними находился организатор наступательной акции 113 Бригады, начальник штаба одной дивизии во времена польско-большевистской войны, кавалер железного немецкого креста и красной большевистской звезды — капитан Майер.

XXXI. ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОНГОЛИЮ

Пройдя 20 километров, дивизия повернула на запад, входя в лабиринт гор и лесов, где громоздились развалы скал и стволов деревьев. Царила кромешная темнота, а в довершение всего — злой проливной, хотя и короткий, дождь вымочил нас до нитки. Идя среди луж грязи, по узкой тропе, задержались мы перед громадной вертикальной горой, ища проход. Короткий приказ барона Унгерна: идти прямо — прервал всяческие колебания.

Много трудных переправ было у нас, но эта превзошла все предыдущие. В течение целой ночи перетягивали мы на верёвках и переносили на плечах взрывчатые материалы, орудия и всех раненых; только погожее и солнечное утро застало нас на вершине горы. Однако, несмотря на колоссальную усталость, никто не прекращал работы. Спуск был во много раз легче. На равнине мы ехали дальше без отдыха, хотя не только люди качались в сёдлах, но и кони уставали. Мы были вынуждены запрягать в орудийные упряжки верховых лошадей, потому что обозы с запасными лошадьми были далеко впереди. Счастливо, однако, доехали мы до обширной долины, покрытой бурятскими домишками.

Наконец, смогли мы разбить биваки и поговорить о недавней битве. У костров и в беседе забывалось даже о двадцатичетырёхчасовом марше и мучительном бое.

В насколько более лучших условиях были большевики, которые, несмотря на значительные потери в людях и оружии, располагали свежими резервами, имели гарантированный отдых, подвоз амуниции и снабжение продовольствием!..

Передвижение дивизии Унгерна затрудняли раненые, которых взяли на 80 повозках; таким образом, они занимали столько же подвод, что и обозы с амуницией и продовольствием. Несмотря на это нам удавалось незаметно миновать две большевистские дивизии.

На этом-то постое барон поручил мне расспросить на немецком языке капитана Майера, потому что я владел этим языком совершенно безупречно. Немец вскоре разговорился, принимая меня за земляка. Он признался, что в настоящее время его фамилия является псевдонимом, потому что в действительности он происходит из известной в Германии дворянской семьи. Он-то и познакомил меня подробно с планом большевистской кампании, удивляясь смекалке и ловкости перемещений барона. Большевики потеряли уже якобы около сорока тысяч человек в песках Монголии, оставшаяся же часть

износила в походе не только обувь, но и собственные подошвы, умирала от яда тарантулов в чудовищных мучениях, страдала от отсутствия воды и продуктов питания. Однако большевики не могли отказаться от похода, потому что их штаб преждевременно отрапортовал Москве о ликвидации барона Унгерна, следовательно, им нужно было теперь добиться всяческими силами уничтожения врага, о победах которого широко расходились вести. В конце допроса Майер обратился к собравшимся у костра офицерам со следующими словами:

— Знаю, что буду расстрелян, но советую вам не сдаваться. Ваши фамилии записаны, и вы заочно приговорены к казни.

Признание Майера не принесло ничего нового барону. Потому что барон располагал целой пачкой актов, касающихся планов захвата нашей дивизии.

Нужно было снова убегать, снова обманывать бдительность врага. В этот же вечер мы двинулись дальше. Поход наш в настоящее время проходил в неописуемо трудных условиях. Делали мы 100–170 вёрст ежедневно, меняя коней два-три раза в сутки, отдыхая по два-четыре часа, питаясь наполовину сырым мясом, по-киргизски засовывая его под седло. Пробегали мы широкие степи, ущелья и распадки, тайгу и болота, горы и долины. Когда не удавалось разминуться с большевиками, сражались мы с ними не на жизнь, а на смерть. Поэтому были оплакиваемы шансы дивизии «кровавого» барона: только стволы карабинов блестели, всегда готовые к бою. Сам Унгерн шёл во главе разведки, невидимый для остальной части колонны; тыловое охранение вёл генерал Резухин.

Наконец, когда кони совершенно падали без сил, задержались мы на пятый день на Джиде, где нас безрезультатно бомбили самолёты большевиков. Мы стояли в долине целые сутки, давая людям и лошадям возможность отдохнуть. Солдаты купались в реке, животные щипали сочную траву. Не жалели еды, щедро раздавая её. Благодаря бурятам, которые устроили временную почту, Унгерн знал о передвижениях большевиков, даже знал отряды, их численность и фамилии командиров. Теперь нас преследовала большевистская кавалерия с двумя дивизионами горной артиллерии. Войска наших преследователей были рассеяны по всей Монголии: на левом берегу Селенги и в Троицкосавске. Из Иркутска, по Тункинскому тракту к озеру Косогол и к Хатхылу, были также посланы значительные силы, все же дороги и тропы, ведущие к российской границе, были под постоянным наблюдением летучих отрядов. Почти сто тысяч человек охотились на наш отряд, состоящий едва ли из шести тысяч партизан.

Однако Унгерн не падал духом, потому что очень рассчитывал на умение и быстроту своего отряда. Двигаясь вдоль Джиды, встречал барон много казаков-охотников, но мобилизовал только молодых и холостых. Жители хуторов, неимоверно гостеприимные, щедро снабжали унгернцев продуктами питания, а взамен получали золото и разные товары. За станицей Жагирской нас догнали большевики, но, благодаря нашей отлично устроенной засаде, они отказались атаковать Унгерна с близкого расстояния. С того времени они постоянно двигались за нами, но на соответствующем расстоянии, часто атакуемые арьергардом генерала Резухина.

Около станции Асаргинская мы переправились через Джиду, входя в цепь гор, лежащих между Россией и Монголией. Вначале попадались нам бурятские улусы и охотничьи шалаши, потом погрузились мы в глухую девственную тайгу, где впервые среди столетних сосен и берёз раздавались резкие звуки военной команды. Среди зарослей, где до сих пор мелькали только гибкие тела оленей и серн, передвигались сотни вооружённых наездников, орудия, госпитали, стада тягловых и рогатых животных. Время от времени на крутом скальном обрыве нас приветствовал глухим рёвом медведь, прогоняемый вскоре выстрелами солдат, или же рысь пыталась прыгнуть на шею какого-либо коня или же всадника, но прежде, чем она это делала, замеченная быстрыми глазами монгола или татарина, падала мёртвой.

Тайга не слишком приветливо встречала непрошенных гостей, ставя на пути завалы из стволов деревьев и острых камней, шумящие водопады или глубокие скальные расщелины, широкие озерца и топкие болота.

Над головами клубились рои мошки, несносно жужжащие и кусающие немилосердно. Однако сами мы справлялись со всеми препятствиями: от мошки закрывали лица шёлковыми платками, а коням прицепляли пучки пахучих трав или спасались дымом трубок.

Из естественных препятствий самым неприятным оказался склон горы, покрытый топким болотом, в которое проваливались кони и возы. К счастью, эти болота покрывал толстый мох, по которому можно было двигать возы на полозьях. Этот способ оказался неимоверно практичным и мы постоянно прибегали к нему потом. Неприятными были также горные вершины, плоские, болотистые, доступные, наверное, только лосям и птицам. Однако и здесь победила сильная воля человека. Оставляя за собой вырубленную в лесу дорогу, остатки поломанных возов и трупы утопших коней, дивизия Унгерна оказалась, наконец, на сухом

грунте Монголии. Переход границы отметили мы целым днём отдыха.

Продвигаясь без напряжения двенадцатичасовыми маршами, мы спустились с гор и с радостью оказались около первых монгольских юрт. Весёлым «Сайн, сайн байну» приветствовали мы подъезжающих с кумысом монголов.

За рекой Ури простирался безлесный, несколько холмистый и каменистый край. Лето было на исходе, высокие травы пожелтели. Там-то, на одном из постоев, я заболел. Так как у лекаря не было соответствующих лекарств, меня предоставили судьбе и силе собственной натуры… Когда не мог я уже удержаться на коне, меня повезли в устланном шкурами возке, а командование отрядом принял мой помощник, поручик В.

Первая бригада шла вперёд без препятствий, за ней в арьергарде двигалась вторая бригада. Таким образом, мы добрались до реки Егам-гол. Здесь переправа оказалась тяжёлой по причине высокого берега и стремительной воды. Все наиболее ценные материалы нужно было перевезти в возках. От брода мы двинулись на запад, к Хатхылу, и, найдя обильную траву, остановились на отдых. Настроение было неважным, ходили слухи, что вторая бригада разбита, что там был бунт, что генерал убит. Ситуация, видимо, была сомнительной, потому что ординарцы не вернулись из разведки. Однако я был настолько болен, что всё это меня мало интересовало. Наконец, 17 августа (ст. ст.) в обозе началось подозрительное движение; разговаривали шёпотом, советовались о чём-то в отрядах. Около 10 вечера раздались выстрелы в середине обоза, и сразу началась паника, среди которой нельзя было понять, что, собственно, произошло. Мой офицер куда-то пропал, ординарцы торопились с выездом, но ни от кого нельзя было узнать ни о направлении марша, ни выяснить причину паники. Наездники поодиночке или группами неслись к северу. Я сел на коня и при помощи вахмистра выехал со своим отрядом прямо. Не успел я, однако, проехать несколько шагов, когда до моих ушей донёсся отголосок одиночных выстрелов со стороны монгольского дивизиона. Я старался получить какую-то информацию у беспорядочно и поспешно проезжающих мимо меня офицеров, но напрасно.

Когда я поднялся на гору, увидел отцепленное орудие с одним канониром; тот объяснил мне, где стоит дивизион. Как раз в это мгновение подъехали несколько всадников, и среди них — барон Унгерн, который, не заметив меня, спросил, что это за отряд, и, когда узнал, спросил обо мне. Когда я подъехал с рапортом, генерал обратился ко мне с вопросом, кто дал приказ о возвращении, но я оказался не в состоянии ответить ему, он

добавил по-немецки: «И вы убегаете от меня?» Я был удивлён и захвачен врасплох этими словами, потому что получил приказ от одного офицера (от имени барона). Я не упустил случая тут же сообщить ему об этом. В это время барон объяснил мне, что началом паники были выстрелы в его палатку, произведённые революционно настроенными солдатами или офицерами, но сейчас всё в порядке и мы должны возвращаться на место последнего постоя. После чего, буркнув под нос: «Уже началось, интересно, чем это закончится», — направился к войску.

Я уже отдал приказ о возвращении назад, когда новый отряд загородил мне дорогу, и офицер от имени барона призывал присоединиться к дивизиону. Не проехал я и десяти шагов, как внизу снова раздались выстрелы, грянули залпы и верховой ординарец принёс приказ появиться в бригаде. Двинулись мы тотчас же рысью, но вследствие слабости я не мог держаться в седле, поэтому передал командование отрядом, сел на возок и, закрыв голову, крепко заснул.

XXXII. БУНТ В ДИВИЗИИ

Когда я проснулся, был ясный день, и бригада тянулась степью около монгольских юрт, в которые часто вбегали солдаты, вынося оттуда продукты и бараньи шкуры. Это меня очень удивило, потому что барон до сих пор не позволял даже самые малейшие злоупотребления. Около полудня приблизился ко мне офицер С. из обоза, спрашивая о здоровье. Я был ему очень признателен, потому что в последние дни все от меня отдалились, считая меня погибшим, согласно медицинскому заключению лекаря. Единственным верным товарищем был ординарец Михайлов, который выдерживал все мои капризы и выполнял желания моей лихорадочной фантазии.

Когда во время разговора я вспоминал с жалобой, что «дедушка», то есть Унгерн, не даёт нам такого желанного отдыха, С. взорвался смехом и крикнул:

— Человек, ты что — с неба свалился? Ведь Унгерн убит, Резухин убит. Первая бригада ждёт нас на Селенге, мы покидаем проклятую Монголию, идём на Дальний Восток, до Владивостока.

Мне казалось, что у меня галлюцинация или же С. пьян. Однако эта правда оказалась неопровержимой; её подтвердили и другие офицеры.

Переворот был совершён в ночь с 17 на 18 августа деморализованными солдатами, которые, опасаясь противостояния стотысячной большевистской армии, благодаря героической энергии своего вождя, решили убить его, самостоятельно отыскивая лучший выход из ситуации.

Переворот совершила группа заговорщиков, офицеров штаба, во главе с полковниками Львовым, Ефарицким и Т., которые умело воспользовались недовольством и усталостью солдат.

Вначале строили планы передачи командования генералу Резухину, при условии начала марша на восток, расформирования там войска и раздела внутри дивизии её кассы. Унгерна намеревались отстранить от власти или убить. Ждали только возвращения в Монголию, потому что в России ожидали только тюрьмы большевистского Чека.

Когда в Монголии представили этот план Резухину, тот не только отклонил предложение, но и ударил одного из офицеров ташуром. В это время раздались несколько выстрелов, которыми легко ранили генерала. Резухин, призывая коня, хотел выбежать из палатки, но один из офицеров выстрелил в него из нагана, попав прямо в висок, убил на месте. После смерти генерала, вторая бригада двинулась к Селенге. Первую бригаду уведомил о

совершённом факте кто-то из посвящённых в этот план. В это время, после совещания, послали сотника Д. с приказом убить Унгерна, но тому не хватило смелости исполнить покушение, и он удрал. Таким образом, заговорщики сами должны были совершить убийство и издали уже соответствующие приказы, как отдельные отряды должны поступать в случае смерти барона. Для убийства Унгерна выбрали десять человек, вооружённых маузерами: те, не имея смелости действовать открыто, стреляли издалека по палатке, над которой развевалась большая жёлтая хоругвь со знаками Чингис-хана.

По ошибке они попали в другую палатку и убили только двоих ординарцев. Эти выстрелы повлекли за собой непонятный для меня переполох, который генерал старался сдержать, объезжая лично обоз. Тогда-то мы встретились в последний раз. Унгерн после расставания со мной призвал взбунтовавшихся к повиновению, объясняя, что их стремление на восток ошибочно, потому что там идёт борьба с большевиками, а в армии Меркулова нечего есть. При этом высказал своё мнение, что в настоящее время намеревается зимовать в удобном месте, чтобы весной направиться к Врангелю.

Барон был отлично проинформирован о намерениях заговорщиков, фамилии которых громко выкрикнул: «Львов, Ефрицкий»! Но оба полковника спрятались, и, увидев это, Унгерн крикнул: «Вылезайте из-под возов! Это не место укрытия для офицера!» Полковники, трясясь от страха, не последовали приказу, Унгерн же, едва бросив взгляд на свежий труп дивизионного хорунжего Бурдуковского, кинулся к возам. В это время есаул Матвеев дал по отъезжающему два выстрела из нагана, но промазал. Барон буркнул «Мерзавец» и повернул к монгольскому дивизиону. Снова раздались залпы в сторону генерала. Конь Унгерна, видимо, раненный, помчался в сторону леса, унося наездника, за которым бросились в погоню несколько офицеров, в том числе Ефарицкий и Львов, как если бы желая вознаградить себя за недавнюю трусость. Барон погиб, но его преследователи не вернулись в дивизию.

Барон оставил после себя славу необычайно отважного человека. Сами офицеры осуждали всю подлость шайки по отношению к своему вождю. Командование теперь принял полковник О. Бригада состояла из двух казачьих полков, дивизиона бурят, трёх батарей горных орудий, дивизиона пулемётов, моего газового отряда, возов, стад скота и госпиталей. Было очень мало провианта, потому что основная часть возов была оставлена на биваке во время переворота. На первом постое устроили совет командиров, среди которых находился и я. Было

упразднено рукоприкладство, осталось одно наказание — стояние под саблей. Совет был бурным, потому что разговор шёл не о благе бригады, а о собственных амбициях.

Наша бригада шла к Селенге, где должна была встретиться со второй бригадой, и оттуда, избегая большевиков, должна была направиться на восток. Дойдя до реки, мы узнали у монгольских конюхов, что какое-то войско переправилось через реку на расстоянии 20 вёрст от нас. Мы допускали, что это наши.

Во время переправы через быстрое русло мы понесли большие потери. Напрасно целый день мы искали удобный брод; наконец, в наиболее мелком месте, казаки переплыли достаточно счастливо, но орудия подхватывало и переворачивало течение. В довершение всех несчастий на нас напал полк большевистской кавалерии. Против него был выслан один полк, орудия Арисака с поручиком и пулемёты. Бой продолжался четыре часа. Пули сыпались в воду, раня и убивая коней и людей. В поспешности опрокидывались возки, тонули ценные предметы, пошёл на дно сейф дивизии, удалось спасти только часть золота, серебра и ювелирных драгоценностей. Затонули сто шкурок соболей, пятьдесят — выдры, пять тысяч — горностая и почти десять тысяч — белки. Затонули семьдесят пять пудов пороха, четыре с половиной пуда цианистого калия, значительное количество динамита, весь хирургический инструмент, перевязочный материал, более десяти пудов опиума и много других вещей. Самых слабых раненых перевезли на плотах, сколоченных из возков. Пушки перетягивали на верёвках, при этом утонуло одно итальянское орудие и восемнадцать пулемётов. Осталось их ещё двадцать два.

Моё имущество было загружено на коней, сам же я, несмотря на слабость, плыл за своим любимым верховым конём. На середине реки я так ослабел, что начал звать на помощь, потому что силы совершенно покинули меня. Тогда ординарец, перевозящий груз, бросил его и подплыл ко мне. Верный Михайлов пытался потом ещё спасти коня, но напрасно. В результате ослабления ремней тюки сползли на брюхо коней и утопили их со всем моим скарбом. Таким образом я потерял четырёх коней, всё имущество в золоте и серебре, золотую статуэтку Будды, ценные клише и фотографии, дневник, личные бумаги, а самое главное: старые книги на пергамине, взятые из монастыря, а также документы, касающиеся большевистской акции, полученные от Унгерна.

Единственным утешением была мысль, что таких оскудевших было много в тот день. Во всяком случае, остался у меня отличный пистолет системы Маузер, полевой бинокль Цейса,

сабля и седло. Это давало мне возможность жить дальше и оставаться в безопасности.

Достаточно удачно переправился поручик В., который, осилив большевиков при помощи картечи, потерял кроме вьюков только несколько человек. В целом же эта переправа стоила жизни восьмидесяти солдат, двух миллионов рублей в золоте и стада утопленных коней. Теперь мы двигались на юг — напрямик через горы и степи. Порой заходили мы в поселения и монастыри, где ламы рассказывали нам разные вести об Унгерне и о большевиках. Одни утверждали, что Башарты Гун, желая откупиться от большевиков, отдал в их руки спящего генерала; другие же, что барон ушёл в Улясутай, а потом — в Тибет к Далай-ламе.

Могла быть в этих версиях какая-то искра правды, потому что монголы, имея примитивные устройства, наподобие нашей почты, передают между собой взаимно важнейшие происшествия. В случае такого события, монгол тотчас же передаёт дальше известие о нём, и таким образом вести расходятся по всей стране. Правительственные распоряжения или почту развозят посыльные в специальных кафтанах, передаваемых вместе с письмом. Кафтан с вышитыми иероглифами на плечах является самой лучшей охраной от нападения и гарантией помощи со стороны жителей. О быстроте подобной почты бытует легенда, что Бату-хан узнал в Европе о болезни и смерти сына Чингис-хана, Угедея, всего спустя восемь дней, несмотря на отдалённость почти в семь тысяч километров между ханской столицей в Каракоруме и войсками Бату-хана в Венгрии. Монголы умеют, однако, сохранять тайну послания, особенно, когда речь идёт об иностранцах.

Богдо-геген, по-видимому, проинформированный о смерти Унгерна, издал тайный приказ, чтобы помогать войскам барона, большевиков же вводить в заблуждение относительно передвижений бригад. И потому, информированные о планах «красных», мы безнаказанно миновали их отряды. Кроме этого, нам оказывалась помощь в виде продуктов питания и проводников, а также коней. Однако недисциплинированность наших солдат, грабящих улусы и юрты, пробудила вскоре недоверие населения, которое начало прятать от нас своё имущество.

Командующий бригады полковник О. напрасно издавал суровые приказы, солдаты утратили повиновение. В это время, чтобы предупредить грабежи и разбои, совещание военного совета установило наказание смертью. Когда, спустя несколько дней в Котуря-хурэ, ламы сообщили о новом грабеже, было назначено следствие, и после выявления виновных полевой суд

приговорил их к смерти. В присутствии собранного войска, преступники должны были отдать похищенные в хурэ предметы ламам и, после срывания погонов, были расстреляны. Вышеупомянутый приговор удовлетворил лам, среди солдат же воскресил прежнюю дисциплину. Поэтому снова, как и прежде, монголы поставляли коней, мясо и молоко.

XXXIII. НА ВОСТОК!

Двигаясь в юго-восточном направлении, мы делали ежедневно по семьдесят вёрст. Не советовали нам заходить в Дзаин-шаби, потому что там были сконцентрированные значительные большевистские силы, которые разбили первую бригаду. Наконец, оказались мы на Орхоне и эту реку, благодаря хорошему броду, перешли счастливо. После двухнедельного похода на подводе, я смог снова сесть на коня. Ко мне начало возвращаться здоровье и, хотя я ещё не имел силы управлять полудиким жеребцом, держался в седле значительно лучше. Когда степной ветер выгнал из меня остатки болезни, доктор Рябухин не мог надивиться, каким чудом в подобных условиях человек смог выздороветь без лекарств. Тогда, шутя, выразил я ему своё предположение, что своим здоровьем я обязан талисману, полученному от Богдо-гегена. После переправы на Орхоне условия нашего путешествия значительно ухудшились, вследствие сильной большевистской агитации в Урге.

О ситуации в этом городе мы узнали от чахаров, беглецов из тюрем «чрезвычайки», которых мы встретили около озера Шетукум. В Урге было объявлено военное положение, никому нельзя было приезжать или уезжать из города. Ночью проносились по городу усиленные патрули, а на его окраинах стояла артиллерия и пулемёты. Склады и магазины были закрыты, товары вывезены в Маймачен около Кяхты. По мере захвата Монголии, любезные сначала большевики, становились всё более жестокими.

И здесь, как и в других местностях, «красные» применяли свою обычную тактику, объявляя всем, кто служил в дивизии генерала Унгерна, амнистию, при условии регистрации в Урге. Наивных, которые поверили лживым обещаниям, помещали в тюрьмы, а затем вывозили в Россию и там расстреливали.

Урга значительно изменила свой внешний вид. Большевики скрытно среди тёмной ночи вывозили добычу автомобилями. Большевики учредили коммунистические школы и «цивилизовали» лам, внедряя среди них неизвестный до сих пор обычай «брать взятки». А золото на пропаганду предоставляли путём ограбления церквей и костёлов в России. За уничтожение нашей бригады большевики назначили высокие награды в серебре и золоте. Все дороги, ведущие из Урги на юг, находились под наблюдением летучих отрядов, монголам же угрожали местью в случае помощи «белым».

Наступили тяжёлые времена. Продукты и коней мы добывали

силой. В опасении предательства мы отказались от проводников, пользуясь только картой и компасом. Учитывая наличие пресной воды в колодцах, избрали мы тракт из Калгана в Кобдо. Там, между озером Шетукум и первым Ургинским трактом, сбежал от нас ночью дивизион бурят. Потеря была невелика, если бы не исчезновение отличных гобийских коней, которых дивизион забрал с собой. С тех пор, несмотря на наказания и уговоры, случаи побегов происходили всё чаще. Бригада таяла так быстро, что в Дуганты насчитывала едва ли девятьсот человек. Очевидно, что условия становились всё более трудными: по причине отсутствия муки мы ели только мясо, а воду часто заменяла свежая кровь коней и верблюдов. Встречаемые озёра были солёными и не могли утолить всеобщей жажды, поэтому кони падали массово. Чтобы пополнять наши стада, хватали мы в пути пасущиеся табуны. Этих диких лошадей объезжали наездники нашей бригады, не хуже монголов и киргизов; хуже было, однако, с тягловыми лошадьми, так как непривычные степные животные рвали упряжь и уносились в степь. Тогда мы начали использовать в упряжке верблюдов, которые оказались гораздо более практичными, так как они стойко переносили нехватку кормов и жажду. За вторым Ургинским трактом забрались мы в песчаную и безводную местность. Восемь дней мы не видели человеческого жилья. Клубы вихря бросали в лицо сыпучую пыль, перемешанный с гравием песок, оставляя мучительные и болезненные ранки. Кони покрывались гноящимися нарывами, а люди теряли силы из-за переутомления и жажды. Нашу дорогу мы метили трупами животных и могилами товарищей, смерть прореживала некогда весёлую и любящую петь бригаду. Исхудалые лица, лихорадочные глаза, шатающиеся кони, уподобляли нас, остатки дивизии Унгерна, кошмарным приведениям. Кровь коней увеличивала жажду. В желудках не более чем десяти верблюдов находилось ничтожное количество воды. Наконец, на восьмой или девятый день похода, начала показываться трава, и стадо коз пробежало в степи. Надежда вошла в людей, кони начали жадно щипать траву и стригли ушами, раздувая ноздри. Мы пустили их свободно, чтобы собственным инстинктом они отыскали воду. Вначале они шли, едва ступая, потом галопом, и вскоре мы оказались у широкого пруда с пресной водой. Только тот, кто прошёл муки жажды, знает, какой роскошью является… возможность её утолить. Одни бросались ничком на землю, другие погружались в него с головой, некоторые черпали воду ладонями. Несмотря на холодную погоду, находились даже любители зимнего купания. Кони пили долго, бродя в траве и воде и издавая тихое ржание,

только верблюды слегка и флегматично погружали свои морды в воду, не выдавая чрезмерного удовлетворения.

У потрескивающих костров, услаждая себе время ожидания котелка песнями и смехом, мы жарили конину. Забывали о недавних мучениях. Во всей бригаде воцарилось весёлое беспечное настроение. В опасении повторного недостатка воды, мы с капитаном О. купили в ближайшей юрте два кожаных мешка для воды, а также третий, меньший, с отличным кислым кумысом и приторочили их к верблюдам.

Теперь колонна направилась на северо-восток к реке Керулен. Предпочитали мы решиться на бой с большевиками, чем на пустынные муки, вызванные жаждой. Мы шли ускоренным маршем, потому что хотели обойти верблюжий и автомобильный тракт. Однако не упустили мы случая захватить у большевиков табун прекрасных керуленских коней. Нашу бригаду, теперь отлично организованную, охраняли на флангах и с тылов разведывательные отряды. Несмотря на сомнительную ситуацию, все были веселы, потому что мы не испытывали нехватки воды и пищи, имели свежих коней, таким образом можно было быстро ехать ночью, днём же — отдыхать. Неожиданно мы встретили вооружённых карабинами монголов, которые вели себя достаточно дерзко, но когда им «припекли» немного пятки, они выболтали, что являются шпионами большевиков, что те, последние, хотели завлечь нас в западню, и только наш уход в пески стал помехой этому. За поимку наших дезертиров монголы получали награды от большевиков.

Однажды ночью миновали мы отлично содержащийся автомобильный тракт, ведущий из Калгана в Ургу и маймачен. Во время китайского протектората здесь содержался гараж, то есть станция, предоставляющая бензин и воду. Здесь имело место значительное автомобильное пассажирское сообщение, которым пользовались китайские купцы, российские колонисты и даже американцы. Владельцы автомашин получали большие прибыли, потому что доставка одной особы из Урги в Калган стоила 400 тайанов.

Эта дорога была широкой и удобной для автомобильного сообщения, но на территории чахаров, живущих разбоем, достаточно небезопасной. У самого же Калгана горные перевалы затрудняли проезд, так что только опытные и смелые шофёры могли там водить автомобиль.

Барон Унгерн во время своего правления в Урге намеревался провести телеграфную линию на участке Калган — Цецен-хан-ц-хурэ. Военные действия всё же помешали ему в реализации этих планов. До сих пор не знаю, воспользовались ли большевики

нагромождёнными в Урге запасами столбов и провода, или провели телефонно-телеграфную связь из Урги с Улясутаем на западе, с Манганом на юге и Санбуйсен на востоке.

С момента захвата Монголии большевиками рухнул также разработанный инженером Войцеховичем план строительства мостов, строительный материал для которых должны были поставить хошуны.

XXXIV. ВХОД В ДОЛИНУ КЕРУЛЕНА

Преодолев последний Ургинский тракт, оказались мы недалеко от реки Керулен, окрестности которой были нам уже известны. Мы все радовались надежде на достижение в скором времени конечной цели на востоке.

Наш марш происходил днём. Покрытая буйной, хотя и уже пожелтевшей травой, степь давала коням обильный корм, многочисленные же озерца и ручьи — питьё. Не было у нас недостатка также в мясе и жире, благодаря многочисленным стадам овец, пасущимся в степи. Многочисленные же дикие птицы ещё более разнообразили нашу пищу. Лишних коней мы выменивали на просо, которое служило нам хлебом.

К сожалению, первые ночные холода уже досаждали нам, напоминая о приближении зимы. Не имея тёплых одеял и одежды, проводили мы ночи, греясь у костров, поддерживаемых аргалом. Когда ночные заморозки начали схватывать воду ледяной коркой, и холод докучал всё более, начали мы устраивать экспедиции за кожухами. Мы окружали солдатами монгольские улусы и забирали оттуда самые лучшие шуб, за которые казначей бригады выплачивал монголам большие суммы. Когда такого способа не было достаточно, на встретившееся хурэ накладывалась контрибуция, оплачиваемая кожухами или бараньими шкурами.

В монгольских шубах, крытых цветным шёлком и чесучой, в меховых капюшонах или монгольских шапках бригада утрачивала черты регулярного войска. При этом степные кони не умели ходить в строю; часто случалось, что какой-либо всадник вырывался в степь, за ним же, побуждаемые примером, мчались другие жеребцы. Порой нужно было долго гоняться по степи за непослушным верховым конём, который, сбросив наездника, мчался на свободу с развевающейся гривой и раздутыми ноздрями. Однако не удавалось ему ускользнуть от казачьего аркана и вскоре, обузданный, покрытый пеной, возвращался он на службу в бригаду. И коней нам теперь хватало, благодаря встречаемым в степи табунам. Без лишних церемоний мы выбирали наилучших коней, оставляя взамен своих измученных и покалеченных животных. Только кляч оставляли конюхам, потому что уважающий себя монгольский наездник не сядет на кобылу, даже если ему пришлось бы нести седло в руках.

Монголы не косят траву на сено, но пасут свои табуны зимой и летом в степях. Кони, отыскивая пропитание, раскапывают копытами снег и щиплют пожелтевшую траву. Кроме того, табуны

не всегда находятся под присмотром конюхов, порой они ходят свободно, имея в качестве вожаков жеребцов, заслуживших у стада безусловное повиновение. Самым большим врагом коней зимой являются волки. Защищаясь от них, кони образуют кольцо, в середине которого стоят жеребята с матерями. Жеребцы копытами и зубами сокрушают нападающих волков, бросая покалеченных хищников на растерзание жеребятам, которые затаптывают их своими маленькими копытцами.

Успех табуна зависит от хорошего и бдительно жеребца. Поэтому конюхи дают коням свободу в выборе жеребца-вожака, потому что полностью доверяют их инстинкту.

Наконец мы добрались до реки Керулен, которая берёт своё начало в местности Карабуилун, проходя широкой лентой через безлесные, но очень плодородные степи. Эти степи не пустынны. Множество улусов и юрт пестрят белыми пятнами среди моря трав. Кругом пасутся стада крупного рогатого скота и баранов, насчитывающие более десятка тысяч голов. Табуны коней с небольшой головой и широкой грудью стерегут коней в длинных шубах и бараньих капюшонах, держа арканы или урги[27].

В ограждениях выпасаются двугорбые верблюды, предназначенные для продолжительной транспортировки. Хозяева часто осматривают подошвы их копыт, проверяя, выдержат ли они острый гравий и песок дальней дороги. Ранней зимой выходят эти животные, навьюченные шерстью, слитками серебра и шкурами, до Калгана, Пекина или Тентсина, откуда возвращаются только в марте, с чаем, шёлком, чешуёй далембой и табаком.

До Тибета караван идёт три-четыре месяца, а купцы, торгующие с сартами, возвращаются домой только спустя двенадцать — восемнадцать месяцев. Верблюды, предназначенные для этих путешествий, остаются целое лето на выпасе в степи, без присмотра. Их горбы, свободно свисающие весной, осенью торчат как холмики, а длинная мягкая шерсть обильно покрывает тело. После выпаса верблюды на восемь дней загоняются в ограждение, где стоят без питания и питья. Это время надо выдержать до такого огрубения подошв, чтобы нельзя было их разрезать даже острым ножом. Других животных нельзя брать для перевозки груза, потому что спустя несколько дней они сдирают мягкие подошвы и нужно оставлять их в степи на произвол судьбы.

Окрестности Керулена очень благоприятны для разведения скота и земледелия, поэтому здесь полно хуторов бурят и российских колонистов. Возделанные поля покрывает просо и другие зерновые культуры. Однако монголов не привлекает

земледелие, они предпочитают кочевую жизнь пастухов.

Барон Унгерн заключил договор с Богдо-гегеном, чтобы окрестности рек Керулена и Селенги были отданы добровольцам Азиатской Дивизии. Вначале власть должна была обеспечивать этих колонистов семенами, земледельческими орудиями и строевым лесом. В больших колониях планировалось организовать конюшни племенного, а также крупного рогатого скота. Особые, образцово организованные молочные заводы должны были перерабатывать молоки. Урга, благодаря месторождениям каменного угля и железа, как фабричный центр могла удовлетворять потребности жителей. В больших торговых пунктах могли появиться кожевенные заводы и шерстомойные предприятия, фабрики войлока и фетра. Таким образом, Монголия могла бы использовать свои громадные степи, развивая промышленные и горнодобывающие предприятия, экспортируя вместо сырья собственные изделия. Земные богатства, урожайность почвы, полные рыбы озёра и реки, наконец, миллионы голов скота и тягловых животных позволяли верить в гигантский денежный оборот и поднятие культуры этого края.

Китайцы знали и понимали богатства Монголии, поэтому пробирались в самые плодородные её местности как купцы, земледельцы, промышленники. Но ни их орудия, ни их устаревшие способы промысла и земледелия не отвечали потребностям времени. Китайские купцы, благодаря врождённой хитрости, обманывали монголов и вытягивали из этого колоссальные прибыли.

Большевики, завладев Ургой, Ван-хурэ, Дзаин-шаби и Хатхылом, немилосердно грабили страну. Стада баранов, скота и коней, реквизированные без всякого права, шли в Россию. Взамен они кормили туземцев коммунизмом или, в случае сопротивления, пулей. Таким образом, вместо планируемого процветания, Монголия превращалась во всё более разорённую пустыню.

Одновременно здесь разгоралась гражданская война. В княжестве Халха местное население, совместно с отрядами «красных», нападало на хошуны, сжигая и уничтожая их. Богатые и многочисленные «хурэ» оберегали ламы, завзятые противники большевиков.

В резиденции Цецен-хана, полковник К., временный заместитель полковника О., был на аудиенции у хана, во время которой узнал о пребывании в окрестностях Харабуина отряда полковника Казагранди под командованием есаула Шилова, как и о наличии интендантства под командованием хорунжего. Со слов хана мы заключили, что содержатся там более десяти тысяч

коней, огромные запасы продуктов и золота. К сожалению, недолго мы тешили себя надеждой воспользоваться в близком будущем этими богатствами. Вскоре пришло известие о размолвке между поручиками Ждановым и Барановым, которая закончилась смертью последнего. Этот случай свёл на нет дисциплину. Разбивали ящики, крали коней и скот, продавая их монголам за бесценок. Таким состоянием дел воспользовались халхасы: они напали на обоз и, вырезав спящих солдат, завладели его имуществом. Только несколько офицеров и солдат сумели убежать, среди них и Жданов, который со значительным запасом золота направился во Владивосток.

Большевистские отряды напали на наш след и преследовали всюду. Поэтому по совету хана направились мы снова в степи. Однако большевики не оставили нас в покое. Однажды мы отразили нападение значительно отряда их кавалерии, но, отступая, должны были снова бороться с ещё большими силами. На этот раз побитые большевики отступили и в течение длительного времени не тревожили наш покой.

Большевистские комиссары мобилизовали коней и сёдла у монголов и, посадив пехоту на коней, начали погоню за нами. Преследование длилось три дня, пока, наконец, мы, утомлённые таким состоянием дел, не загнали наших преследователей в засаду и не выбили их полностью. Потом оказалось, что «красная» пехота натёрла ноги о деревянные узкие монгольские сёдла и никак не могла совладать с полудикими верховыми жеребцами.

Это была последняя наша битва с регулярным советским войском.

XXXV. ЧЕРЕЗ ПЕСКИ ПУСТЫНИ ШАБАРТАЙ-ГОБИ

После Цаган-хурэ попали мы снова в безводные местности, только у трактов попадались колодцы или били струёй маленькие ключи. Поэтому марши, продолжающиеся в течение двадцати часов ежедневно, были мучительными. В довершение всех этих неприятностей, найденная вода была чаще всего испорченной, полной трупов и костей. Приходилось очищать источники и только затем пользоваться водой, несмотря на добытые из них прежде остатки падали.

Чем более углублялись мы в Шабартай-Гоби, тем сильнее омрачались наши лица при мысли о новых мучениях, ожидающих нас в пустыне. Наши карты не были слишком точными; часто блуждая, должны мы были искать помощи проводников. В это время был открыт заговор среди солдат, целью которого было перебить офицеров и сдаться большевикам. План этот исходил от наших солдат-коммунистов, которые по требованию всего отряда были выданы своими товарищами и расстреляны.

Об имевшем место заговоре, наверное, знали халхасы, потому что тот же вечер, когда он был раскрыт, они напали на обоз. Их атака почти не произвела паники, потому что ещё в самом начале допускали, что начнётся братоубийственная война. Только связной на посту выяснил ситуацию и орудийным огнём отогнал грабителей. Умелое выступление командующего бригадой перед солдатами и офицерами восстановило единств и субординацию.

Большевики, не пытаясь больше победить нас в честном бою, в конце концов, начали прибегать к варварским средствам: поджигали траву в степи, пытаясь таким образом лишить наших коней корма, однако причиняли таким способом больше вреда монголам, чем нам, потому что уже в этих местностях зимней порой нельзя было пасти скот. Кроме этого, они устраивали тысячи подвохов, подстрекали халхасов к преследованию нашего отряда, нападали на нас ночами во время сна и крали коней. Перед лицом этого мы начали безжалостно истреблять разбойничьи ватаги.

Только те поселения и улусы, которые давали проводников, а также заложников, набираемых из особ высокого ранга, брались нами под защиту. Этот жестокий образ действий возымел желаемые последствия: халхасы сами начали вылавливать коммунистов и отдавать их в наши руки, а кроме того, по первому требованию, давали нам коней, скот и продукты. Между

поселением Безен-булук и Имоне был схвачен большевистский транспорт; одно заклиненное орудие, а также несколько сотен ящиков со снарядами и порохом, направлявшимися в Ургу. Конвой, состоящий из тридцати монголов и двух комиссаров, частично был перебит, частично взят в плен, а орудие и снаряды были уничтожены. Во время уничтожения этих снарядов произошёл неприятный случай с солдатом Ковалёвым, которому взрыв шрапнельного снаряда поломал ноги и рёбра, глубоко ранил лопатку и выбил все зубы. Ковалёва в почти безнадёжном состоянии отдали под опеку дивизионного врача.

Продвигались мы теперь постоянно через безбрежные степи, буйные травы которых уже окрасились в осенние цвета. Вокруг было пусто. Людские жилища встречались очень редко, зато было полно зверей. Рядом с нами мелькали быстрые антилопы, свободно передвигались дрофы, тянулись стаи гусей, уток, лебедей, журавлей, наполняя просторы резким криком.

Осень оставляла свои следы в золотистом оттенке трав и последних тёплых лучах солнца, которые согревали нас после ночных холодов, покрывающих уже землю белым инеем. Дождей не было вообще.

В противоположность Западной Монголии, покрытой взгорьями, Восточная, в которой мы, собственно, находились, являлась как бы океаном трав. Не видно здесь ни дерева, ни кургана, только время от времени интуитивно чувствуется слегка волнующаяся поверхность.

На этом широком безграничном пространстве прекрасным развлечением бывает охота на дроф киргизским способом.

Способ этот состоит в том, что охотятся на дрофу в такое время, когда вечерняя роса или дождь, замерзая на крыльях птицы, не позволяет ей спасаться с помощью крыльев. Птица, увидев охотника, убегает по земле, сначала медленно, постепенно увеличивая скорость бега. Охотник, догоняющий дрофу верхом, должен превосходно управлять своим конём, потому что птица часто описывает круги или возвращается назад. Добыча дрофы ударом нагайки по голове во время скачки галопом на коне, также требует большой ловкости и сноровки. Время от времени случается оказия поохотиться на хитрых лис, осторожно подкрадывающихся среди трав к жертве, то вновь — на степного разбойника — волка. Волк, когда ищет добычу, нервно клацает зубами и, не имея возможности повернуть шею, делает повороты всем телом. Когда учует добычу, ложится на землю, после чего начинает скрадывать её почти без шороха. Услышав подозрительный отголосок, хищник останавливается, весь обратившись в слух, почти прикладывая голову к земле. Видя, что

за ним погоня, убегает что есть сил, скача на упругих ногах. В это время его окружают наездники. При виде блестящих вокруг сабель, зверь собирает остаток сил и бросается в сторону, чаще всего — к шее ближайшего коня и, собственно, тогда получает последний удар саблей по шее. Для такого рода охоты оказываются более всего пригодными монгольские кони, которые настолько понятливые, что ими можно управлять при помощи только голоса. Таким образом, мы часто пользовались подобного рода развлечениями в степях.

Бригада шла весело, хотя и запасы муки и сахара были на исходе. Зато мяса было достаточно, ели мы его в большом количестве. Хорошо выпасенного барана хватало для пяти человек на целый день.

Свежие шкуры мы выменивали на выделанные или на войлоки, неимоверно помогающие в борьбе с наступающими холодами.

Спустя несколько дней характер степи подвергся изменению. Появились песчаные дюны, растительность ограничивалась поникшей травой или колючей караганой. Приходилось теперь не только чистить колодцы, но и фильтровать воду, потому что покрывали её толстые слои пыли. И эту воду мы встречали всё реже, всё более скудной становилась степная растительность, единственную нашу радость составляли оазисы. Благодаря животворному источнику, гибнущему где-то в песках, буйная трава обрамляла его берега, а вытоптанные тропинки свидетельствовали о многочисленных зверях, которые приходили сюда утолить жажду.

Но исчезли, наконец, и оазисы. Земля, не смачиваемая дождём, под горячими лучами солнца была потрескавшейся и твёрдой. На дне высохших озёр находились вместо воды кристаллы соли.

Настроение бригады значительно ухудшилось, кони шли грустные и измученные. В воображении наездников маячили видения недавно испытанного мучения от жажды, при котором язык становился несгибаемым и покрывался болезненными коростами.

В довершение всех неприятностей ветер засыпал нам глаза и уши чёрной пылью, и грязная оболочка покрывала всё тело. Давно не виданная в наших рядах смерть вновь появилась, забирая разом по несколько жертв.

С отчаянием мерили мы на карте расстояние, отделяющее нас от озера Буир-нур; уменьшалось оно с каждым днём, но и у нас убывали силы и кони.

XXXVI. ЧЕРЕЗ БАРГУ ДО МАНЬЧЖУРИИ

Наконец однажды переднее охранение схватило монгола на верблюде, который проинформировал нас, что мы находимся на землях княжества Барга, в одном дне дороги от громадного озера, у которого есть много богатых юрт и пастбища с сочной травой. Полные надежды, двинулись мы за новым проводником пешком, так как наши кони совсем плохи стали.

Действительно, на следующий день, около полудня, мы увидели широкие зелёные озёрные глубины, омывающие песчаные берега.

Напоили коней, но, ввиду нехватки пастбищ, двинулись дальше, вдоль побережья. Едва проехали мы несколько километров, когда дорогу нам перегородили более десяти пышно одетых монголов, уведомляя, что через территорию княжества Барга мы можем пройти за соответствующую оплату. Сам князь, который издал этот указ, находился в нескольких километрах на зимнем кочевье. Чтобы уладить дела мирно, полковник К. направился к князю в окружении десятка офицеров. Дорога здесь была уже более благоприятной, потому что, хотя и травы были почти выпасены, всё-таки наши оголодавшие кони смогли ими несколько поживиться и набраться сил. Когда вдали замаячили белые силуэты княжеских юрт, мы увидели ординарца нашего командующего, который, мчась во весь опор, выскочил от князя, подбежал к командующему, замещающего полковника, офицеру, и вручил ему какую-то бумагу. В этот же самый момент по приказу заместителя бригада сформировалась в боевой порядок. Наши сотни окружили полукругом юрты монголов, поставив пушки стволами, нацеленными прямо на шатёр князя. При виде этого манёвра монголы поникли, а из юрты, красиво украшенной узорами, вышел полковник, ведя к пушкам бледного, трясущегося князя, со словами: «Если Гун не согласится на моё требование, то прикажу тотчас же расстрелять весь его двор и сжечь юрты». После чего дал знак командиру батареи, чтобы от орудия отцепили передок и раскрыли зарядный ящик. Князь при виде зарядов съёжился, стал меньше, и, быстро жестикулируя, согласился на всяческие условия. Полковник вернулся в палатку, бригада же удалилась на бивак.

Владыка Барги поставил прежде чрезмерные условия, предоставляя бригаде право прохода через свою территорию: требовал огромного числа коней, несколько пулемётов, несколько

сотен карабинов, а за продукты — оплаты ямбами или верблюдами. Чтобы снизить чрезмерные требования, полковник должен был пригрозить использованием вооружённой силы. Эта угроза повлияла так сильно, что князь не только отказался от своих условий, но обязался предоставить нам продукты, коней и проводников. В это время пригнали стада баранов, которых зарезали и поделили между всем войском.

Буир-нур, или Бур-нур, — это огромное озеро, имеющее около девяноста километров в длину и двадцать пять-тридцать километров в ширину. Его южные берега ровные и песчаные, восточные же представляют собой валы и взгорья. Несколько небольших ручьёв, впадающих в озеро, заросли ивняком и тростником. У этих ручьёв стоят домики «рыбных» купцов, склады бочек и рыбацкий инвентарь. В прибрежных камышах живёт большое количество водной и болотной птицы. На волнах плавают самые разнообразные виды уток, в тростнике бродят цапли и чёрные аисты (белых не видел), журавли и бекасы. Порой мелькнёт поганка или серебристопёрый нырок; гагары, водяные курицы и разные другие болотные птицы кормятся у берега, наполняя воздух резким криком и писком. Кое-где видно стоящего на берегу серебристого лебедя, который, прихорашиваясь клювом, поглядывает, как залётная невеста, в зеркало воды.

Над этим оживлённым озером носятся стаи чаек и крачек разной величины и оперения, падающих сверху легко и неимоверно быстро на высмотренную добычу. Птицы эти дрожат, однако, перед общими врагами: грозным ястребом и могучим орлом. Этот прекрасный царь пространства, совершая в воздухе громадные круги, будто бы неохотно колеблется над водами, чтобы пуститься к глубинам с быстротой молнии и унести в своих когтях выбранную жертву.

Глубины озера обычно достаточно спокойны. В редких случаях, однако, порывом ветра они покрываются рябью, и тотчас же волны бегут одна за другой, ударяются о берег и разбрызгиваются на тысячи мелких капель.

Бригада, после полагающегося отдыха на озере, направилась к китайской пограничной охране, держась побережья озера. На расстоянии тридцати километров от резиденции князя, мы задержались на постой. Здесь было подходящее место. Обширная равнина, прорезанная широко разлившимся потоком с вязкими берегами, поросшими высокой сочной травой. У озера стояли дома рыбаков. Кони были отпущены в степь под опекой конюхов; разожгли огромные костры из сухих ветвей; варился обед; многие солдаты, не обращая внимания на холод, бросились в волны

озера, чтобы смыть с себя следы путешествия по пустыне. Другие занялись рыболовством при помощи одолженных у рыбаков длинных сетей. Рыбы было в изобилии, причём большой величины. Длина щук доходила до полутора метров! Белуги весили более десяти фунтов! Пользовались мы тогда и рыбой, и водяными птицами, которых удалось с лёгкостью убить. Бродя в ивняке, застрелил я несколько красивых поганок, гагар и более десятка неизвестных мне болотных птиц, с выгнутыми в виде сабли клювами. На одном маленьком островке нашёл я попавшего туда случайно пеликана.

В это время командование договаривалось с китайской пограничной службой о разрешении перехода до «Амурского Края» через Маньчжурию. Так как это не находилось в компетенции начальника китайских пограничников, он должен был согласовать этот вопрос с командующим округа в Хайларе, генералом Джан-Куйу. Одновременно туда выехал наш офицер (есаул), снабжённый пропуском и полномочиями от полковника. Собирался он также отправиться к фельдмаршалу Джан-дзолину. После выполнения разных формальностей, были мы приглашены к китайцам домой на банкет. По-моему, это было не столько проявлением дружеских чувств, сколько страхом перед славящейся своей храбростью бригадой.

Пьянка продолжалась долго, но я лично не принимал в ней участия, потому что объезжал тогда с капитаном О. новых верховых лошадей, полученных от князя Барги. Уже на обратной дороге до обоза, дикие жеребцы превратились в совершенно послушные создания.

Чувствовалось приближение бури. Ветер усиливался и набрасывался на пожелтевшие травы. Чёрные тучи ползли по небу, как тёмные чудовища, гонимые бурей. На озере рычали волны, с бешенством ударяясь в берега, а переполошенные птицы издавали тоскливые крики. Озеро выглядело прекрасно, освещённое луной, которая только что выплыла из-за туч. Гул перекатывающихся волн громким эхом разносился по степи. Волны высотой в несколько метров, как будто в одинокой ярости, выплёвывали на берег водоросли, морских моллюсков, даже трупы баранов и разбитые лодки. Оставив коней в обозе, мы долго стояли на берегу, удивляясь разгулу стихии. Наконец, ветер стих, волны становились всё ниже и слабее ударяли о берег, а эхо разлеталось менее зычно. Только огромные филины и степные совы тихо сваливались на побережье и хватали выброшенных на песок моллюсков или рыб.

Солнечное утро застало нас ещё на берегу успокоившегося озера. Тысячи крикливых чаек, а также других водяных птиц

слетались на обильный пир, оставленный волнами на берегу. Стаи бекасов и куликов рылись клювами в мягком иле, гагары и утки тянули целые мотки водяных растений, а журавли, цапли и чёрные аисты вышагивали серьёзно среди всей этой стаи, хватая время от времени какую-нибудь большую рыбу или жабу. Среди тихих теперь волн плавали красочные нырки, которые, ныряя под воду на несколько минут, стряхивали потом со своих пёрышек дрожащие серебристые капли. Кроме этого, заметил я ещё несколько незнакомых мне видов птиц, которые могли бы стать интересными музейными экспонатами.

Только на третий день двинулись мы дальше хорошим колёсным трактом в сопровождении китайских офицеров. Повернув на восток, остановились мы глубоким вечером на берегу реки Халха-гол, притоке Урсона и связующего звена озёр Буир-нур и Далай-нур. Мы поставили палатки с намерением долгого постоя, когда внезапно пистолетные выстрелы вызвали переполох. Эти выстрелы, как сразу выяснилось, были направлены казаками в греющихся у поверхности воды рыб. А так как стрелять было запрещено, казаки, не желая лишать себя вкусной пищи, бросились в воду и саблями перебили такую массу щук и омуля, что питались мы ими в течение целых двух дней. Рыба, никогда не истребляемая человеком, не боялась людей, и к ней можно было подойти совсем близко. Однако нанести удар под прямым углом, пересекая воду, очень сложно, так как порой сопротивление воды поворачивает саблю под поверхностью, и в это время вместо рыбы можно порезать собственную ногу. Только казаки, отлично владеющие саблей, являются мастерами в такого рода охоте.

В течение двухдневного постоя на Халха-гол приезжали к нам монголы с мукой, табаком и шкурами. Мы вели обменную торговлю. Менее настойчиво меняли коней и верблюдов на сахар и войлоки, и оружие на серебро или меха. Самым большим спросом пользовались пистолеты маузер, за которые можно было получить до двухсот китайских тайанов.

На третий день, ранним утром, мы перешли вброд реку и направились трактом до Хайлара. Теперь у нас не было недостатка в воде и пастбищах, а короткие, едва ли тридцатикилометровые марши, оставляли время на охоту. У ручьёв и речек мы встречали китайские фанзы, сделанные из глины, а также мельницы, приводимые в движение лошадьми. Окружали их хорошие земледельческие хозяйства.

Так как разошлись слухи, что наша бригада переходит на службу Джан-дзолину и будет воевать с хунхузами (китайскими разбойниками), китайцы-колонисты принимали нас очень

гостеприимно.

На реке Шиве-гол конный посланец генерала Джан-Куйу привёз известие, что сам военачальник выезжает навстречу нам в сопровождении своего адъютанта, капитана Джи-лун-джана.

Действительно, на следующий день прибыл автомобиль, но только со свитой генерала, потому что он сам по причине неотложных дел не смог прибыть. Автомобиль вернулся в Хайлар, а адъютант поселился у нас в бригаде.

Капитан Джи-лун-джан был китайцем небольшого роста, с продолговатым лицом, без растительности, с узкими, хитро бегающими глазами. Говорил он на российско-китайском диалекте.

Он привёз множество местных газет, издаваемых в Маньчжурии, а также несколько большевистских. В этих последних было описание следствия Чека против генерала Унгерна. Следовательно, его тайна была разгадана. Барон попал в руки большевиков и был заключён в тюрьму в Новониколаевске.

Читая эти газеты, давние подчинённые Унгерна убедились, что их прежний, неустрашимый командующий не только не отказался во время следствия от совершённых поступков, но предупредил, что если ему удастся вырваться из рук палачей, до конца жизни будет бороться с большевизмом. Необычно смелое поведение барона произвело впечатление даже на большевиков. Газеты подробно описывали поведение узника, в сравнении с другими, например, с министром Пепеляевым, который ползал на коленях, умоляя революционный трибунал о снисхождении в виде принятия его в советскую армию. Злополучная судьба ожидала, как мы узнали из газет, полковников Львова и Ефарицкого, которые также были схвачены большевиками и расстреляны. Напрасно ссылались осуждённые на заслуги в организации заговора в «Азиатской Кавалерийской Дивизии». Получили справедливый ответ: предав раз своего вождя, могут так же быстро изменить и Советам.

Погиб и полковник Шишкин, воевавший в Саянских Горах, и генерал Бакич. Известия, касающиеся нашей бригады, были фальшивыми. Специальные отряды красных должны уже были нас якобы разбить в Монголии, сообщаемые при этом подробности боёв, названия местностей, а также представленные списки убитых офицеров — были совершенно лживыми.

Вскоре условия, установленные капитаном Джи-лун-джаном и нашим командованием, были представлены нам для ознакомления. Звучали они следующим образом: в Хайларе мы были обязаны сдать оружие и коней китайцам, за что солдатам обязались выплатить по пятьдесят тайанов, офицерам же — по

сто. Высшим чинам было разрешено продать или оставить себе верхового коня. Все участники «Азиатской Кавалерийской Дивизии» имели гарантированное право пребывания в Китае или Маньчжурии и обладания китайскими паспортами. В случае выезда до Амурского и Приморского Края они получали бесплатные визы и свободный проезд Восточно-Китайской Железной Дорогой. Кроме этого офицеры Унгерна могли получить предпочтительное право на планируемые должности инструкторов в китайской армии. Нашлось несколько любителей, жаждущих идти с оружием в руках вплоть до Владивостока, большинство, однако, согласились на принятие вышеупомянутых условий, ввиду чего Джи-лун-джан выслал посланца в Харбин с известием о заключении договора.

Теперь мы воспользовались всяческими удобствами. Все были рады приближающемуся окончанию странствия, только некоторые не могли примириться с мыслью о сдаче оружия в чужие руки, потому что это не соответствовало духу такой прекрасной некогда бригады.

Однако в хорошем настроении мы приближались к Хайлару, где разносился не слышанный в течение двух лет свист локомотива. Мы остановились на небольшом взгорье недалеко от цитадели. Перед нами тянулся город, застроенный домиками и храмами из глины или дерева и окружённый широкими валами. По улицам кружили усиленные патрули и полиция с карабинами. Евреи в опасении погрома бежали в Харбин или в Цицикар.

Сдача оружия бригадой произошла совершенно спокойно. Вскоре после этого большинство участников похода барона Унгерна направились во Владивосток, я же в компании нескольких коллег выехал в Харбин.

XXXVII. ЗАВЕРШЕНИЕ

«Азиатская Кавалерийская Дивизия» распалась, чтобы уже больше никогда не возникнуть. Во время взятия обратно Хабаровска из рук красных в последний раз, покрыли себя унгерновцы бессмертной славой в бешеной кавалерийской атаке, в которой погибла подавляющая часть отряда.

Генеральный штаб, защищающий Приморье, желая спасти последние устои «белых», поручил защиту самых слабых пунктов подверженного опасности района солдатам «кровавого барона». Во время атаки «красных», «белые», не имея патронов, погибли все в штыковом бою. В это время, когда под Никольском таяли остатки войск генералов Каппеля, Пепеляева и Унгерна, сотни штабистов и министров «приморского» правительства, увозя золото и товары, убегали из Владивостока за границу, чтобы вести там подлую, но свободную от забот жизнь.

Большевики заняли Владивосток, Япония же, Маньчжурия и Китай были переполнены российскими эмигрантами. У кого были деньги или протекция, получал лучшую должность, чем те, кто их не имел, такие брались за тяжёлую работу. В Харбине многие бывшие офицеры высшего ранга работали в качестве железнодорожных рабочих, сторожей или подметальщиков улиц. Жёны бывших сановников или магнатов, прислуживающие в ресторациях официантками, одарялись большими или меньшими чаевыми, в зависимости от их внешних прелестей. Среди массы эмигрантов проворно вились агенты большевиков, пробиваясь во все общественные касты и добывая нужные сведения при помощи денег или обмана.

Уполномоченный Дальневосточной Республики, бывший царский капитан артиллерии Кистер, известный официально под фамилией Озорнин, вёл коммунистическую и шпионскую акцию. В одном из его кабинетов помещалась так называемая «Чёрная книга», в которой находились фамилии и фотографии особ, враждебных идеям интернационализма. Туда были вписаны россияне, американцы, японцы, поляки и многие другие. Шпионы Озорнина знали даже тайные документы разных консульств.

Кроме того, множество комиссаров направлялись через море в Европу, выдавая себя за возвращающихся на родину поляков, литовцев или немцев. На корабле «Porthos», который вёз нас в Польшу, обнаружили мы несколько таких «птичек», едущих якобы для обучения во Францию, Германию и Польшу. Это были евреи, которых наши солдаты знали лично. Капитан Мисевич, давний командир автоотряда Пятой Сибирской Дивизии, передал их

настоящие фамилии Французскому Департаменту полиции в Сайгоне. К сожалению, несмотря на предостережения французской и польской полиции, эти коммунисты добрались в Польшу и, наверное, свободно сегодня гуляют по стране, пропагандируя начало Третьего Интернационала.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МОНГОЛИИ И УРЯНХАЕ

Проехав Монголию вдоль, а частично и поперёк, хотел бы я рассказать о богатствах этой страны. Точное обозначение мест, где мне попадались ископаемые богатства, является уже теперь невозможным, потому что добросовестно заполняемые мною дневники, коллекции и карты утонули в Селенге.

Монголия является необыкновенно богатым краем — особенно в отношении минералов. Эти богатства лежат почти на поверхности, как бы взывая о том, чтобы их добыли из земли. К сожалению, до настоящего времени в этом отношении в Монголии сделано очень мало. На это влияло: отсутствие путей сообщения, отдаление от промышленных центров, малая заинтересованность заграничного капитала, а главное может быть — монгольский предрассудок, не разрешающий копать землю. Однако и тут имело место отступление от убеждений. На расстоянии тридцати пяти километров от Урги Монгольское правительство добывало превосходный бурый уголь и годовая эксплуатация разреза, приносящая миллион килограммов (работало 20–40 неквалифицированных рабочих), едва удовлетворяла потребностям Урги. Это предпринимательство находилось в руках власти и приносило государственной казне очень хороший доход.

Кроме неимоверно богатых залежей бурого угля около Урги, в разных аймаках открыты ещё десять залежей, выходящих почти на поверхность земли. Каменного угля пока что не открыто, однако, известно, что тот всё же есть, хотя и на значительной глубине, а в Монголии пробные шахты не превышают глубины в десять метров.

Очень часто наталкивался я на медную руду, хотя и самые богатые месторождения открыты только в пяти местах, в частности, в аймаках Тушету-хана и Цецен-хана, а также в окрестностях Косогола. Самые богатые из известных до настоящего времени в Монголии месторождений медной руды находятся в аймаке Цецен-хана, потому что они занимают пространство на протяжении тридцати километров. Подобным образом и железная руда находится почти на всей территории северной Монголии, подробно, однако, указаны пять мест, имеющих упомянутую руду в больших количествах, как и самого лучшего качества. Золото добывают в больших количествах в Дзун-Модо и на Байдарике, кроме этого найдено оно также в

больших количествах в Монгольском Алтае. Мне удалось отыскать богатую жилу этого благородного металла в громадных кварцевых разломах в хошуне Ачиту-вана, видел я также самородки, найденные в Улясах около Улангома.

В Монголии очень мало серебра, в то же время достаточно оловянной руды. Графит и мрамор находятся в больших количествах около Косогола, каменная соль — в горах Танну-Ола, осадочная — во множестве солёных озёр.

Монголы, видя мою заинтересованность минералами, приносили мне часто разнообразные «камушки», среди которых порой находил я красивые рубины, аметисты, хризолиты, топазы, аквамарины, кристаллы горного хрусталя, гранаты, яшмы и агаты. Особенно красивый экземпляр гнезда рубинов, найденный в окрестностях Ван-хурэ, получил я от одного ламы, который нашёл эту друзу, отыскивая лекарственные травы в горах, находящихся в нескольких километрах от вышеупомянутого монастыря.

Громадные озёра полны рыбы и водяной птицы, а степи изобилуют всяческим зверем. Зимней порой некоторые виды зверей собираются в стада, насчитывающие по несколько тысяч голов. Разведение овец, коней и крупного рогатого скота даёт сотни тысяч шкур, десятки тысяч килограммов овечьей и верблюжьей шерсти.

Монголия имеет перед собой отличные перспективы развития, но для этого нужны капиталы и заинтересованность мира науки.

Путём соответствующей ирригации можно было бы надлежащим образом использовать колоссальные территории для организации земледельческих колоний, работающих на экспорт. При рациональном разведении скота, улучшении породности, обеспечении кормом на зиму, Монголия могла бы стать кормилицей сотен миллионов людей.

Край степей и пустынь смог бы покрыться тысячами рудников и шахт. Многие больные нашли бы настоящую помощь в виде лечебных вод, которыми неимоверно изобилует этот богатый край.

С точки зрения науки Монголия предоставляет широкое поле для интересных научных исследований: не раскопаны тысячи курганов, существует обильный фольклористический материал, сотни не изученных подробно руин ждут специалистов.

И эта пустыня Гоби, которая время от времени выбрасывает из глубин своих песков удивительные кости доисторических животных?

Урянхай вообще можно считать избранным местом, к

которому применимо библейское определение «край молоком и мёдом текущий».

Из ископаемых богатств находятся там: железо, медь, оловянные руды, соль, сера и многие другие минералы. Мраморы, граниты, сланцы разбросаны среди громадных горных цепей восточного Урянхая, асбест в бесчисленных пластах у Хемчика, золото в горных ручьях и речках в виде самородков. Мне не пришлось побывать в северных районах гор хребта Танну-Ола, поэтому не имею сведений об их богатствах.

В древности Урянхай был краем, имеющим высокую культуру земледелия. Об этом свидетельствуют до сих пор сохранившиеся ирригационные каналы, идущие вдоль безводных территорий. Земля здесь плодородная и лёгкая для возделывания, родящая изумительную пшеницу. Российские колонисты, довольствующиеся примитивными способами орошения, вывозили из Урянхая год из года миллионы пудов прекраснейшего зерна.

Огромные, дикие ещё пространства гор, окружающих со всех сторон котловину Урянхая, покрыты девственными лесами с бесценным древостоем, в тех лесах полно зверей, дающих благородный мех. Подобно как и в Монголии, и здесь часто в горах встречаются драгоценные камни.

Оба этих края имеют перед собой светозарную промышленную будущность и, наверное, станут пунктом эмиграции разных европейских народов, однако успеха добьются те, для кого пространство не является помехой, покорителями станут закалённые люди, готовые к борьбе с природой и препятствиями.

Пока что эти прекрасные регионы заняли большевики, создавая из них составляющие части советской республики. Не о благополучии этих краёв и людей идёт здесь речь, а о реализации утопических доктрин, о моральном развращении примитивных народов, населяющих эти земли, чтобы потом легче овладеть их неимоверными богатствами, и противопоставить Европе так называемую жёлтую опасность.

notes

Примечания

1

Вместо фамилий поставлены начальные буквы тех особ, которые или живут, или их семьи находятся в Советской России. Фамилии убитых и большевиков подлинные.

2

Рога марала, сваренные в крепком соляном растворе и высушенные, носят в торговом обращении название панты и покупаются китайцами на вес серебра, по причине их омолаживающих для человека качеств.

3

Сойоты — обитатели Урянхая.

4

Саянские Горы отделяют Урянхайский Край от Сибири.

5

Административная единица (княжество).

6

Река Енисей в верхнем течении называется Шишкит, потом Хуакем и только от Белоцарска имеет общепринятое название Енисей.

7

Монгольская национальная верхняя одежда, вроде халата.

8

Единица веса 1 лан равна 36 граммом, делится на 10 чин, 100 фун, 1000 ли, 10000 хоо.

9

«Ганчжур» (*тибетск.*) — перевод слов Будды. Состоит из 103 томов.

10

«Данчжур» (*тибетск.*) — объяснение науки. Состоит из 225 томов.

11

Хутухту — божественный.

12

Геген — святой, благочестивый.

13

Ovis argali (*лат.*).

14

Монгольское племя, кочующее вдоль Великой Китайской Стены, на границах провинции Чи-ли (Джийли, Чих-ли).

15

Дамба-джанцын-лама, прозванный Джа-лама, астраханский калмык; появился в Монголии в 1886–1890 гг., пропагандируя независимость Монголии. Был многократно схвачен китайцами и всегда умел избежать угрожающей ему смерти, исчезал на некоторое время и снова появлялся, пробуждая в монголах желание сбросить китайское ярмо. Необычайная популярность Джа-ламы среди монголов объяснялась молвой, что он является воплощением народного героя Амурсаны, который в 1750–1760 гг. боролся за независимость Монголии от китайцев.

16

Куланы держатся окрестностей Харгос-нур, реки Кунгур, Джахыо и Дурга-нур.

17

Властвовал в XVII веке над западными монголами.

18

Раскопки керексуров (старых могил) сурово караются в Монголии, потому что копание земли в принципе считается грехом. Однако многие из этих могил раскопали учёные в научных целях, а китайцы — в целях прибыли, потому что обычно керексуры содержали очень ценные вещи.

19

Кулис — китайский работник.

20

Гамины — это китайцы, которым Монголия формально принадлежала до 1912 года, и возжелавшие её вернуть в 1918 году.

21

Дугун — магазин, торговый дом.

Видимо, офицерская контрбольшевистская организация. Но в 1920 г. большевики напали на её следы и около 20 000 офицеров расстреляли в Коломзино под Омском. Полковник Полетика, лично мне известный со стычек в 1918 г. на Урале, был расстрелян большевиками в Красноярске в 1920 г.

23

Дорчи-дзурган — китайский чиновник, занимающийся только вопросами китайцев в Монголии. Монгол-дзурган — китайский чиновник, занимающийся только вопросами, возникающими из споров между китайцами и монголами.

24

Г. Констен в своей книге «Weidenplätze der Mongolen» утверждает, что нашёл руины давнего Улясутая в песках Гоби.

25

Талхан — пшеничная мука грубого помола, поджаренная на огне.

26

Генерал Каппель, отступая с Урала перед большевиками в 1919–1920 гг., повёл свою армию на Дальний Восток, и поэтому этот поход, насчитывающий несколько тысяч километров, совершённый зимой, в тяжелейших условиях, назвали «ледовым переходом».

27

Длинные тонкие жерди, снабжённые на выступающем конце верёвочной петлёй.